Вера
КОСМОЛИНСКАЯ
(Гарольд Бранд)

Хроники станции «Янус»

ЗВЕЗДНЫЕ ТРОНЫ
Туннелирование

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хроники станции «Янус», третий сюжет, первая книга.

Место действия: Денебское королевство, время действия: 36 век.

- Гарольд Бранд
  - I/III. Аннигиляция
    - 1/4. Туннелирование
    - 2/4. Гирлянды и флаги
    - 3/4. Кулисы
    - 4/4. Взрыв
  - II/III. Проект «Пандора»
    -
    - 1/4. Океан
    - 2/4. Визитеры
    - 3/4. Капсула
    - 4/4. Капелла
  - III/III. Игра в кости
    -
    - 1/4. Приглашение на охоту
    - 2/4. Фальстарт
    - 3/4. Глубокое погружение
    - 4/4. «На круги своя»

Гарольд Бранд
(В. П. Космолинская)
ЗВЕЗДНЫЕ ТРОНЫ
Книга 1
ТУННЕЛИРОВАНИЕ

I/III. Аннигиляция

Этот мир не только «вертится»,
но еще и все время взрывается.

Фемида носит повязку.
Хроносу она не нужна.

1/4. Туннелирование

Всему на свете приходит конец.

Время от времени.

Иногда все встает на свои места с таким лязгом и скрежетом, что кажется, уж лучше бы никогда не вставало.

Совершенно чужие люди, в чуждой среде, а ты совершенно сложившаяся личность, приспособленная к чему-то… совсем другому.

Понятия не имею, на что мы когда-то надеялись. На то, что этого никогда не случится? Несмотря на все перемещения во времени, мы выросли в мире, где монархии казались безбожным анахронизмом. Правда, и таких миров и времен мы повидали немало, но этот мир не был привычно другим. Он был нашим. А мы — были в нем анахронизмом.

Почти то же самое, что оказаться вдруг по другую сторону линз микроскопа.

И я никак не мог решить, благодарить ли родителей за замечательно проведенное детство, или осуждать за то, что теперь я не то чтобы не был ко всему этому готов, а прямо-таки не желал быть готовым.

К тому же это чертовски странно — ощущать себя шпионом в собственном… королевстве. Будто изучающим его отстраненно с какой-то целью.

Я знал, что мама очень беспокоилась обо всех нас, когда раскрыла давний секрет, потребовав свидетельств нашей жизни и безопасности. Но даже не представлял, как себя с ней вести. Это пугало. Ведь вышло так, что мы ее совсем не знали. Разве что понаслышке. Несомненно, она о нас заботилась, как могла на расстоянии, в частности как раз в том, что предоставила нам столько лет жить своей жизнью. Но то, что она знала о нас теперь, было совершенной абстракцией. Столкновение с реальностью могло всех нас сильно разочаровать. Разочаровать ее. Чего стоил ее столь долговременный вклад? Не думаю, что мы могли ожидать от нее больше, чем она от нас. Она сделала все, что могла. А вот мы пока не сделали ничего. Больше всего разочаровать себя могли только мы сами.

Тем более, увы, что у нас не было никакого желания менять свою жизнь. Но не было и выбора. Едва только стало известно, кто мы по происхождению — и путь назад был отрезан. Ни одно из государств не должно слишком сильно влиять на «Янус». Ни Солнечная Лига, которой мы в этом отказали, приняв чрезвычайные меры, ни Денеб, который мы теперь представляли

по праву рождения. Если мы не пожелаем уйти, это автоматически будет означать захват станции. Одно то, что мы пробыли здесь так долго, знали слишком много, а под конец оказались замешаны в крупном скандале на всю известную обитаемую вселенную с внезапным исчезновением из континуума крупного международного секретного объекта выглядело, мягко говоря, сомнительно. Скорее всего, это повлияет в сторону ужесточения на галактическое законодательство об «отложенных браках». Немалые вольности в которых объяснялись тем, что браки сейчас людям не так уж нужны. Но когда дело доходит до вопросов наследства, особенно при таких анахронизмах как монархии, все летит кувырком. Даром что все связанные с последним обстоятельством инциденты носят в галактике штучный характер. Как точечно попадающие снаряды.

Мы еще оставались на Станции по завершении последнего эксперимента, отягощенного сложностями политики и всеобщего переполоха. Какое-то время мы уже находились в своем пространстве и даже совершили кое-какие действия, прежде чем объявили о своем возвращении и удачном опыте — некоторых открытиях и уточнениях, касающихся потенциальных возможностей «Януса», до конца еще не изученных. Теперь, лучше их понимая, мы можем создавать новые аналогичные механизмы с меньшим предполагаемым риском и меньшей вероятностью фатальных ошибок.

Может быть, нам надо было прямо заглянуть в то самое время, когда был «изобретен» «Янус»? Но как это отразится на всем дальнейшем, если мы «спугнем» его «создателей»? Оставалась еще вероятность, что сам «Янус» некогда попал к нам из будущего, которое, раз это случилось, уже никогда не будет нашим будущим, так как изменилось слишком многое. Мы все еще не были к этому готовы. И раскрывать все собственные карты — не были готовы тоже. Если мы уже существуем в «подправленной» вселенной… А это ведь происходит, судя по всему, постоянно, так или иначе. Мы уже сами были когда-то в поворотной точке для «новой вселенной» — целой ветви вероятностей, даже столкнулись с коллегой-наблюдателем из будущего, которое никогда не было и не будет нашим. Он вел себя очень осторожно. Его возможности были если не выше наших, то какими-то иными. По-видимому, он действительно прожил с нашими двойниками из прошлого, в сознание которых нам пришлось тогда внедриться, много лет, следя за каждым их шагом, явно боясь что-то нарушить, и все-таки вмешиваясь одним своим присутствием и наверняка что-то изменив, что создавало новые и новые вероятности.

Однажды, конечно, кто-то вернется в тот момент времени, когда был создан «Янус», чтобы взглянуть на него. Но не сейчас. Несмотря на то, что с перспективой никогда больше не отправиться в прошлое хотелось совершить напоследок что-нибудь безумное. Но именно это желание и останавливало, мы уже натворили достаточно много безумного, теперь последнее, что стоило бы делать, это окончательно выбивать из-под себя табуретку реальности.

В любом случае близился момент, когда «буферное время» восстановится, перекрыв этот важный период еще надолго. Причем непредсказуемо, когда именно это случится, и сможем ли мы благополучно вернуться, если все же вздумаем рискнуть. Не стоило слишком усугублять хаос. И не стоило слишком быстро все узнавать, раз мы собирались поделиться кое-какими открытиями с другими — с теми, кто продолжит все это уже без нас. Иногда некоторых вещей надежней не знать.

Пока не восстановится буфер, мы надеялись вовсе никого сюда не пускать. Хотя бы пока «Янус» не «замрет». Потому что сперва, на неопределенный срок, он перестанет функционировать, перейдет в нерабочее состояние. Объяснить которое тем, кто нас сменит, будет трудно. Но они ничего не смогут с этим поделать. Мы собирались объяснить замирание механизма — на неопределенное время при полном масштабном перемещении — поглощением слишком большого количества энергии. Так оно и было — мы скрывали только первоначальный эффект с временным исчезновением «буфера» сразу после подобного перемещения.

Но пока «Янус» снова не «отомрет», мир в галактике будет буквально висеть на волоске. Не подозревать нас в намеренной диверсии будет только ленивый. В идеале нам следовало объявить о своем присутствии лишь тогда, когда все наладится. Но это могло занять еще очень долгий срок. Мог наложиться и эффект от предыдущего «прыжка» Станции, и еще больше увеличить время замирания. А в галактике и так все было совсем не весело.

И теперь вся галактика была в курсе, где мы находимся. Мы объявили об успешном окончании эксперимента и выразили полное недоумение по поводу имеющего место всеобщего смятения — мы же всех предупредили! Разве нет? Мы не предупредили непосредственно правительство Лиги? А разве мы были должны? Да и кто ожидал, что все получится с первой же попытки? Нам просто повезло. А вот возвращаться в то же время и в те же координаты было чрезвычайно опасно — могли случиться какие угодно катастрофические накладки по элементарным

физическим причинам. И мы выбрали нейтральную не оживленную зону, где было меньше шансов с кем-либо столкнуться. К тому же у нас и впрямь есть тревожащие сведения от нашего пропавшего было, но благополучно нашедшегося, младшего члена экипажа лейтенанта Нейта Карелла. И эти сведения требуют разбирательства.

А что произошло со мной во время полета на «Горгулье», которая якобы взорвалась, а затем внезапно объявилась хоть и потрепанная, но почти целехонькая, перед самым исчезновением «Януса»? Абсолютно ничего. На корабль, на котором мне посчастливилось лететь с Марса, действительно напали откуда-то взявшиеся сумасшедшие пираты, но команда благополучно отбилась и доставила всех пассажиров на место в целости и сохранности. Да, разумеется, мы все не исключаем, что это были не просто пираты, но это всего лишь подозрения, и все обошлось. Потому что мы очень вовремя обнаружили и обезвредили заложенную на борту во время атаки бомбу. И конечно, машина времени тут совершенно ни при чем. Зарегистрированный патрулем взрыв был всего лишь визуальной симуляцией, произведенной в интересах безопасности пассажиров. Да, нам всем по разным каналам доступны кое-какие интересные маневры. Просто удача, ловкость легендарной команды капитана Арли и ничего больше. Разве само его имя не говорит за себя? Неудивительно, что команда справилась с проблемой шутя. Но теперь, увы, и ей, и сестре нашего младшего научного сотрудника, как и ему самому, почему-то требуется политическое убежище. Которое, естественно, мы не можем им не предоставить, став непосредственными свидетелями того, какие творятся странности. Вот свидетелем происходящего, как один из пассажиров, я действительно был. И конечно, мы немного беспокоились и за себя. Так как все это, без сомнения, ужасно подозрительно.

Итак, то, что мы почти сразу после инцидента с взрывающимся и возвращающимся кораблем, а также после моего присутствия на опознании погибшего в результате несчастного случая бывшего коллеги, переместили Станцию, пропав без вести, вовсе не являлось захватом Денебом ценного секретного объекта. Мы действительно готовы оставить его в любое время. Но только не в Солнечной Лиге, пока все странности не прояснятся. И всегда готовы консультировать новых исследователей. К сожалению, прямо сейчас у нас на борту некоторые технические проблемы, вызванные беспрецедентным масштабным маневром. Подробный отчет обо всем непременно будет представлен, как только мы справимся с некоторыми последствиями эксперимента.

Нет ничего удивительного или возмутительного в том, что некоторым из нас придется оставить Станцию практически немедленно, в ультимативном порядке, раз вселенной так будет спокойнее, мы все отлично понимаем. А что касается тех, кому мы предоставили убежище, теперь мы предоставляем его им от имени Денеба. Абсолютно очевидно, мы все еще полностью готовы сотрудничать с Космополитическим Союзом, в чьей юрисдикции всегда и находился «Янус».

* * *

«Янус» окружали десятки боевых кораблей. Они нетерпеливо застыли неподалеку, выстроившись в занятные фигуры, напоминающие кристаллические решетки. Все страшно боялись потерять бдительность. Предполагалось, что эти корабли — наша необходимая защита. Может, они были бы рады оказаться не только защитой, но если бы нам вздумалось снова испариться, ничего поделать, по большому счету, они бы не смогли. При наличии злой воли они бы не были помехой. Так что были раздражающим фактором только при наличии «доброй». Ну и, разумеется, в некотором роде действительно служили защитой. От внешних врагов. По собственной воле или неволе.

Отец побарабанил пальцами по панели управления и посмотрел на, как обычно, невозмутимую Антею.

— Смотрю, эффект пока не собирается пропадать. Но раз о нем пока никто не знает, возможно, его удастся скрыть, даже если нас тут уже не будет.

— Разумеется, — бодро ответила Антея. Казалось, проблемы существуют для нее разве что в виде абстрактных графиков и отвлеченных задач. — О буфере известно всем. Так что его отсутствие никто не заподозрит. А если заподозрит, решит, что сам еще чего-то не понимает.

— А буфер тем временем восстановится.

— А «замрет» Станция еще раньше, и будет в это время совершенно безопасна.

Антея оставалась на «Янусе». Удалить отсюда сразу всех специалистов, работавших в режиме секретности, было и неразумно, и невозможно, только они могли знать все детали и тонкости, и помочь кому-то еще справиться с механизмом. Отбывали только мы трое — отец, Линор и я, свежеиспеченное денебское королевское семейство. А также посторонние, в число которых попал теперь и Нейт. Остальным предстояло нести оборону дальше. Бразды правления временно и номинально

принимали Олаф и Антея: Олаф по «административно-десантной» части, Антея по инженерной. Было бы неплохо, если бы кто-то из них по-настоящему возглавил Станцию, а не кто-либо назначенный со стороны. Но несмотря на все наши рекомендации, решать это было уже не нам.

Я припоминал ощущение, не так давно испытанное в Камелоте: что чувствует отрезанный ломоть, когда нож уже прошелся? Он все еще лежит на доске, слишком близко к тому, от чего его отрезали, и не может поверить, что связи больше нет.

Есть в попытках постигнуть подобные вещи что-то совершенно бесполезное, но они придают бытию незабываемые оттенки. Нет чтобы это было что-то хорошее… Впрочем, в хорошем зачастую просто не хочется разбираться. Оно цельно. А сложное — это, может быть, тоже не что-то плохое, это просто что-то сложное. Странное. Интересное. Ведь, строго говоря, далеко не во всех версиях вселенной все это происходит. И кажется, в такие моменты можно почувствовать, как один слой отделяется от другого, чтобы отойти затем неизмеримо далеко. Но ты еще чувствуешь смежные измерения, в которых ничего подобного не происходит, они еще «рядом», там все будет «по-старому». И еще долго не изменится и просто все будет совсем-совсем иначе. И ты прощаешься с этими другими мирами и с другим собой. Мог ли ты как-то повлиять на то, в какой вселенной окажешься? Это происходило каждое мгновение. И вот мы — здесь. И будем где-то еще.

— Верно, — кивнул отец. — Не считая того, что это может быть опасно для вас.

— Никто кроме нас не сможет ничего наладить, — улыбнулась Антея. — Это удержит непосвященных на почтительном расстоянии.

Отец тихо одобрительно усмехнулся в медные усы.

— Мы ведь уже предупредили, что после масштабного перемещения вот-вот наступит тот эффект, что должен случиться, — продолжала Антея. — Так что пользоваться «Янусом» сейчас не стоит: «замереть» он может в любой момент, и где тогда окажутся вздумавшие рисковать исследователи?

— В любом случае это чертовски похоже на диверсию, — меланхолично заявил Фризиан.

— Чертовски, — подхватил отец. — Но боюсь, если мы будем тут еще оставаться в то время, когда замрет Станция, объяснить это будет еще труднее.

— Определенно, — согласился Фризиан, поморщившись и чуть наигранно вздохнув. — Я думаю, что вы можете полностью на нас положиться, доктор Гелион. А мы уж постараемся не

подвести. — Он тонко, будто натянуто, улыбнулся, посмотрев на отца загадочно-печальным и одновременно изучающим взглядом темных глаз, который можно было бы назвать настораживающим, если бы мы не знали Фризиана сто лет, и не привыкли, что он всегда ведет себя как нераскрытый шпион, знающий обо всем на свете куда больше, чем говорит. Такая уж у него манера. И надо признать, зверски харизматичная. Всерьез ее принимал разве что только Гамлет. Да и тот, пожалуй, больше для развлечения. Чтобы было кого поподозревать и над чем иногда шумно подраматизировать и поморализировать, спуская пар. У всех свои любимые игры и свое чувство юмора.

— Всегда хотел знать, на кого ты работаешь, — сварливо пробурчал Гамлет, с удовольствием ловя наживку. — Может, скоро узнаю.

Все может быть. В конце концов, никогда ничего не известно полностью. О нас и Денебе, к примеру, тоже долго никто ничего не знал.

Я оглянулся в зал, где посреди капсул перемещений, оглядывая их с опаской и изумлением, расхаживала старшая сестрица Нейта — Тарси. В синем бархатном элегантном костюме, строгом, но ничуть не напоминающем ее прежней зловещей темно-зеленой униформы. Иссиня-черные волосы уложены свободнее, но по-прежнему безупречно. То, как она дотронулась до стенки капсулы, а потом почти отдернула руку, выглядело едва ли по-доброму заинтересованно.

— Они пугают тебя? — поинтересовался я вполголоса, подойдя ближе.

Она со странным затруднением перевела дух и, прищурившись, мрачновато посмотрела на капсулу, которой мы пользовались совсем недавно, чтобы попасть на «Горгулью», потом перевела оставшийся колючим взгляд на другие капсулы, использующиеся для неполного перемещения — только для отправки в прошлое психоматрицы, подсаживаемой в голову подходящему носителю.

— И это вы называете «возвращением»? — проговорила она своим мелодичным голосом Снежной королевы — позванивающим как льдинки. — Строго говоря, вас рассеивает на атомы, а потом собирает снова, из совсем других частиц, подвернувшихся в нужном месте и времени. Полные копии… Но ведь лишь копии! А оригиналы при этом — разрушаются?..

— Ну… если подходить технически, не совсем, но… примерно так и есть. Почему бы нет? Оригиналы — это тоже лишь определенный порядок атомов. И порядок — сохраняется. Все, что могло быть произведено их набором, который, в

сущности, нейтрален. Даже странно, что ты так это воспринимаешь. Признаться, после всего, что я о тебе знаю, не ожидал…

Она не улыбнулась в ответ. Оставалась напряженной.

— Это просто первый раз, — заметил я со всем привычным хладнокровием. — Я уже забыл, как это бывает. Обычно думаешь обо всем сразу — тот ли ты, что был еще вчера, сколько в тебе осталось настоящего? Сколько вообще в этой вселенной настоящего? Что такое «настоящее» — существует ли оно? Но мы меняемся каждый день и остаемся теми же. Это не слишком отличается от обычного порядка вещей.

Тарси чуть поджала губы, нервничая.

— Может быть. Я знала, что это происходило с моим братом. Но знание — это одно. А когда попробуешь… и вдруг осознаешь, что обратной дороги нет — кем бы ты ни стал, кем бы ни был в прошлом, это уже свершилось. Твоего оригинала не существует. Но есть ты, и ты не знаешь, кто ты… — она покачала головой. — Вы все преспокойно совершаете это с собой, постоянно. Я даже не знаю, чем тебя пыталась напугать моя мать.

— Если задуматься, только тем, что еще больше разуверила меня в реальности.

Наверное, в моем голосе появилось что-то не совсем безмятежное, потому что она быстро вскинула на меня взгляд широко-раскрытых ярко-синих глаз, уже не кажущихся холодными.

— Прости. Вот теперь я почему-то почувствовала, что это все-таки реальность, — она снова перевела дух. — И она очень… жесткая. Странно, наверное, что у меня могут сдавать нервы по таким пустякам?

— Да нет, не странно. Наверное, все вместе. Ты сама разрушила свою реальность, потому что сочла это нужным. И она разрушилась во всех смыслах, какие можно представить. И в простом человеческом, и — в техническом, если так можно назвать. Ты даже побывала в другой вселенной, которую теперь не знаешь, как расценивать — как бред, галлюцинацию или что-то настоящее — но если это было настоящим, то чем было прошлое, в котором этого не было? Что тогда это наше настоящее — настоящее ли оно? Правильное? Или правильный мир — какой-то совсем другой. А этот всего лишь ошибка и недоразумение. Кошмар, который хочется прогнать, стараясь проснуться. Ведь кажется, что все могло быть иначе. Что все можно изменить, прямо сейчас, неоднократно, пробуя снова и снова, доводя до совершенства или безумия, бесконечно. Только чем тогда все станет? Почему нельзя изменить больше? Почему не попытаться

исправить все на свете? Но отнимая право на реальность у чего бы то ни было, ты отнимаешь его у самого себя — потому что и ты просто ошибка и случайность, порожденная многими ошибками и недоразумениями.

Она закрыла глаза и вздохнула.

— Да!..

— И ты сожалеешь о том, что сделала, когда вздумала изменить свою реальность?

Тарси вздрогнула.

— Я не сожалею об этом!..

— Не сожалела. В прошлом. Время имеет значение. Время, которое, может быть, можно переписать.

— Это недостойно! Я просто теряю веру в происходящее, и мне хочется… как же звалась эта глупая древняя птица? Та, что прятала голову в песок?.. Как же говорил Нейт?..

— Страус.

— Страус! Это я.

— Это не ты. Даже не представляю, сколько нужно храбрости, чтобы однажды вырваться из того мира, в котором ты жила.

Она перевела дух и слегка покачала головой.

— Совсем немного, если чувствуешь, что не живешь. И все становится страшнее и страшнее. И кажется, что хуже быть просто не может. Можно сделать что угодно, лишь бы это изменить.

— Даже заключить сделку с дьяволом, который может казаться таким привлекательным. То есть, с нами. — Она возмущенно нахмурилась, вместо того, чтобы улыбнуться, но не стала возражать. Что поделать, если так сейчас звучали ее мысли. Сомнения на то и сомнения — что мнения на какой-то счет могут быть самыми противоречивыми одновременно, в одной и той же голове. — Думаю, ты к себе несправедлива. Но в одном ты права, — я погладил стенку ближайшей капсулы. — Это очень далеко даже от той реальности, к которой ты была готова. Это многих сводило с ума. Буквально. Но это пройдет. Ты выдержишь. Я бы даже сказал, что… тебе это точно должно было помочь *развеяться*!

Тарси пристально воззрилась на меня, пораженно приоткрыв рот.

— Развеяться?!.. — будто сама от себя этого не ожидая, она звонко расхохоталась, и тут же постаралась заглушить смех, смущенно закашлявшись. — Да это чистая правда!.. Развеяться!..

— Теперь можно взглянуть на мир по-новому! Совершенно другими глазами! Начать новую жизнь!

— Какой ужас! — воскликнула она, явно повеселев. — Ваш мир совершенно сумасшедший! Боже мой… — покачав головой,

она уже с новым оттенком изумления прикоснулась к капсуле. — И вдруг он стал мне нравиться!.. Но жаль — только стал нравиться, и… — она немного порозовела, — нет, жаль не за себя. Жаль, что вам придется его покинуть…

Мне тоже. Я пожал плечами.

— Нам придется покинуть только «Янус». А мир — как был сумасшедшим, так и останется. Все эти вселенные — они ведь существуют на самом деле. И продолжают расходиться каждое мгновение, постоянно появляется что-то новое и разбегается во все стороны, а мы случайно остаемся там, где осознаем себя. Случайно или закономерно — часто совсем неважно. Путешествие продолжается. Всегда.

— Спасибо, — сказала она серьезно, улыбнувшись. — Теперь мне легче ощущать себя оторванной от своего прошлого. Даже не ожидала…

Я внимательно посмотрел на нее — точеный профиль, четко-очерченные губы, которых я уже касался, и был бы не прочь коснуться снова, но… ощущение магнетизма, почти материальное, хоть и оставалось, ничего подобного не произошло, что-то было под запретом. Я мельком глянул в сторону — может быть, мешало то, что слишком неподалеку кто-то есть? Нет, не это. Что-то другое. Невидимое. Несуществующее? Наверное — просто реальность.

С тех пор, как Тарси призналась, кто она, вернее, кто они оба с Нейтом, пусть я сам об этом давно догадывался, между нами, собственно говоря, было все кончено. Хотя то, что она призналась, выражало ее добрую волю, но также говорило о том, что «все, что мы можем подозревать, возможно». Даже сейчас. Если в этом есть дурной замысел.

Она нравилась мне, потому что должна была нравиться. Для этого были созданы все условия. Но в какой момент это перестало быть изначальной интригой? И даже — переставало ли?

Все, что она теперь могла сделать хорошего — самоустраниться и держаться намеренно в стороне. Зная, что нравится мне и этим. При всей искренности с обеих сторон, это продолжало оставаться ловушкой.

Корабль, прибывший за нами, был небольшим. Нейтральным. Ему надлежало доставить нас на борт денебского флагмана, который, разумеется, ни в коем случае не мог приблизиться к «Янусу» без международного скандала.

«Горгулья» тоже не могла доставить нас на место самостоятельно, ей предписывалось следовать за нами «в кильватере», строго рассчитанным курсом, без попыток какого бы

то ни было уклонения в сторону.

Оставалось надеяться, что мы действительно доберемся без эксцессов. (Или что какие-нибудь наши двойники вмешаются вовремя, чтобы изъять очередную бомбу, впрочем, это всего лишь нервная шутка для посвященных). По крайней мере, экипаж нашего транспорта явно не испытывал к нам ни тени симпатии. Кем бы мы ни являлись, прежде всего мы были бессовестными авантюристами, ловко воспользовавшимися лазейками в законах, применительно к материям буквально священным и неприкосновенным. Если мы не нарушили «букву» закона, то «дух» уж точно. А теперь еще и надежно прикрыты дипломатическим иммунитетом, если, конечно, кто-нибудь не пожелает немедленно выставить ультиматум и развязать войну. Строго говоря, мы же нарывались на то, чтобы она была развязана — мы сами ее развязывали. И кто мы после этого?

Впрочем, ближе к концу недолгого путешествия наше сопровождение стало оттаивать. Возможно, они тоже опасались эксцессов. Возможно, ожидали и с нашей стороны какой-то неведомой подлости. Но чувствуя, что скоро все закончится, заметно повеселели.

Так что на борт «Денебского Штандарта» — чем все серьезней, тем оригинальнее названия, мы перешли в совсем уже дружеской обстановке — оставляя ее за спиной. Зато на самом флагмане, несмотря на официальную торжественность, снова царила настороженность и едва прикрытая растерянность.

— Как каждый раз — в иную воду, — усмехнулся отец.

— И каждый раз в холодную, — поддержал я.

— Лучше, чем кипяток, — философски заметила сестрица Линор.

Учитывая кое-какой собственный жизненный опыт, я был склонен с ней согласиться.

На этот раз «Горгулье» не пришлось сопровождать нас в «кильватере». Она пришвартовалась к одному из шлюзов, где была закреплена… опустим слово «намертво», и ее команда также перешла к нам на борт, где, несмотря на некоторые вялые возражения капитана флагмана, мы встретили ее лично. Хотя бы одна из встреч должна же оказаться дружеской.

— Ну, расставались мы совсем ненадолго, — нарочито бодро заметил Майк Арли. Сколько вариаций его имени мелькнуло на моей недолгой памяти? Сперва я знал его под именем Ажен Майк, затем он оказался Майком Арли, а на самом деле, хотя вряд ли кто-нибудь когда-нибудь назовет его этим именем, его стоило бы звать Майкрофтом Фейербластом, если прилично сократить его родовое имя. Он мог бы быть наследником трона Веги. Которого

теперь не существовало. Вега была республикой, а ее последний правитель — проклинаемым сумасшедшим. Мало кто знал, что он не был повинен в происходивших полвека назад ужасах, кроме одного лишь последнего, что он остался в живых и, сменив все, что можно сменить, стал одним из самых известных героев Галактики. Сумев наступить на горло собственному прошлому.

Собственно, я понятия не имел, знает ли об этом сам Майк. Вышло так, что знали мы — чертовы историки, наводящие на многих чуть не суеверный страх, знала Тарси, чье прошлое протекло в веселой преисподней, где о заговоре знали совсем с другой стороны — той, где он был создан. Но знал ли об этом Майк? Мы как-то не спрашивали.

Не заговаривали об этом и с его отцом. Хотя не сомневались — он знает, что мы знаем. Но это не та вещь, о которой было бы приятно поговорить. О таких вещах приятнее молчать, хоть и ненамного. Знать и молчать тут — признак уважения.

— Наши дороги, похоже, вообще не склонны расходиться далеко. — И хорошо бы не в общем историческом смысле.

Майк кивнул, его глаза давно настороженно ничего не выражали. С одной стороны, команда «Горгульи» получила нашу защиту. С другой, стала зависимой от нас, от всей окружающей нас дипломатии, в которую никогда не играют чисто. Это не могло не угнетать.

— Буквально связаны. Во всех смыслах. Но это еще не самая скверная связь, — прибавил он спохватившись.

Всегда может быть хуже, и то верно.

Мы все не пожелали сразу расходиться по своим каютам, предпочтя просторную гостиную, где еще могли ощущать себя чем-то целым, чем-то с общим прошлым и наверняка общим зловещим будущим. По крайней мере, на ближайшую пару часов, пока мы, будто атомы, «туннелировали» к какой-то совсем другой своей жизни.

2/4. Гирлянды и флаги

Первая официальная встреча с матушкой должна была состояться в очередном «подвешенном состоянии». Ни на одной из планет. Впрочем, стоило ли считать стационарную военную базу просто кораблем? Пусть война еще не началась, но… это все равно одна из тех новых реальностей, с которыми придется иметь дело.

Может, лучше было бы остаться в Камелоте? Но тогда мы никогда не узнали бы, чего именно избежали, и стоило ли это делать. Все равно вечно чувствовали бы неудовлетворенность в «не своем» мире, почти ненастоящем для нас.

А этот вот — настоящий?

Насколько возможно, конечно — да…

Я задумчиво медитировал над белым с золотом парадным мундиром королевских бомбардировщиков. Именно в нем мне и предстояло встретить завтра матушку, впервые на людях в сознательной, да и в бессознательной, жизни. Выглядело все это так, что немедленно хотелось признать, что черный мундир «Януса» — верх адекватности… но, в конце концов, это лишь недостойный порыв убежать от всего. Что бы в этой ситуации, в этом окружении, выглядело нормально? Наверное, все равно ничего.

Предполагалось, что теперь я являюсь августейшим шефом данного рода войск. Всего лишь условность и формальность. В чине коммандера. (Да, я нарочно поставил эти две фразы рядом, именно в таком порядке).

Это была традиция. Когда-то давным-давно, когда Денебского королевства еще не существовало, один из предков правящей династии, Доннер Аллет, тот самый, маневр которого я однажды повторил, и в чьем разуме обитал какое-то время незамеченным, возглавлял эскадрилью, считавшуюся прародительницей именно этого полка. А это ведь даже занятно, что когда-то я действительно побывал в тех временах. В каком-то смысле условность и формальность почти переставала быть всего лишь условностью и формальностью. Как если бы — весьма отчасти — здесь мог присутствовать сам Доннер. Или почему сразу не король Артур, вернувшийся из Авалона? Я невольно рассмеялся вслух посреди пустой каюты. Честное слово, это забавно. И не было ни совпадением, ни чем-то знаковым или фатальным. Совершенно обыденная для нас закономерность. Как же не побывать в самых интересных исторических периодах, если можешь? Все элементарно и логично.

Я влез в новую «змеиную кожу» — а ведь предполагается, что у змей новая отрастает сама, и посмотрел в зеркало… Кто это?

Видимо, я. Но ощущение возникло такое, будто я снова в каком-то другом времени и мире. Снова кто-то другой — это казалось естественным и привычным. Но на этот раз это в самом деле я. Для которого прежний образ был маской, под которой я мог благополучно прожить всю жизнь. Она меня вполне устраивала — но устраивала сама по себе — или потому, что была маской? Мы не привыкли ни к собственному миру, ни к тому, чтобы быть собой. Правда… разве под маской мы всегда не более искренни, чем настоящие? Медаль о двух сторонах. Полкартины закрыто в одном случае, полкартины в другом. Что именно вы сочли бы более важным? Только букву или только дух — закона или беззакония?

Это можно было назвать классическими потайными ходами — каюты «королевской семьи» соединялись отдельными внутренними коридорами. Узкими, обитыми для вящего удобства какой-то мягкой тканью. С автоматически включающимся приглушенным освещением. По одному из этих коридорчиков я проследовал и постучался в каюту Линор.

— Эрвин? — вскоре донеслось из-за двери.

— И легион фамильных призраков, — в мрачном настроении очень хотелось молоть чепуху, какой бы она ни была натянутой.

Щелкнула задвижка. Ого… Да, я предполагал, что Линор тоже готовится к завтрашнему дню, и все равно — ого… Золотистое атласное платье со стоячим кружевным воротником, сплетенным из тонких проволочек, зубчатым, унизанным янтарными шишечками, смотрелось на Линор так, что это действительно было «ого!»

— Где белый конь? — поинтересовалась Линор, пристально поглядев на меня.

— Скончался в страшных муках, переев одуванчиков. Потрясающе выглядишь!

— Как-то несерьезно, — с сомнением покрутила головой Линор.

— Это ты-то несерьезно? Это я, кажется, несерьезно.

— Да, есть кое-какая нелепость…

— Спасибо, я так и знал!

— Картинка-перевертыш, — фыркнула Линор. — Почему, если ты в мундире, то я — нет?

— Зато… это означает потенциально меньшую фиксацию в системе. Ты и так принцесса, и этим все сказано. Ты можешь быть кем угодно, вплоть до главнокомандующего и «господа бога», а я

— всего лишь коммандер? Да, я согласен, тут есть какое-то подозрительное неравенство!

Линор звонко расхохоталась.

— Это же ничего не значит!..

— Вот именно! — подтвердил я похоронным тоном.

— Может, это так для равновесия? А то, наверное, мы и правда смотрелись бы смешнее, будь оба якобы за какие-то войска. Надо же символически представлять и гражданских…

— Да, согласен.

— И было бы менее серьезно, если бы мы оба выглядели нейтрально — убилась бы половина официальности. А так — есть некоторая подчеркнутость, что все серьезно. И все в равновесии.

— Угу, уверен, тут все продумано.

Линор усмехнулась и вздохнула.

— Да, конечно. А отец все еще будет при некоторых регалиях «Януса».

— Это будет справедливо. Пусть «в отставке», но он отдал ему всю жизнь. Он до сих пор скорее представитель Союза, чем какого-либо государства.

— Даже *нашего*, — она произнесла это слово, как если бы оно плохо укладывалось у нее на языке и еще хуже в голове. — Такое ощущение, будто нас растаскивает по разным галактикам.

— По-моему, уже растащило.

— Думаю, что все-таки еще нет…

— Это потому, что янтарные шишечки — нейтральны.

— А военные игры, одни или другие — тоже совершенно одинаковы.

— Главное, не оказаться одновременно по разные стороны фронта. Даже символически. Античастица тоже частица, но с обычной частицей — аннигилирует. Хотя, казалось бы — ведь один черт.

— Какие-то мы сегодня веселые.

— Я не знаю, будем ли мы когда-нибудь другими. Мне кажется… — Я помолчал, потом махнул рукой. У меня было ощущение, что мы — бабочки, которые вот-вот должны занять свое место в гербарии.

Есть ли жизнь в гербарии? Скоро узнаем. Золотистые проволочки — как крылья. Эффектные и неживые.

— Знаешь, — сказала Линор, задумчиво глядя в кажущееся старомодным зеркало-трюмо. — Мне жаль, что мы не могли забрать с собой Экскалибур.

Я улыбнулся и кивнул. Меч остался в коллекции «Януса». Как будто у нас вообще не было ничего личного, принадлежащего именно нам — скользнули по жизни, и по чужим жизням, как

тени.

— Кстати об оружии, — повеселела Линор, оглянувшись и снова окинув меня изучающим взором. — Ничего огнестрельного, а? Разве нам не положено?

— Видимо, нет. — Я развел руками. — Предполагается, что у нас целые армии и флотилии защитников. С пушками, способными разносить планеты в мелкое крошево.

— Но холодное… — Линор кивнула на мою парадную шпагу. — Оно игрушечное?

Я рассмеялся и вытащил «игрушку» из ножен. Узкий, матовый, инкрустированный узорами желтого металла, клинок.

— Почти. Она «дуэльная» — электрическая. Помнишь такие? Нажимаешь на кнопку, попадая в противника тем, что тут считается острием, и его сваливает с ног разрядом.

— Детский сад, — посмеявшись, признала Линор.

— Не спорю!

— Интересно, хоть аккумулятор в ней есть?

— Есть, я проверил.

— И спрятал трупы под ковриком?

— Думаю, повод еще будет…

— Да уж. Никуда не денется…

Мы шли по «золотой дорожке», благосклонно улыбаясь всем вокруг, на все стороны света и пространства-времени. Отец прошел тут ровно на десять минут раньше нас, присоединившись к нашей матери официально и на людях впервые. С принятием некоторых персональных почестей. Что он чувствовал на самом деле — было трудно сказать даже нам. Что попался? Что всех обыграл самой своей тайной и не зависит ни от чего, даже от нее, и при ее посредстве, от всего остального?

Что чувствовала мама, тоже трудно было сказать. Чувство превосходства? Свидетельство того, что она сделала со своей жизнью, что хотела? Некое злорадство по отношению ко всем традициям и условностям, или даже по отношению к нам, наконец вернув все «на круги своя»? Или чувство уязвимости, когда все открылось? И полной неуверенности в том, чем же она на самом деле теперь обладает.

Кот в мешке почти то же, что «барашек в ящике», но не совсем. Он существует.

Линор присела в реверансе, а потом удостоилась милости быть взаимно расцелованной матушкой в обе щеки. Со мной вышло формальней и смешнее, и довольно сомнительно. Я преклонил перед матерью колено как перед прекрасной дамой, под благосклонным взглядом отца, и чопорно поцеловал ей руку.

Подумав в этот момент, «а точно ли это выглядит так, будто она моя мать?» И что за дикие ассоциации?! «Молодой лев всегда убивает старого льва…» «Я не страдаю эдиповым комплексом! Я не страдаю эдиповым комплексом!..» Что поделать: архетипы — страшная штука, а все эти формальные ритуалы — во что именно играют? Что иллюстрируют?..

Закончилось, конечно, так же как с Линор. Мы расцеловались бы более душевно, если бы знали друг о друге хоть что-то. Но, может быть, узнаем. Хотя «все эти формальности» осаживают и охлаждают с самого начала.

А на деле, я ведь очень хотел узнать ее. Но казалось, на это так мало шансов. Наши жизни пронеслись мимо друг друга. А то, что осталось — недостаточно и слишком поздно, до несправедливости. Но разве это относится не ко всему в жизни? Не упустить всего, уследить за всем невозможно. А если уследишь, это будет голая схема, ободранная более чем до костей. И самая долгая жизнь тут не поможет. Вечность все равно длиннее. И безразличнее — все в ней обесценится и не будет иметь никакого значения. Общий заряд вселенной равен нулю.

Мимо прошествовали дружные ряды попугаев. Хорошо, отлично… ясно, что не все тут были попугаями, а уж кто к этому относился серьезно — наверняка можно пересчитать по пальцам. Это субъективное восприятие, неправомерное, неоригинальное, далекое от откровений и интеллектуальности, попросту глупое. Но как невротическая реакция — ладно уж, сойдет. Ведь все равно именно это я и чувствовал, хотя знал, что это глупо.

И кончаться этот день не собирался. В космосе всегда ночь. Или — всегда день.

Все в тот же бесконечный день мы отправились на Леду — столичную планету Денебского королевства.

И в какой-то момент по дороге туда оказались наконец с матерью наедине, без посторонних. «Как давно мы не виделись». Мы практически никогда не виделись. «Наконец-то мы вместе» — все очень холодно и отстраненно. Впрочем, могло быть гораздо хуже. Могли быть сантименты. А это, наверное, и правда было то, что нужно. Пожалуй, отношения между нами могли считаться сугубо деловыми.

Комната — язык не поворачивался назвать ее каютой — была увешана серебристыми коврами и ярко освещена. На низеньком стеклянном столике стояла ажурная ваза с экзотическими фруктами, рядом мягко журчал небольшой фонтанчик.

— Ну… — проговорила мама, восседая в кресле с высокой спинкой. Мы все сидели в таких, но у наших спинки были чуть пониже. Ее медно-каштановые волосы были уложены короной под

тонкой бриллиантовой диадемой. Глаза казались очень темными и, как ночные небеса, полными мерцающих звезд. — Добро пожаловать домой. Я представляю, как странно вы себя сейчас чувствуете. Но вы знаете, я не могла поступить иначе. Никто из нас сейчас не может быть в безопасности. Я беспокоилась не только о вас, но и о себе, и обо всем Денебе. Даже тут — о чем-то большем — об общем балансе сил во вселенной. Можно возразить, что это вечное затруднение. Но едва ли вы можете отрицать, что я ждала достаточно долго.

Пока мы не стали совсем другими людьми, едва ли предназначенными для того, что происходит.

— Пока, быть может, не стало поздно, и вы не стали совсем другими людьми, считающими, что вы не предназначены для того, что теперь происходит. Но есть надежда, что все как раз наоборот. Никто лучше вас не может быть к этому подготовлен. Вы совсем другие, не такие, какими выросли бы на Леде, вы видели очень многое и очень разное, несмотря на вашу молодость. И это хорошо, что вы другие. Денебу нужна «свежая кровь», нечто совершенно новое и здоровое. А если мы ошиблись, значит, звездные монархии исчерпали себя, и им пришло время кануть в прошлое. По крайней мере, этому королевству, этой династии. Если выйдет именно так, значит, так тому и быть.

— Получается, мы воюем со временем? — спросил я.

Мама улыбнулась. Жемчуг, которым было расшито ее платье, казался белее снега, и точно так же искрился. Нонсенс… При всем этом «снеге», она действительно ощущалась очень родной. Да почему бы и нет, если немногие во вселенной, кто мог бы желать нам добра и не мечтать уничтожить — это все-таки наши родители? Бывают, конечно, исключения, но лишь подтверждающие правило. Прямой опасности от нее не исходило. Она явно не желала нам «навредить», неважно, во что все это могло вылиться.

— Очень похоже на то, — ответила она слишком ровным голосом. Мягким, приятным, очень далеким от оптимизма.

Кажется, у нас оставались все шансы стать «королями зимы», как и было обещано давным-давно кое-какими покойными друидами.

И пусть можно сказать, что со временем мы воюем каждое мгновение, продираясь в будущее сквозь настоящее…

Все мы знаем, что тут есть кое-какие тонкости.

* * *

Ощущение огромного непреодолимого пространства. В котором безнадежно тонут слова, чувства, звуки, само время. Оно не остановилось. И не растворилось бесследно. Но всепоглощающий океан унес песчинки с яркого побережья в темные зыби. Окружил плотностью, тяжестью и глухотой. Цвета изумруда и ультрамарина.

На Земле созвездие, в котором самой яркой звездой сияет Денеб, звалось Лебедем. Столичную планету королевства зовут Ледой, но гербом Денеба был золотой дракон, не имеющий к Лебедю никакого отношения, кроме разве того, что мифический персонаж, являвшийся Леде в образе лебедя, притворялся, бывало, и быком, и орлом, и золотым дождем, а громы и молнии, которыми он повелевал, вполне сошли бы за драконов. И самыми традиционными тут считались два цвета — белый или серебряный, что значило в геральдике одно и то же, и золотой. Белый все же был данью лебедю, тогда как дракон, родившийся из символа молнии, был знаком самих Аллетов, одного из домов, правивших некогда на Лунах Юпитера. А точнее, все того же Доннера Аллета — стремительного и непредсказуемого. По крайней мере, в преданиях. Хотя в реальности он был не хуже, только менее шаблонным. Предания ведь все упрощают. А некоторые еще стремятся все перевернуть и пересмотреть. Я догадывался, что однажды матери захочется узнать побольше о нем. Хотя она прекрасно понимала, как мало может быть общего между легендой и реальностью. Вернее, именно потому, что она это понимала.

До того как мы прибыли на Леду, вскоре после разговора о войне со временем, меня снова позвали к ней. Теперь местом встречи была ее личная каюта, элегантная, и также вся в коврах, создающих эффект… мягких стен в маленькой закрытой комнате. Наверное, все мы на «Янусе» давно стали сумасшедшими, и целый мир — обычный мир, для нас лишь психиатрическая клиника, где мы чувствуем себя взаперти. Нам вечно будет чего-то не хватать, но едва ли хоть когда-нибудь исчезнет повод поговорить об этом.

— Я даже не знаю, как начать, — улыбнулась она, после того как мы поприветствовали друг друга, оставаясь на какой-то неловкой дистанции, — но наверное, я хотела бы узнать о том, что у нас есть общего, о чем ты знаешь гораздо больше меня. Расскажи мне, каким он был?..

И я принялся рассказывать, сперва испытывая некоторую неловкость — это ведь довольно странно — ощущать себя в каком-то смысле предком собственной матери. Потом увлекшись и забыв о неловкости, почти позволив себе считать именно так: что я не только был в прошлом в сознании Доннера, что я был им

самим. Или он мной, как если бы я был одержим его духом — его мыслями, чувствами, памятью. Ему было бы странно все это увидеть — во что превратится его род через несколько столетий. Тогда и речи не шло ни о каком Денебском королевстве — практически империи. Только Юпитер, его спутники, искусственные базы, станции. Но чтобы целые звездные системы… В какой-то момент я обнаружил, что мы громко смеемся, оживившись, будто действительно знаем друг друга сто лет, и пока мы уже совершенно непринужденно болтаем, пролетело одним мигом несколько часов. Я немного протрезвел и опомнился, только когда на стене замигала небольшая янтарная лампочка.

Мама посмотрела на нее с досадой и вздохнула, а потом снова перевела взгляд на меня.

И я с тревогой отметил, что этот взгляд — усталый. Впрочем, усталым он был, когда она смотрела на лампочку, а не на меня. А когда отвела его от этого напоминания о долге, в нем снова вспыхнуло что-то теплое и азартное.

— Спасибо, Эрвин. Это было изумительно. Я хотела бы услышать еще многое. И то, что уже рассказано тоже, еще раз! Мне хотелось бы знать подробности — все кажется таким живым! Поразительно. Но ведь прошли столетия.

— В каком-то смысле, — улыбнулся я, делясь одним из главных секретов «Януса» — не скрываемых, но лишь там ощущаемых в полной мере, — все времена существуют «одновременно».

— Это хорошо, — улыбнулась она в ответ. — Значит, в каком-то смысле мы всегда живы.

И всегда нет. Но раз не бывает иначе — какой смысл видеть плохие стороны? Надежда на равновесие и приход дня после темной ночи?

— Мы прибываем! — сказала королева. — Нас ждет торжественная встреча.

* * *

Ощущение вакуума пропало. Мир наполнился яркими цветами, фактурой, громкими звуками, материей, плотностью, шероховатостью, грубостью, резким запахом нагретого металла и праха, сгоревшего и развеянного.

Не реальность по умолчанию, не нулевая точка, а просто еще один новый неизведанный мир, один из многих, неповторимый, уникальный, не данность, не обычное положение вещей — нечто

дышащее, податливое, ускользающее. Мимолетное и прекрасное своей эфемерностью и преходящестью, необязательностью существования.

В шлюзы корабля ворвался ветер, приправленный странными специфическими благоуханиями иного мира и масляно-металлической гарью. Мы вышли за границы судна на некое подобие стеклянной галереи — высоко над поверхностью планеты, над которой зависли как горящее разноцветными огнями облачко в небе. И пока мы шли по этой стеклянной галерее, нас сопровождал негромкий, но отчетливый хрустальный звон, угрожающий, бодрящий и зачаровывающий. Под нами змеились полыхающие драконы и распускались мерцающие лилии, а по сторонам опадали, как лепестки роз, огоньки обычных фейерверков, оставляющие сизые следы крошечных комет, сплетающиеся в призрачную, колеблющуюся в воздухе, медленно развеивающуюся паутину.

В ночном небе бледно светились огрызки двух маленьких лун и довольно ярко — крупная синяя звезда, спорящая с лунами и блеском и величиной: собственно Денеб, что известна как Альфа Лебедя, и отнюдь не та звезда, вокруг которой на самом деле обращается Леда. В нашем современном понимании Денеб — это огромный сектор, где он почти всюду виден ярким, как Луна в земном небе. Солнце Леды, правда, тоже по традиции зовут Денебом, но Малым, иногда опуская эту часть как саму собой разумеющуюся. Планеты, обращающиеся вокруг настоящего Денеба, вследствие его массы и мощности его свечения — сущие котлеты, а не планеты. Леда является столицей королевства, островками разбросанного по всему сектору как наиболее благоприятная для обитания при своей близости к этому мощному ориентиру, наблюдаемому с Земли, и как первая из них, освоенная земными колонистами и конкистадорами. Так было принято со многими звездами-сверхгигантами, именем которых назывались основанные в относительной близости государства, и на которые просто было удобнее ориентироваться.

То, на что мы ступили в конце галереи, не было ни полом, ни даже лифтом в обычном смысле слова. Это было упругой воздушной подушкой в огромной цилиндрической прозрачной трубе, которая подалась, и медленно заскользила вниз, тогда как, в сущности, под ногами у нас ничего не было. Нам навстречу понемногу принялись вырастать из плотной белой точки ярко освещенные шпили королевского дворца, окруженные темными садами и сияющими фонтанами.

— Жизнь небожителей не для слабых духом, — едва слышно выдохнула Линор, когда мы опустились уже почти до уровня

верхушки самого высокого шпиля. Я чуть заметно кивнул. А ведь могли спуститься по-человечески, на шаттле… Но раз такое возможно — упустить это было бы жаль — спуск с головокружительной высоты посреди прозрачного цилиндра. Интересно, как выглядела бы эта панорама днем? Но тогда не вышло бы такой театральной подсветки, которая все это сопровождала, создавая эффект, будто мы спускаемся на сияющем облаке.

— Не зря же мы побывали в Асгарде, — ободрил я. Хотя, наверное, это лучше было считать весьма условным символическим визитом в эфемерную зыбкую вероятность. Трудно сказать, где на самом деле блуждало тогда наше сознание, когда мы видели сияющий Биврёст и чувствовали брызги воздушного водопада, по которому двигалось нечто, в чем мы умудрились распознать Нагльфар. — Потренировались…

Линор тихо рассмеялась.

Стеклянные стены растворились. На самом деле они не были стеклянными, их роль играло силовое поле. И отовсюду грянула музыка — оркестр в королевском парке.

Я вдруг заметил, что мама искоса смотрит на нас и немного натянуто улыбается.

— Я знаю, мне вас не поразить, — шепнула она, будто одними губами, — но это традиция. — И отвернулась, устремив спокойный прямой взгляд вперед. Отец смотрел на нас снисходительно еще почти секунду, прежде чем сделать то же самое.

Как будто так было для него всегда. Насколько хорошо мы его знали? Настолько же, насколько себя. Если это хоть что-нибудь значит.

Я подал руку Линор и, кажется, мы все прониклись этой спокойной серьезностью. Нас всех охватило странное чувство — что так было всегда. Мы могли внушить его и другим. Так же, как себе. Мы всегда были здесь, мы знали это место. А оно — знало нас.

С корабля на бал — не просто констатация факта. Это норма и заведенный порядок. Тем более что флагман все же весьма комфортабельный корабль, сам по себе летучий дворец. Да и спуск с небес на сияющем облаке тоже может считаться более чем комфортабельным. Море света и музыки, плескаясь волнами в стены и окна, разливалось по дворцу, в который мы вошли из собственного парка, а не со стороны парадного подъезда, через который приличествует прибывать гостям.

— Что-то мне подсказывает, что наших друзей мы сегодня не увидим… — с легким беспокойством заметил я, оглянувшись по

дороге на потемневшее небо на месте недавно сиявшего там флагмана.

— Шаткая дипломатическая ситуация, — качнула головой Линор. — Ни к чему сразу же раздражать общественность. Надо сперва дать ей к нам привыкнуть. И так все обо всем в курсе более, чем это было бы приемлемо и… — Линор пожала плечами с такой забавной гримасой, будто хотела сказать «чем это было бы благопристойно».

— Ну да, конечно…

В распахнутые стеклянные двери лились ароматы экзотических цветов и ночная прохлада, ложащаяся легкой дымкой на узоры на стекле. Вот это и есть звездное королевство? Ну конечно. Все планеты блуждают в пространстве, и чтобы почувствовать это, не нужно непременно находиться на Луне, практически безжизненной. Очень утилитарной в той зоне, в которой находился «Янус». Тогда мы больше ощущали свою оторванность от каких бы то ни было планет. А теперь перспектива осесть где бы то ни было, конечно, внушала вполне естественный ужас. Но кто недавно рассуждал о бессмысленности нашего существования? И о возможности того, что «Янус» не вернет нас, а доставит в любое место, где бы наши желания по-своему, пусть искаженно, выполнялись, ведь во многом он пользовался компасом в наших собственных головах. По крайней мере тогда, когда доставил нас в очень сомнительный конец пятого века, которого просто не могло быть, если исключить все сказки, что мы когда-то слышали.

И хотя он должен был вернуть нас обратно в тот же мир, откуда исчез, по собственному следу, вызывающему наименьшее сопротивление — тут был пропущен некоторый промежуток времени, да и в пространстве мы тоже сместились — неизбежная погрешность в вероятностях. Время, в которое мы вернулись, могло быть «по-настоящему нашим», насколько это вообще возможно или имело значение, в нашем прошлом пока не было найдено никаких расхождений с текущей действительностью. А могло быть, теоретически, каким угодно, каким мы решили бы его считать. Как бы мы ни старались учесть все, это не было бы ближе к нашему настоящему времени. Попытайся мы сместиться куда-либо еще, внести поправки, мы лишь увеличим погрешность. Мы там, где мы есть. И это и есть реальность. Ничего лучшего или более реального нам все равно не добиться.

Обычные вальсы. Вернее, они назывались уже иначе, и были обычными именно для этого места и времени, но какая разница? Все было так старомодно, так замшело… В день прибытия, кажется, у нас не намечалось ничего серьезного, кроме того,

чтобы тратить время впустую у всех на виду.

— Когда-то на Веге… — проговорил я просто из-за свободного бесцельного блуждания мыслей, — был знаменитый «зал парящих колонн»… — Со сложной системой антигравитации, а вернее, произвольной гравитации под ногами танцующих — колонны тут были ни при чем, только облегчали навигацию, — и во время танца все кружились в воздухе… — ой!..

Линор засмеялась.

— Ну при чем тут Вега? В наши времена это есть повсюду.

— Вот знаешь, вдруг подумал, что здесь даже не сподобились, для солидности… — И это после патетического спуска с небес? Кажется, я сам себе противоречил, смешивая воспоминания о давнем и старомодном с тем, что попадалось на глаза. — А там когда-то был самый легендарный. Пока весь королевский дворец не взлетел на воздух…

И как раз с этим ассоциировал тоже. Иначе не получалось.

Мы снова воспарили на воздушной подушке, на этот раз не на безумной высоте.

— Упускаешь детали, — назидательно заметила Линор. — Явно хочешь быть где-то еще, а не здесь.

— А кто нет? — риторически вопросил я.

Конечно, пока мы здесь, и мы даже потанцуем — но перспективу жить под микроскопом не возместишь никакими сияющими облаками. Кажется, мое настроение опять стало портиться. Кого можно обмануть тем, что здесь что-то можно сделать? Все это только иллюзия полета, искусственные гравитационные поля. Надежно удерживающие в воздухе, так что даже трудно потерять равновесие — они мгновенно перестраиваются под тобой и держат — куда надежней, чем морская вода. Они не дают упасть, они не блокируют некоторые движения — иначе танец был бы невозможен. Некоторые — не значит все. Можно приноровиться и достичь высокого искусства в этом передвижении, но свободы тут нет — меньше, чем если просто двигаться по паркету. Зато можно взмыть ввысь. Сделать вид. Если не случится никакой неполадки.

* * *

Утро началось скверно. С назойливой вибрации будильника и тревожного, выпрыгнувшего из тяжелого сна, электрического ощущения, что произошло что-то непоправимое — мы действительно упустили какие-то детали. Важные для нас. И это было скверно. С нашей стороны скверно. Хуже привкуса

похмелья, которого в наши дни не так-то просто добиться честно. Мы сделали что-то — чего-то не сделав, не заметив. Так чувствуешь себя какое-то время спустя после того, как тебя обвели вокруг пальца. Твое внимание все время было отвлечено, и вдруг картина становится ясной. Или почти ясной. Возможной.

Так-так-так… коммуникатор… Сволочь! У нас же не было своих! Только действующие на флагмане — приспособленные для связи в его пределах. Здесь — был дворцовый. А все прочее, что еще оставалось «нашим», было оставлено на корабле и забыто. И неодушевленные предметы, и не только. Прежде, чем я разыскал кого-то, даже Линор, я уже знал, что произошло — слишком скользкая политическая ситуация. Для того чтобы оставили в покое нас самих, кем-то пришлось пожертвовать. Всей командой «Горгульи», а также Нейтом и Тарси. Я не мог добиться внятного ответа, куда именно они делись. Просто — Денеб не мог предоставить им убежища, и им пришлось срочно покинуть его — пока мы теряли время «у всех на виду».

3/4. Кулисы

— Но это же значит, что мы ничего не значим!

— Да, именно так, — отрезал отец. — Едва услышав от меня что-то, он сгреб меня в охапку и затолкал в комнату. Предполагалось, что это какая-то часть их общих с матерью покоев, но какая именно, сказать было трудно. Еще не обжитая. Его кабинет? Приемная? Кунсткамера? Какие-то глухие шкафы, портреты на стенах, статуэтки — тихий ужас. — Привыкай. Это тебе не игрушечное сказочное королевство, наполовину созданное воображением.

— Они все созданы воображением. Миллиардов людей, а потом воплощены. Но почему нам не сказали ни слова?..

— Подумай сам.

— Я знаю, почему!

— Тогда чего ты требуешь?

— Чтобы этого не было! Они знали, что нам это не понравится, и потому смолчали. — Меня осенила нехорошая мысль… — А ты? Ты знал?

— Нет. Я знаю только, что теперь мы можем ожидать чего угодно.

— Нас же просто водили за нос!

— Значит, не видели другого выхода.

— Или не хотели видеть. И мать — уж она-то точно знала.

Он помолчал, потом вздохнул.

— Конечно, знала.

— Все это, чтобы уберечь нас, конечно?

— Вот именно. Тебе не раз придется поступать так самому, и от этого она нас тоже бережет поначалу. Ты уже поступал так в прошлом. Нечего сказать на это?

Если и было что, я этого не вспомнил, пока он не продолжил:

— Сколько раз ты повторял: «Я мог бы сказать, что это был не я, если бы не знал обратного». Это было только преувеличение? Попытка причаститься к чему-то пусть скверному, но великому, за неимением собственного? Теперь оно твое.

Я посмотрел на отца и почувствовал удивление. Я, как будто, никогда не смотрел на него настолько со стороны. В этой странной обстановке, в совсем другой жизни, вдали от «Януса». Он показался мне странно молодым, как если бы вдруг перестал быть отцом и стал братом. Здесь, в этом мире, он тоже не управлял ситуацией, не был «царем и богом». И он действительно был еще молод (здесь не чувствовалось наслоений чужих жизней, я и сам ощутил себя совсем ребенком) и… взбешен. Он тоже был

расстроен. И ничего не мог поделать.

Я кашлянул, прочищая горло.

— Линор…

— Отлично. — Отец, печатая шаг, прошел к двери и распахнул ее. — Приведи ее. Понятия не имею, где она сейчас может быть — найди ее…

Я кивнул, но не успел выйти.

— Я здесь, — тихо раздалось из коридора.

Отец вздохнул чуть успокоенно и впустил нашу… мою сестру в комнату.

Линор выглядела как тоненький неуверенный призрак, совершенно не напоминая себя саму. Будто была здесь случайной тенью, забредшей по ошибке из какой-то другой вероятности.

— Ну? — спросил отец, переводя взгляд с одного из нас на другого. — Кажется, придется повторить весь разговор? Или не придется?

Линор тоже посмотрела на нас обоих поочередно, и покачала головой. Это вызвало у меня нервную усмешку.

— И все-таки нас не спросили, — укоризненно сказала она. — Разве мы не могли что-нибудь придумать? И разве кто-то, кроме нас, знает, насколько это плохо?

— Может быть, кто-то и знает, — пожал плечами отец. — На это есть специальные организации. Называются секретные службы.

— Которые наверняка даже сейчас прослушивают эту комнату. Ради нашей безопасности, разумеется, — вставил я.

Отец раздраженно отмахнулся.

— Разумеется! Еще бы было иначе!

— Тогда им следует знать, если они случайно не в курсе…

— А если в курсе всего, и именно это послужило причиной?

— Того, что экипаж «Горгульи» пропал бесследно? Я надеюсь, что они еще живы. Вот пока я не услышу четкого ответа, что их хотя бы не уничтожили на месте…

— И кто, как ты думаешь, тебе ответит?

— А какого черта тогда мы здесь делаем?

— Такого, что так вышло, и вам не посчастливилось родиться именно от этого брака. Впрочем, могла быть альтернатива, если бы вам посчастливилось — в данный момент могли избавиться и от вас. Может, думаете, что обычным людям легче?

— Но если мы на нашем месте — то мы обязаны чувствовать свою ответственность хоть за кого-то. Хоть за собственное данное слово.

— Вот вы ее сейчас и чувствуете. Со всеми сопутствующими эффектами.

— Ее величество чрезвычайно заняты и не могут вас принять. За время отсутствия ее величества в столице скопилось бесконечное множество неотложных дел…

— Ну разумеется. Ее величество заняты двадцать четыре часа в сутки, на то это и ее величество. Но верите ли вы в то, что остальные члены королевской семьи тоже должны исполнять какие-то функции?

— Конечно же! Ваше расписание составлено и в данный момент как раз утверждается. Но сперва вас нужно будет ввести в курс дела…

Или сразу в штопор.

— В курс дела мы в некоторой степени были введены еще на корабле. Не терять же столько времени бесцельно.

— В таком случае…

— Доложите о том, что я хочу поговорить с ней.

— Это невозможно…

— Чепуха. Причина, по которой она сейчас недоступна, мне известна, как и вам. Но чем усложнять ситуацию, можно разобраться с ней немедленно.

— Я вас не понимаю…

— Понимать — не ваша функция. Зато я вас понимаю, этого достаточно.

— Ваше высочество…

— Прекрасно, офицер, вы сказали это впервые.

Полусекретарь-полугвардеец, нервно выскочивший из-за конторки при моем появлении, густо покраснел.

— У меня прямой приказ. Никого не допускать в ее кабинет во время работы. Это ее отвлечет.

— Вы этого не знаете.

— Виноват…

— Пока еще нет. Я ничего не ставлю вам в вину. Ей — тоже.

— Простите!..

— Формально, я являюсь шефом не только королевских бомбардировщиков, но и всей гвардии. Разумеется, ее величество является верховным главнокомандующим, но я — ваш более непосредственный начальник. — С лица гвардейца медленно сползла недавно столь яркая краска.

— Но… сэр!..

— Конфликт приоритетов налицо. Но «бог на небесах», а я здесь, рядом с вами.

— Бог?.. Я не понимаю…

— Откройте эту дверь, — произнес я с нажимом, пристально глядя ему в глаза, и стараясь не отвлекаться на его дрожащую

нижнюю челюсть. Уж так мы созданы — движение всегда привлекает внимание. — Соблюдайте субординацию.

Его рука будто сама потянулась к ручке двери, неровно подергиваясь, как если бы хотела замереть, только у нее не получалось. Но едва она ее коснулась, позади меня раздался негромкий, но резкий оклик:

— В чем дело, энсин?!

Рука гвардейца отдернулась, будто дверь оказалась раскаленной.

— Лейтенант, сэр!.. — приветствие потонуло во вздохе облегчения.

Я развернулся и посмотрел на лейтенанта.

— В чем дело, лейтенант?

— Коммандер, ваше высочество? — лейтенант хладнокровно отдал честь. — Чем могу служить?

Вот как, делаем вид, что непонятно? Очень по-военному. Вечно всем все приходится объяснять заново. И только потому, что на самом деле все притворяются.

— Пожалуй, можете, тем, что немедленно проведете расследование, куда именно отправились лица, которые были взяты под наше личное покровительство, а затем оказались выдворены за пределы Денебского королевства в результате неслаженности действий различных структур в государственной системе.

— Сэр, это вне нашей компетенции!..

— Точно так же, как препятствовать мне в данный момент. Надеюсь, вы понимаете меня предельно ясно.

В лице лейтенанта тоже поубавилось красок, хоть он предварительно и не краснел. Но он выглядел озабоченно-сосредоточенным, а не растерянным.

— Мы не можем нарушить отданный нам прямой приказ. Надеюсь, вы понимаете это, сэр. Боже, храни Королеву! Я обязан защищать ее интересы до последнего. При всем уважении, сэр, не вынуждайте нас оказывать вам сопротивление.

— Вот еще один пример неслаженности действий этого великолепного механизма, — подчеркнул я. — Вы подчиняетесь мне, и мне же собираетесь сопротивляться. Каким, позвольте спросить, образом? Грубой силой? Как вы это себе представляете? И как затем объясните хотя бы тому, кто отдал вам подобный приказ, но едва ли имел в виду его буквальное исполнение, если дойдет до дела, и едва ли имел в виду, что нам не повредит прямо сейчас небольшой скандал с членовредительством?

— С членовре?..

— Несомненно! — я радостно улыбнулся, не делая пока ни

одного угрожающего движения, хотя одно спокойствие при подобных требованиях наверняка смотрелось неестественным и настораживающим. — Чтобы остановить меня, вам придется причинить мне вред. А насколько он будет оправдан — решать ведь не вам.

— Но вы же не станете…

— С чего вы взяли, что не стану?

— Вы хотите сказать, что способны поднять руку на младших по рангу? Я о вас лучшего мнения, сэр. — Какой подлый прием!

— И все-таки сейчас вы пойдете и доложите обо мне. Потому что в ином случае мне придется отказаться от своего ранга, от своих прав, и покинуть это королевство, которое я более не могу считать своим.

— Вы так не поступите, сэр. Я полагаю, вам следует успокоиться…

— Если сейчас я уйду отсюда, то уже не вернусь. Мне нечего тут делать. А у трона есть еще один наследник. Королевство ничего не потеряет.

— Хорошо, сэр, — кротко ответил лейтенант и посторонился, освобождая путь в коридор. — Если вы полагаете это правильным, я не смею вас задерживать…

Ловко. Разумеется, не допускает ни на минуту, что я могу говорить серьезно.

Я рассмеялся и, наконец, взявшись за золоченый эфес несерьезной электрической шпаги, частично извлек ее из ножен, будто рассеянно разглядывая, что это там у нас выгравировано на клинке.

— Но видите ли в чем дело! Раз я отказываюсь от своих прав, вы мне более не младшие по рангу, а просто препятствие! Так вы готовы попытаться нанести мне вред?

Лейтенант едва заметно, но нервно сглотнул.

— Вы не можете пытаться войти к ее величеству с оружием в руках!

— Я не собираюсь входить к ней с оружием в руках. Только перешагнуть через вас, затем я его просто брошу. Королеве абсолютно ничего не грозит.

Лейтенант издал шумный вздох.

— Хорошо, сэр, я доложу о вас. Но если вас все же не пожелают видеть…

— Тогда передайте ее величеству, что по крайней мере одного наследника трона она лишилась. Я не вижу смысла в своем здесь пребывании.

Лейтенант слегка кивнул, явно вымотанный разговором и, пройдя мимо, ухватился за ручку двери, повернул ее — ох уж эти

вычурные золоченые ручки по всему дворцу, отправляющие часть наших непроизвольных реакций в псевдопрошлое…

— И еще, лейтенант, — добавил я негромко, раз уж его ухо оказалось вдруг ко мне гораздо ближе, чем прежде, — на тот случай, если вы все же собираетесь только сделать вид, что дойдете до цели и доложите обо мне, передайте ее величеству, что у меня есть послание от Доннера Аллета: «В мире больше пустоты, чем звезд». — По сути это не так верно, как кажется. Если развернуть все черные дыры, которые тоже звезды, из сингулярности, распределив материю по пространству ровным слоем — да и само пространство далеко не пустота, хотя можно считать, что по большей части из пустоты состоят атомы… впрочем, это абсолютно не важно. — И принесите мне ответ на это.

Пусть думает, что это пароль. Это просто принудит его действительно сделать доклад. Правда, его остановившийся взгляд указывал на нечто большее. Он ведь знал, кто я, помимо того, кем был здесь и сейчас. И теперь вспомнил, что в некотором роде это то же, что говорить с призраком. Отлично. Тоже не лишне. Вечно приходится прибегать к «грубой силе». Что поделать — это ведь «последний довод королей». Иначе — даже непонятно, на что они нужны.

Лейтенант отсутствовал пару минут, затем вернулся с озадаченным видом.

— Верный ответ: «но пустота не заслоняет от нас звезды»? — уточнил он, и распахнул дверь шире. — Вас ждут, сэр.

Еще один недлинный глухой коридор, совершенно пустой. И еще одна дверь, в его конце.

Лейтенант открыл ее и, просочившись мимо меня вдоль стены, растворился позади беззвучной бесплотной тенью. Я вошел в комнату и посмотрел на усталую мрачную женщину за рабочим столом. Несколько экранов, голопроекторы, бумаги, тишина, въевшаяся в стены, обитые чем-то мягким, поглощающим звуки, как и белый пушистый ковер, в котором утопали ножки стола.

Она смотрела на меня в ответ почти неприязненно. «Ворчливо», я бы сказал, если бы она проронила при этом хоть слово. Вокруг стояло несколько пустых кресел, в стенах красовались еще две закрытые двери. Едва ли она была тут на самом деле одна — если считать близлежащие смежные пространства. И учитывая ее плоские экраны и отключенные на время трехмерные проекции, с которыми не требовалось физического присутствия бесконечного множества людей. Даже сейчас здесь незримо ощущалась толпа. Посреди белизны,

мягкости и тишины.

— Может быть, хочешь подержать на руках небо? — спросила она ядовито, хоть и не зло. — Или хочешь поделиться какими-нибудь вечными истинами и откровениями?

— Ничего вечного, — я покачал головой. — Только сиюминутное. Что же нам так грозило, что пришлось пойти на это? Ведь не просто «на всякий случай»? Я в это не верю.

Она раздраженно поморщилась.

— Тебе, наверное, кажется, что это что-то из ряда вон выходящее? Но это лишь капля в море…

— Каплю в море легко не заметить, не нужно было бы вовсе ничего с ней делать. А тут понадобилось. — Я демонстративно огляделся. — Нас сейчас кто-нибудь видит и слышит? Я хотел бы кое-что сказать об этих людях. — От которых мы избавились? О тех, кто видит и слышит? Неважно.

— Прямо сейчас — никто, — заверила мать, но нажала на какую-то кнопку. Вероятно, для надежности. — Ты не желаешь сесть?

Я кивнул, сел в ближайшее к ней кресло и, опершись о подлокотник, слегка подался вперед.

— Ты же знаешь, кто на самом деле Фил Арли? Только, пожалуйста, скажи мне, ты знаешь об этом от нас, или по каким-то своим каналам?

Она неопределенно отвела взгляд. Неопределенно, так как было в нем что-то, заставлявшее сомневаться, как в том, что знала и желала это скрыть, так и в обратном.

Разговор обещал быть нелегким, но, надеясь на легкость, бессмысленно было бы его затевать, прорываясь сюда с боем.

— Значит, вы — я имею в виду власти и спецслужбы Денеба — не можете опровергнуть тот факт, что он является последним королем Веги. Как не можете опровергнуть, что Филиард Арли — не тот человек, которого можно не заметить, как каплю в море, и значит, что-то в этой истории с деланьем вида, что ничего особенного не происходит, сильно не так…

— Эрвин, — окликнула она довольно резко. — Я устала и не хочу слушать эти лирические отступления! Я знала, что все выльется только в них!

— Это не лирические отступления!

— Не смей повышать на меня голос! — Не уверен, что в самом деле повышал, но она ушла в защиту превентивно.

— Я этого не делаю, боюсь только, что придется рассказать тебе то, чего я совсем не хотел рассказывать.

Она перевела дух, почти свирепо хмуря брови:

— Что-нибудь из минувших столетий, в духе подобающей

бесполезной нравоучительной притчи?!

— Нет, только из событий последнего года для меня и последнего месяца для вас.

Она снова выжидающе приподняла брови.

— Как ты думаешь, что произошло в тот день, когда я летел на корабле Арли с Марса, и на него произошло то «нелепое нападение пиратов, окончившееся «неудачей», после чего на следующий день «Янус» загадочно исчез? Ты действительно думаешь, что то нападение окончилось неудачей?

В ее взгляде появилось тревожное внимание.

— Чем же оно кончилось, если все остались живы?

— Не все. Несколько членов экипажа погибли.

Внимание сменилось пренебрежением.

— Кто-то гибнет всегда. Ты хочешь сказать, что кто-то пожертвовал жизнью ради твоего спасения, а теперь мы пожертвовали ими снова?

Я усмехнулся. Невесело.

— Вообще-то, в тот день жизнью пожертвовал я. Чтобы всех пассажиров не перетравили газом. Общая связь в тот момент была включена. Если бы вы обратили внимание на рассказы пассажиров…

Она перебила меня невольно взволнованным кивком.

— Мы обратили. Но судя по всему, затем вы сумели отбиться, при помощи какой-то хитрости.

— Нет. Не сумели, — отверг я со странной для себя самого безмятежностью.

— Нет?

— Мне пришлось полететь с ними.

Она смотрела на меня довольно-таки недоверчиво. Я не мог понять, сложнее ли мне от этой недоверчивости или, наоборот, легче, потому что мне самому хотелось, чтобы это не было правдой. Мы не собирались раскрывать произошедшее, и пусть бы наши враги терялись в догадках — было ли это для нас на самом деле, или из последнего эксперимента во времени вернулись какие-то иные версии нас самих. Они не могли бы доказать, что мы — ненастоящие мы, юридически это все равно бы ничего не значило, прецедентов подобных случаев не существовало. Не знали бы, могут ли они как-то на нас воздействовать, и насколько мы осведомлены об их темных делах — меньше, или напротив, больше, чем должны. Это бы их пугало и сбивало с толку. Едва ли они стали бы сами напоминать о случившемся, чтобы не портить тонкие дипломатические отношения. Пусть Кареллы рассказали бы нам обо всем, элемент личного участия или его отсутствия всегда имеет значение. Возможно, я сделал ошибку, что все-таки

заговорил об этом. Но может быть, это способ обезопаситься от других ошибок, вроде той, что уже совершилась сегодня утром.

— И что же произошло?

— Не очень приятные вещи. В основном, с моей головой. Не знаю точно, что именно, я не все время был в сознании. Пока мы не обнаружили серьезных последствий и отклонений. Все-таки меня спасли довольно быстро. Хотя я не берусь ручаться, что это было совершенно бескорыстно. — Я сделал это уточнение лишь затем, чтобы продемонстрировать, что по-прежнему могу рассуждать здраво и беспристрастно. — Но не бескорыстность бывает разной. Кареллам действительно нужны были союзники, и мы на эту роль отлично подходили. Тем не менее, я понимаю, что план мог быть мрачнее и заходить дальше. Это неприятно, но радует и то, что я могу это подозревать, не отметая сомнения сразу, тогда со мной явно было бы что-то не так. Но это ведь было бы слишком явно, правда, если бы не подозревал? И это тоже было бы им не нужно. То, что есть, им, может быть, нужнее.

Она бросила быстрый невольный взгляд на стол. На экран? На кнопку тревоги? Я знал, что сейчас она испытывает страх. Если связь прервана, а она находится сейчас в одной комнате с тикающей в моей голове бомбой… Я не мог сказать, что отчасти не проверял себя намеренно и не следил при этом за собой самым тщательным образом. Способен ли я выкинуть что-то странное и непредсказуемое? Не последует ли внезапное отключение сознания? За время, проведенное в Камелоте, многое могло улечься и развеяться, даже если что-то было. Но кто знает, что может послужить спусковым механизмом для чего-то спящего глубоко внутри, и в какой момент. Чтобы обезвредить бомбу, надо не только подозревать, что она может существовать, но знать где она, и что из себя представляет. И даже если известно все — последний штрих: синий провод или красный? И самые оптимистичные прогнозы — пятьдесят на пятьдесят.

По крайней мере, теперь она знала, откуда может исходить опасность. Это тоже было причиной того, что я решил «совершить ошибку» и пуститься в откровения.

— Возможно, мне и нечего помнить о тех моментах, что я не помню, — продолжил я. — Я был там совсем недолго, они могли не успеть сделать что-то опасное, но имею представление, что могло происходить когда-то на Веге. Потому что мы уже знаем, что тут есть связь. Как бы это ни казалось опасно само по себе, Арли и Кареллов не стоило отпускать и терять из вида. Они знали очень многое о том, чего нам следовало бы опасаться, чтобы то, что произошло на Веге, не повторилось здесь.

— Я тоже не хотела, чтобы повторилось нечто подобное! —

проговорила она почти сквозь зубы, очень напряженно. Брови были по-прежнему нахмурены, на висках контрастно проступили красные пятна.

— Именно поэтому ты от них избавилась? — спросил я, и она посмотрела на меня пристально исподлобья.

— Да.

Я кивнул.

— Понятно. Но даже опасность лучше держать под рукой, чтобы контролировать.

— Может быть и так, — произнесла она мрачно, переведя взгляд на стену.

— В Лиге ведь уже знали, кто мы. Вега и мы — части одной истории. Подрыв соседних империй. Если не прямой захват. Последнее, впрочем, обременительно, но перераспределение баланса, контроль над обозримой вселенной…

— Перестань! — воскликнула она. И помолчала, переводя дух. Это были просто эмоции. Она все понимала. Да и я уже озвучивал слишком очевидное.

— Если мы еще можем вернуть их…

— Нет.

— Совсем не нужно давать им встречаться со мной. Может, мне даже не нужно об этом знать. Так будет безопаснее. Но если они на самом деле не опасны, они могут быть очень полезными союзниками. Для тебя. Для вас. А меня можешь сбросить со счетов. Не обязательно никому ничего объяснять. Просто таков наш личный выбор. Я думаю, есть смысл сделать основной наследницей Линор.

Мы с Линор были близнецами. В определенном, не очень похожем на старомодный, смысле. Наша ДНК разнилась вследствие не только естественных причин, но и некоторых искусственных манипуляций. Например, для внешности Линор намеренно подбирались рецессивные гены обоих родителей, потому она была светловолосой и голубоглазой, не считая свойств, которые не так бросались в глаза. Со мной усердствовали меньше, в частности и по той причине, что более заметная преемственность в моем случае только приветствовалась. Да и в инкубаторе, для верности, подержали немного дольше, чем Линор. По денебским законам преимущество в престолонаследии принадлежало не самому старшему ребенку, а отпрыску противоположного пола по отношению к ныне царствующему монарху. В случае, если бы монархом оказался я, преимуществом обладала бы моя дочь.

— Я подумаю об этом. — Разумеется.

— Прости, что напугал и расстроил.

Она тяжело вздохнула. Это ее не просто расстроило, это причинило ей страдания. Рушило какие-то планы, вынашиваемые так долго, ее мечты. Надежды спрятать нас.

— Я понимаю, как опасно тут рисковать, даже если опасности на самом деле нет.

— Просто оставь меня сейчас…

— Конечно. — Я поднялся и отошел к двери. Может, затем ей придется избавиться от меня и более радикально… Черт возьми, о чем я только думаю?

— Эрвин! — Я обернулся. — Прости меня. — Кажется, она всхлипнула?..

— Конечно, — повторил я успокаивающе. — Я люблю тебя. Именно поэтому не хочу подвергать даже призрачной опасности. Все прочее — в твоих руках. Я был бы рад помочь тебе, в любом деле, прямо сейчас. — Я кивнул на ее неразобранный стол с погашенными экранами. — Но боюсь, ты можешь больше никогда не захотеть этого.

Она всхлипнула отчетливей, сердито засопела и вытащила откуда-то носовой платок. Полупрозрачный, умиливший своими кружевами.

— Ты ошибаешься, — сказала она уже спокойно, весьма изящно воспользовавшись этим ажурным предметом. — Я хочу этого. — Она снова указала мне на кресло и даже сумела слегка улыбнуться. — Вернись. Что же, посмотрим, на что годятся мои древние коллеги и предки. Пожалуй, мне хотелось бы услышать их советы. Надеюсь, ты сможешь мне это обеспечить?

— Постараюсь сделать, что смогу, — рассмеялся я, возвращаясь. Она зажгла первый рабочий экран.

Спустя несколько часов мы все еще не выходили из комнаты. Мы успели провести несколько коротких переговоров с главами соседних и не очень соседних государств, кое-какими общественными организациями, неожиданно ответить, что мы будем делать со знаниями о «Янусе» на очередной обеспокоенный запрос Космополитического Союза — им то и дело требовались уточнения; и устроить несколько тайных совещаний по совершенно разношерстным проектам, включая программу какого-то очень уж экзотического национального праздника в недрах газового гиганта.

Наконец мы прервались. Я разрывался между ощущением, будто прошло лишь несколько минут, и несколько недель.

— И так каждый день, — она отметила очевидное. — Кажется, что столько всего происходит, а потом все сливается в сплошной белый шум. Он может быть увлекательным, даже

сейчас. Но порой кажется, что жизнь идет где-то в стороне, только не в этом сумасшедшем потоке.

— Но она же здесь, в этом потоке. Нельзя одновременно быть повсюду. А здесь это почти получается — быть сразу во многих местах. И все это даже что-то значит.

— Ты в самом деле так думаешь? — ее удивила моя внезапная наивность.

— В любом месте и времени сложно получить больше. Всегда и везде будет чего-то не хватать. Обычным человеком тоже быть непросто. Все вокруг тебя движется, все тебя задевает, и ты тонешь во всем этом, прямо как здесь. Только еще думаешь, что где-то кто-то может на что-то повлиять, что-то изменить, стремишься к этому всю жизнь. А что получаешь?

Она усмехнулась.

— Никогда об этом не думала. — Она, конечно, преувеличивала. Я улыбнулся ей в ответ с этой мыслью. Она чуть покраснела, будто сама забавляясь, и явно уловив эту мысль.

— Но все-таки, что случилось тогда? Ты сказал, они уже знали, кто вы?

— Мне сказали об этом позже. Хотя я догадывался и раньше. Это напрашивалось.

— Они спрашивали о чем-то?..

— Нет. Только о «Янусе». По крайней мере, то, что я помню. Но у меня есть искусственные провалы в памяти. Я не знаю, шла ли тогда речь о чем-то другом.

Может быть, и нет. Было достаточно, что они могли как-то на меня повлиять, хотя бы вызвать «стокгольмский синдром», из-за чего я продолжал очень настороженно относиться к Тарси, несмотря на все существующее притяжение. Но она не зря была слишком похожа на королеву Лорелей. Как бы мне ни хотелось, второй раз этот номер не пройдет.

Возможно, втайне, я даже чувствовал облегчение оттого, что ее больше нет рядом.

— Что ж, в любом случае, нам не стоит забывать о себе. — Мама поднялась и прошла к одной из закрытых до сих пор дверей. — Ужин давно сервирован, и о тебе, конечно, знают. Сегодня мы расположимся здесь.

За дверью обнаружилась столовая с полностью накрытым уже столом на двоих, с рядами блюд, накрытых серебряными крышками с терморегуляторами, сохраняющими их именно в той кондиции, в какой нужно. Я почувствовал, что мы снова что-то упускаем.

— Послушай, мы, кажется, совсем забыли о…

— Но ведь мы с ними встретимся сразу же, как только

сможем. Сейчас я просто не в состоянии ни о чем думать, нужно отдохнуть. Тебя бы здесь тоже не было, если бы ты случайно сюда не пробился. Но я рада этому. Просто не все сразу.

— Конечно. — В самом деле, я сам тут случайно. И она правда устала и не могла думать больше ни о чем. Но она была рада, что я сюда пробился, хотя, конечно, представить себе такого не могла до этого. — Просто позволь им тоже помочь тебе. А я помогу избежать повторения одних и тех же вопросов, отвечу на них сам. Поверь, это отвратительно — чувствовать себя бесполезным.

— Но это же не так! — не очень искренне возмутилась она.

— Именно так. Формальности и чистые соображения ничего не значат. Ты говоришь, жизнь проходит где угодно, только не здесь? Мы были не здесь, и она у нас не стояла на месте, не нужно теперь думать, как нас воспитывать, не отвлекаясь от этого потока, и беспокоиться, получится ли из нас хоть что-то. Что-то уже вышло. Нас можно просто бросить в воду, мы умеем плавать, нам нужен только сам поток, чтобы не оставаться будто за герметичными стенками, когда мы ничего не можем сделать друг для друга.

Она немного поколебалась, затем взяла со стола старомодный серебряный колокольчик. Иногда неплохо казаться абсурдно старше собственных предков, когда твои слова не просто твои слова. Но в то же время — ты знаешь, что в этот момент могут прислушиваться вовсе не к тебе.

Когда все более-менее успокоились, хотя громких проявлений беспокойства не было, и я, как обещал, кое-что объяснил сам, вечер действительно стал казаться мирным. Мы перешли от филе из гигантских жаворонков к десерту из чего-то нежно-лазурного цвета, сладкого, студенистого, с затейливо закрученными щупальцами, и она, наконец, сказала, совершенно безмятежно:

— Я нахожу справедливым и оправданным предложение сменить приоритет наследования.

Это меня внезапно глубоко кольнуло. Хотя верно, я предложил это сам. Но после всего, что произошло затем, полагал, что предложение повисло в воздухе, на тот случай, если появятся признаки опасности. Или они уже появились? Я постарался никак не показать своего отношения. Но подумал, что во мне в очередной раз что-то умерло. И раз я это почувствовал, наверное, она была права. Точно ли это было мое желание не оставаться в стороне? Точно ли моё чувство невольной обиды, которое, может быть, должно со временем разжечь ненависть и угрозу для них всех? Может, именно поэтому она не отказалась

сегодня от моей помощи — чтобы посмотреть, как все будет происходить, понаблюдать, оценить степень возможной опасности. Может быть, она делает это прямо сейчас — стоит дышать ровнее. В конце концов, правда, зачем мне это все? Разве я не говорил, что хочу другого? Пусть то, что не находит применения — извращается и действительно может стать опасным… Если ему позволить, проявив слабость и собственное ничтожество. Кто именно должен с этим справиться, кроме меня?

Линор неопределенно промолчала. Отец приподнял брови, немного устало. Непохоже, чтобы они были довольны таким поворотом. Но что-то происходило. В противовес предыдущей пустоте. А у меня внезапно переменилось настроение. Действительно внезапно. Сказать об этом сейчас, после того, как мы активно прообщались весь день, оставив их в томительном ожидании и размышлениях о ненужности и невозможности что-то поделать с непредвиденным предательством — было весьма изящным ходом.

— Да, — подтвердил я. — Мне кажется, это будет правильно.

Линор покосилась на меня как-то мрачно: «И ты, Брут?»

— Это не значит, что я тебя брошу, — улыбнулся я с театральным энтузиазмом. — Оставить тебя одну и сбежать я пока не планирую.

Кажется, она мне не поверила. Видно, решила, что я просто нашел удобный предлог именно сбежать после утреннего происшествия.

Может быть, она была права, если учитывать мое подсознание. Но если учитывать только сознание, то все не так драматично. Я решил попозже объяснить ей это тет-а-тет.

Но, похоже, нарвался на еще большее непонимание. Или скопившийся заряд напряжения, который обо что же еще разряжать?

— То есть, ты согласился предать их? И себя самого тоже?! — Этот разговор происходил уже в ее комнате. Которая мало чем отличалась от моей. Хотя в общей гамме все того же привычного белого цвета присутствовало больше мягких кремовых оттенков, а не холодновато-серых.

Ну конечно, весь день ей было некуда выплеснуть злость. Все неслось по кругу.

— Ага! — ответил я, тоже злясь. У меня за этот день, казалось, не одна жизнь промелькнула перед глазами, а теперь меня, как будто, тащили обратно, в ту точку, от которой мне удалось оторваться не без усилий, и даже не без насилия над собой. — Согласился. Знаешь, я не оптимист. А если бы был им, все равно считал бы себя не вправе быть оптимистом!

— Я не могу забывать так просто, как ты!

Просто??? Забывать что?! Как будто, ей было, что забывать!..

— Так научись! — рявкнул я без всякой жалости. И явно поверг ее в глубокую оторопь. — Хватит уже быть бесплотным эхом моей совести. Попробуй быть чем-то настоящим! — Линор ошарашенно открыла рот, закрыла, и, будто потеряв все силы или махнув рукой на их присутствие, упала в кресло. Молча. Даже не предложила мне немедленно убираться. Так что, подумав, убираться я не стал, сел в кресло напротив и принялся сверлить ее взбешенным взглядом.

— Но…

— Перестань! — процедил я. — Меня нет. Есть ты. Вот себя и оценивай!

Быть царем, значит, не только восседать на бархатных подушках, но и всегда, в той или иной мере, быть приколоченным к кресту. И уж точно не значит смотреть на все отстраненным взглядом независимого ценителя и критиковать, ссылаясь на «полезные противовесы» — а вдруг забудешь? А вдруг не подумал, прежде чем пришел к решению? Давай потормошу, сто раз напомнив давно тобой пройденное — вдруг тебе скучно?

Мы сидели в полной звенящей тишине, сверля друг друга взглядами, и минуты катились одна за другой, как гремящие каменные шары, долго, не смягчая напряжения.

— Но мы ведь должны что-то значить, — наконец выдавила она.

— К сожалению, мы значим слишком много, — отозвался я. И тишина снова упала тяжелым железным занавесом, и вновь зазвенела.

И все это время мне казалось, в Линор что-то неуловимо меняется. Будто она обретает реальность. Нащупывает ее и становится реальной сама.

Мы на самом деле нашли верное решение. Хотя со стороны оно могло показаться страшноватым. Все реальное — достаточно страшно. И его всегда хочется избежать. А потом мы вздыхаем о том, что в нашей жизни слишком много фальши.

* * *

Звон клинков притворно отдавал чем-то архаичным. В гулком зале отчетливо слышался призвук, выдающий, что клинки были полыми. По их поверхности тоже могли передаваться электрические импульсы, но с неэкономным расходом заряда в аккумуляторе, так что в зависимости от нажатия нужной кнопки,

импульс передавал или проводник в сердцевине клинка, втяжной, как кошачий коготь, для исключительно точечной угрозы, или сам клинок. Но в последнем случае выходило почти оружие массового поражения, чреватое прискорбными разрушениями в высокотехнологичных пространствах или просто аутопоражением. Использование этого метода всуе называли «последним доводом идиотов». Но это, разумеется, если без разбора. Сама же ловкость в переключении наиболее эффективных режимов без расхода заряда попусту очень даже ценилась.

— Всякое семя должно падать на благодатную почву. А то ведь как бывает: хочешь кого-то стимулировать, а его это убивает. А хочешь кого-то убить, так его это, сволочь такую, стимулирует!

Взрыв смеха был смущенно замят, когда первый из компании отдыхающих между схватками офицеров случайно бросил взгляд в мою сторону и узнал меня. До того удавалось остаться неузнанным — я хорошо закамуфлировался в ничем не отличающийся от прочих тренировочный костюм, в таких все казались похожими друг на друга.

— Продолжайте, господа! — махнул я благосклонно. — Хочу лишь поинтересоваться, не составит ли кто мне компанию для дружеского боя, когда вы отдохнете. Может быть, вы, лейтенант?

У меня не было к нему ровно никаких счетов, всего лишь единственное знакомое лицо — по вчерашней увлекательной перепалке в приемной королевы. И он же оказался сегодняшним шутником, чьи слова всех так развеселили. Он определенно обещал быть интересным противником.

Насчет противника я не ошибся. Лейтенант поначалу немного тушевался, считая, что у меня на него какой-то зуб после вчерашнего, но понемногу мы увлеклись, проявляя в то же время взаимное уважение и исключительную предупредительность, все больше и больше набирая обороты и заводясь, так что обнаружили в какой-то момент, что не только всласть загоняли друг друга, но и что все давно забросили свои собственные поединки и, сгрудившись вокруг, восторженно аплодируют. Тут мы с чувством исполненного долга пожали друг другу руки, и я наконец узнал его имя — Доннер Вирем.

— О, тезка моего легендарного предка!

— В его честь меня и назвали, — скромно заметил лейтенант.

После небольшой передышки я пофехтовал еще с несколькими офицерами, установив подобным образом зачаточные дружеские отношения. Кажется, всех порадовало, что я знаю, за какой конец надо держать эту старомодную шпильку, уже нигде толком не бывшую в ходу, кроме страшно погрязшего в традициях Денебского королевства. И не только знаю, но

обращаюсь с ней достаточно оригинально, с элементами чудовищно старых школ и, вместе с тем, успешно. Что показалось всем чрезвычайно любопытным, помимо того, что вызвало одобрение узнавания и признания — определенно кого-то из своего круга, не совсем чуждого, откуда бы я ни взялся, и не желающего знаться с чудаковатыми местными пережитками. У многих появилась и надежда узнать что-то новенькое, которое, конечно, было всего лишь хорошо забытым стареньким, так что удалился я с приятным ощущением раскрытия себя самого как «золотой жилы». Забавно и весело.

А потом мы с Линор отправились на бесконечную инспекцию войск. И чем дальше, тем более бесполезными и отмирающими мне казались не только эти королевские инспекции, но и сами войска. Но потихоньку мы начали обзаводиться новыми друзьями. Я, по крайней мере. Одного лишь выражения желания было достаточно, чтобы Доннер Вирем стал моим личным адъютантом. Линор действовала по каким-то своим каналам, которые казались мне сейчас чужими и образовывала какое-то свое, очень далекое для меня общество. А отца в последнее время мы почти вовсе не видели.

Все чувствовалось входящим в новую, по-своему обыденную, накатанную колею, когда случилось то, что случилось.

Я оставался на Леде в качестве временного регента, когда мои родные отправились в новое ритуальное путешествие по важным пунктам королевства, чтобы представить повсюду Линор как официальную наследницу трона. Но путешествие закончилось, не начавшись. При переходе в гиперпространство «Денебский штандарт», с моими родителями и сестрой на борту, по неизвестной причине — взорвался в мелкую космическую пыль…

4/4. Взрыв

Мне казалось, я уже отказался от собственной жизни и потерял ее. Но оказывается, еще очень даже было, куда падать.

Я снова почувствовал себя вышвырнутым в совершенно новый, незнакомый мир. Существование которого хотелось отрицать, но это было бесполезно. Прежний разлетелся вдребезги и осыпался тысячей осколков. Будто закончилось абсолютно все. Пространство, время, пятимерная модель замкнулась и окуклилась, а я почему-то оказался снаружи. В псевдо-вселенной, где все было «почти» так же как в старой, только без главных ее основ, а жизнь почему-то, по абсолютно непостижимой мне причине, еще продолжалась — будто и не знала, что из-под нее выбиты опоры. Как во сне. Гротескная дурная шутка, в которую невозможно поверить, хотя ощущаешь реальность каждый клеточкой. Как никогда раньше. Всю ее хрупкость, абсурдность, невозможность, и вместе с тем — осязаемость, реальность, плотность. Абсолютно по-новому. В начале новой вселенной.

Никогда не чувствуешь себя настолько живым, как после смерти.

И все же, где это я? Зачем? Кто все эти люди вокруг?..

Доннер почти ворвался в тот самый кабинет, в который совсем недавно не хотел меня пускать.

— Прошу прощенья, но если вы не видели, боюсь, я должен сказать это первым…

— Я видел… — на этом способность производить звуки у меня пропала.

— Да… — лейтенант обвел кабинет взглядом. Все экраны и трехмерные проекции показывали, бесконечно и беззвучно прокручивая, одно и то же.

— Выключите это, — с мягкой настойчивостью сказал Доннер. Ему бы во врачи, а не в военные…

— Я… не могу. — У меня было странное чувство при всем этом, будто я был совершенно спокоен, чему сам поражался. Ощущение пустоты, как в гулком бочонке.

— Надо. — Мой адъютант сам решительно подошел к столу, пару секунд смотрел на кнопки, его и самого немного подтормаживало, затем нажал нужные, отключив и проекции, и беснующиеся огоньки вызовов. — А теперь, — проговорил он все так же деловито, — боюсь, вам придется сделать обращение. Чем скорее, тем лучше. Естественно, очень скоро сюда пробьются все ответственные лица, что находятся поблизости, и что не поблизости — тоже. Можете, конечно, оставить все им, все

завертится и совершится само собой, но…

— Отлично все понимаю, Доннер, спасибо. Надо сделать вид, что взрыв унес не всех. Может быть, для кого-то это неприятный сюрприз…

Я обратил внимание, что он осторожно похлопывает меня по плечу, будто проверяя, не свалюсь ли я в обморок от малейшего дополнительного толчка, или заранее готовится поймать, если вдруг прямо сейчас я это и сделаю.

— Ничего, ничего, — проговорил я, уклоняясь. Кажется, я все еще функционировал. Интересно. — Как ни жутко звучит, мне не то, чтобы впервой. Хотя, не совсем мне, но иногда это не имеет значения… Можно представить себя кем-то другим. Это помогает.

— Надо думать, что так, — фальшиво согласился Доннер.

Я кивнул, вдохнул побольше воздуха на мгновение и, пока еще не успел придти в себя, набрал на панели нужный код. «Приходить в себя» порой вовсе не следует, лучше немедленно переходить к действиям, делать что-то, как-то контролировать происходящее, брать быка за рога, иначе все растворится в инерции, затянет в болото. Навсегда. Стоит только дать шанс этой силе тяжести.

Связь была односторонней. Я не принимал вызовы, это было лишь обращение ко всем, кто мог меня слышать:

— Я не стану говорить о случившейся трагедии и о том, что она значит для Денебского королевства. Все обстоятельства произошедшего будут расследованы. До тех пор, пока не будет выяснено абсолютно все, я остаюсь регентом. Не будет никаких коронаций. Никакой передачи прав наследования, пока это не будет сочтено оптимальным и необходимым. После рассмотрения всех деталей возникшей ситуации. Хранителем трона я объявляю себя, но занимать его считаю себя не вправе. — Я выдержал паузу. — В данный момент. В данный момент я вылетаю к месту трагедии. И как бы то ни было… слава королеве!

После того, как я выключил связь, воцарилась тишина. Трудно сказать, надолго ли, и что именно она означала. В любом случае, в ней был привкус смятения. Которое было разлито повсюду, далеко за пределами этой комнаты. Я ощущал его почти физически, распространяющееся волнами в пространстве.

— Регентом? — скептически переспросил Доннер.

— Для «оживления» ситуации, — пробормотал я мрачно. — Ничто не пойдет по накатанной…

Пауза.

— Едва ли это разумно. Вам бы следовало укрепить свою позицию. Она и так очень шатка.

— Ее нет, если откровенно, — отрезал я. — Ее «укрепление»

только подтвердило бы ее формальность. Но этого не будет.

— А что будет? Вы хотите, чтобы все рассыпалось?

— Все и так рассыплется когда-нибудь. И рассыпалось бы, иди все своим чередом. Но если мы сделаем по-другому, есть некоторый шанс что-то удержать…

— Чем?

— Силой шока. Пока что.

Доннер неопределенно покачал головой, но не стал спорить. Он же знал, что я сам в шоке, значит, увещевать бесполезно. Наконец он шумно выдохнул, будто пришел к какому-то решению, и посмотрел на меня странно предупреждающе.

— Регент или нет, теперь вы глава государства, и у вас должен быть доступ к кое-какой новой информации. Я понимаю, что это может быть важно. Хотя едва ли утешит в ситуации такой, как эта, и все же… Это касается «Горгульи», якобы высланной за пределы королевства.

Несмотря ни на что, я не удержался от улыбки. Странное завихрение чувств посреди бушующего океана, чем-то отличное от общего волнения.

— Вы знали? — уточнил Доннер.

— Догадывался. Скорее, просто допускал. Рад подтверждению.

— Экипаж по-прежнему здесь, на Леде. Что-то вроде программы защиты свидетелей. Это должно было быть секретно для всех, включая вас.

— Из соображений безопасности. Понимаю.

— Но теперь — какая уж, к чертям, безопасность, правда?!

— Абсолютная, Доннер! Я могу их увидеть?

— Прямо сейчас?.. — слегка опешил лейтенант.

— Да, если это возможно и они близко. И если близко «Горгулья». Полагаю, что хочу отправиться на место трагедии именно на ней, и с ними. Если можно это сделать быстро…

— С ними?.. — растерянно переспросил Доннер.

— И с небольшой частью гвардии, разумеется. Не думайте, что я собираюсь сбежать из королевства, в котором стало, возможно, слишком опасно.

Доннер неуверенно улыбнулся, будто не мог понять, шутка это или нет, и как на это реагировать.

Я, конечно, погорячился. Я не мог требовать или хотя бы ожидать, чтобы засекреченная за семью печатями «Горгулья» оказалась готовой к неожиданному вылету. Поэтому я отказался от этой мысли через минуту после того, как она пришла мне в голову, к большому облегчению Вирема. Успевшего, должно быть,

пожалеть, что он слишком рано решил раскрыть мне эту маленькую государственную тайну.

Задерживаться, теряя инициативу, что бы она ни означала, все же не стоило. Так что вылетели мы на дежурном дворцовом корабле… затем, чтобы бессмысленно зависнуть в пустоте посреди обломков, наблюдая, как сторожевые суда курсируют вокруг закрытой области трагедии, а тральщики вылавливают в этой пустоте хоть что-то. Пустота не может вращаться. Но она вращалась, под гул турбин, вращалась до тошноты, медленно, быстро, плавно, рывками… бесконечно, пока не рассеется вселенная, и так представляющая собой совершенно бессмысленный набор случайных частиц.

— Почему вы хотели сразу же вылететь на «Горгулье»? — негромко спросил Доннер, когда мы стояли у большого иллюминатора, напоминавшего маленькую дверцу огромной стиральной машины. Наверное, просто чтобы меня отвлечь.

— Мм?.. — мысли лились не лучше, чем густой кисель.

— Это что-то значило? Что-то важное?

Его слова настойчиво привлекали внимание, как маячок.

— Наверное… понятия не имею, как это будет выглядеть, если теперь вдруг обнаружится, что они все это время были здесь. Или не были, а почему-то вернулись, и теперь такое… — Чем дальше, тем больше я понимал, что просто не мог этого сделать, это выглядело бы по меньшей мере странно.

— И то, что они сразу появились бы здесь, как-то исправило бы ситуацию?

— Нет. Просто форма протеста — самой связи причин и следствий. Что-то отменить, будто ничего не было. Что-то вернуть, когда все потеряно.

— Понимаю… — вставил он дежурно.

— Едва ли.

Он скорбно сочувственно кивал, воспринимая это «едва ли» буквально. И эмоционально. Я глянул на него нетерпеливо и недовольно — недовольно из-за себя самого, раз не мог выразить то, что хотел сказать (опустим, что я вообще ничего не хотел говорить), все получалось чересчур обыденно-понятно, но это было совсем не то, что я имел в виду.

— Вам никогда не приходилось хотя бы поддаваться иллюзии, что вы можете переписать историю? Потому что вы знаете, видели, какой разной она может быть там, где, казалось бы, все давно случилось, все известно? Но чтобы увидеть это, вы отправляетесь туда — и кости брошены заново, и вы никогда не знаете, сколько очков вам выпадет, и какой именно исход — правильный. Или все они — правильны. Все — существуют. Но

почему здесь все так, как случилось, а не иначе? Почему мы должны с этим жить?

— Этого я не знаю, — сказал он спокойно. И я понял, что снова был «обыденно-понятен», и все это ничуть не отличалось от опыта любого нормального человека. Который никогда ничего не мог поделать с прошедшим временем. И я, на самом деле, не мог тоже. С тем же успехом я мог фантазировать обо всей своей прошлой жизни в иных мирах и временах, ничего бы не изменилось. Даже когда мы думали, что спасаем собственное время, повлияли мы на него хоть каплю, хоть на волосок? Подвергалось ли оно на самом деле хоть какому-то риску?

— Знаю, что не знаете, — вздохнул я. — Я не знаю тоже. Но у всего происходящего может быть более зловещая подкладка, и не уверен, что еще мне не знакомая. Как не уверен в том, что мне повезло, что я еще жив. И очень, очень надеюсь, что я еще смогу что-то с этим поделать — не сыграть по чужому плану. Хотя бы отчасти. Хоть немного. Поэтому мне хочется вести себя непредсказуемо. Надеюсь, на этот раз вы меня действительно понимаете.

Я встретил его взгляд, и понял, что на этот раз понимание не было общим и дежурным.

— Понимаю, — повторил он. На самом деле, он сказал это впервые. Впервые за последние часы его глаза выражали не «сочувствие», а некую мрачную солидарность, боевую готовность, за которую я наконец по-настоящему был ему благодарен.

— Можно что-то сделать с этим цветом? — спросил я.

Оформитель несколько тревожно огляделся и моргнул. Еще бы не тревожно. Кого бы не нервировал этот белый цвет?

— А чего бы вам хотелось?..

— Приглушить эту мертвую белизну.

Художник слегка поежился и нервно облизнул губы.

— Может быть, серый?..

— Подойдет. Проведите тест.

Оформитель вытянул руку с зажатым в ней «пробником». По кабинету прокатилась волна, похожая на грозовое облако, и застыла, улегшись на все поверхности.

— Так?

— Усильте оттенок. Нет, это слишком темно. Чуть светлее. Так. Еще немного. Жестче. Да, так подойдет. Сохраните.

Художник кивнул и отключил аппарат. Как будто испытав смутное облегчение. Все снова стало белым. Но теперь это уже было ненадолго. В глубине души призрачно маячил какой-то добавочный осадок, но среди прочего — что был он, что не было,

это слишком уж призрачно и мелко. Серый цвет был компромиссом в некотором роде. Близок к вездесущему привычному денебскому белому. Геральдически это означало одно и то же. И это было гораздо лучше, чем откровенный траур с какими-нибудь нелепыми контрастными черными лентами по этой «необоснованной» белизне. Но с одной стороны — этот цвет не раздражал, а с другой, ассоциировался у меня невольно с одним человеком, которого я никогда не одобрял, но… сейчас мне нравился этот цвет, и «мой» оттенок был темнее, осязаемей. А еще я чувствовал, что сам с удовольствием постарался бы изменить историю, если бы это было возможно. И даже более радикально, чем потребовалось бы, чтобы исправить одно-единственное событие. Этот мир был слишком несовершенен. Может быть, изменение — любое изменение? искусственное и обдуманное? спланированное? — только пошло бы ему на пользу. И если мы этого не делаем или не сделали когда-то, мы не только упустили свой шанс, но и виноваты сами во всем, что происходит сейчас и произойдет в будущем. И может быть, в том, в чьих руках когда-нибудь потом окажется этот шанс.

— Теперь это королевство в ваших руках. — Пауза, которую выдержал канцлер, была неестественной. — Я слышал краем уха, что королевская семья пыталась этого избежать?

Он тонко улыбнулся, намекая на то, что, разумеется, это очень изящная шутка. Которая несомненно, должна иметь особый вкус для посвященных.

— Я — пытался этого избежать, — подчеркнул я. — И избегаю до сих пор, предпочитая оставаться регентом.

— Вы отчего-то чувствуете себя неловко? Право же, не стоит…

— Скажем откровенно, господин канцлер, вы меня бесите. И делаете это намеренно. Чего вы хотите этим добиться? Чтобы я передумал и признал себя королем?

Канцлер моргнул.

— Ваше высочество…

— Ненавижу ходить вокруг да около. Так что прекратите эти игры. Вам не будет легче оттого, что я регент, а не король. Вам вообще не будет легче. Это вас устраивает? Если кто-то желал того положения вещей, которое сложилось, «пусть боится своих желаний». И я очень надеюсь, что вы не один из этих желавших.

Лорд-канцлер невольно попятился, побледнев как сыр, или как его официальный денебский мундир, чертова напыщенного белого цвета. Даже его манерно стоявшие дыбом волосы удивительно гармонировали с этим оттенком. Этот человек

вызывал то ощущение изящества, которое отчего-то, безотчетно, порождает нездоровое желание сунуть его обладателя под каток.

— Ваше высочество, ну зачем же так, я совсем не имел в виду…

— Я лучше умолчу о том, что вы имели в виду. Догадайтесь — почему я сейчас ничуть не склонен к шуткам и вашим омерзительным виляниям? Догадываетесь?!

— Дда, ваше высочество…

— Превосходно. Итак, займемся делами. Официальной передачей государственной печати и прочей необходимой документации.

— Но вы…

— Я тут совсем недавно? Не разбираюсь в делах и не подготовлен ко всему происходящему? Вам придется положиться на вашу королеву, которая все решила за вас, и за меня тоже. Именно это и означает монархия. Если это самый удобный для вас государственный строй, пусть так и будет, пока он не дискредитирует себя как полностью провальный и нежизнеспособный в этом чудесном новом мире.

— Ваше высочество, прошу вас…

— Вы ни о чем не можете меня просить, начав нашу встречу так, как мы ее начали. И менее всего вы можете ждать от меня деликатности. И знаете что?

Искусственно-преданный взгляд в глаза.

— Я знаю, что именно об этом вы мечтали. Может быть, ждали этого всю жизнь. — «Сильного» монарха, который возьмет его за шиворот и отрезвляюще треснет об стену. Правильно. Вот и затаенный восторг на дне его зрачков. Как же они тут все бесятся от скуки…

— И пригласите сюда уже кабинет министров, сколько они могут ждать в коридоре?

Если требовалось разбудить это сонное царство, это сделал не я. Это сделал за меня взрыв. Меня он, всего лишь, разбудил тоже.

Члены правительства, важнейшие официальные лица, дипломаты, все они непременно должны были побывать здесь с тех пор, как мы вернулись с места происшествия, и поодиночке, и группами, и всей толпой, изображавшей солидарность и сплоченность всех граней и структур королевства. Они были одновременно и дежурны, и взбудоражены. Встряска есть встряска. На все эти встречи у меня ушло несколько суток, практически без перерыва. За это время мы еще дважды снова отправлялись к месту трагедии, то с одной делегацией, то с другой, выясняли, что именно там удалось уже обнаружить — это

было немногое.

Калейдоскоп вращался вокруг. И я внезапно ощутил, что у меня нет ни малейшего желания его останавливать. Его кружение отвлекало. Пока я следовал за ним, я почти не чувствовал боли. И совсем не понимал, почему Доннер по истечении этих нескольких суток вдруг начал настойчиво преследовать меня с заверениями, что мне надо отдохнуть, или съесть хоть что-то. Есть мне не хотелось совершенно. Я даже перестал понимать, зачем люди это делают. Это же так обременительно. Мне казалось, что мой мозг оставался ясным, и мне вовсе ничего не требовалось. Какая глупость — зачем есть и спать каждый день?..

Мне даже казалось, что я отчего-то был совершенно спокоен, но когда ему удалось затащить меня в кабинет, выгнав из него совершенно всех, я посмотрел на свои руки, и понял, что не могу остановить дрожь. Мне все еще казалось, что я ничего не чувствую. Но почему организм вел себя так странно, как будто ему было известно что-то, что не было известно мне, что-то, что сознанию удавалось успешно отодвигать на другой план. Почему тело мне не подчинялось?.. Мне же отлично удавалось держать себя в руках…

— Знаете что, — проговорил Доннер, доставая из кармана флакончик. — У меня тут старое доброе снотворное…

— Ну уж нет, я не смогу заснуть!.. Только не теперь!

— Подумайте, — сказал он мягко. — Это совсем другой мир — там с ними ничего не случилось.

— Это страшно… — проговорил я в ответ, чувствуя, как распространяется дрожь и слабость. — Вы думаете, я не захочу там остаться?

— Вы вернетесь, — заявил он уверенно. — А тот мир — он от вас тоже никуда не убежит. Мир, в котором ничего этого не случилось.

Я открыл белый пластиковый флакончик. Он был полон круглых белых шариков.

«А ведь он вполне может меня отравить» — мелькнуло у меня в голове. — «Зачем?» — спросил другой внутренний голос. — «Просто потому, что может», — ответил первый. Все прочие факторы во вселенной учесть немыслимо.

— И вам совсем не нужно возвращаться к себе. К этому кабинету прилегает всегда готовая комната отдыха.

— А, отлично…

Звук льющейся воды. Взявшийся из ниоткуда. Единственный во вселенной. Доннер придвинул ко мне стакан на массивной крученой стеклянной ножке. Везде эти проклятые гады — замаскированные драконы…

— Но снотворное выпейте потом. Сперва съешьте это.

— А это еще что? — под открытой металлической крышкой обнаружилась какая-то нежно-фиолетовая субстанция.

— Мясной пудинг.

— Какая га…

— Введем внутривенно? Если нет, то есть бульончик. И мое любимое, хотя совершенно вульгарное — яичница с сосисками.

— Очень заботливо с вашей стороны.

— А я не о вас беспокоюсь, а о государстве.

Ему удалось меня рассмешить. Я расхохотался.

— Давайте уж самое вульгарное. Иначе совсем тошно.

— И это совершенно естественно! — поощрил он. — Разбужу вас ровно через восемь часов.

— С будильником надежней. И я не могу не смотреть на часы.

— Со снотворным только на часы и смотреть, — хмыкнул он.

— Не люблю внезапностей.

— А я предупредил. К тому же, часы со стены я сдирать не намерен.

— Тогда все хорошо…

Более-менее, в этом отрезке континуума.

Я проглотил два белых шарика, но сны выдались странные. Бредовая полуреальность. Те же помещения, те же коридоры, те же корабли и звезды и «вращающаяся пустота». То и дело, где бы то ни было, забегала спешащая куда-то Линор. Она очень торопилась, и едва я успевал обратить внимание на ее присутствие, тут же исчезала. Потом появлялась снова. Все время проявляя нетерпение. Будто куда-то страшно опаздывала. Они все куда-то опаздывали, и кругом царила суета. Линор была в своем золотистом платье. Оно приобрело насыщенный ярко-оранжевый цвет, красивый и переливающийся, вспыхивающий яркими драгоценными блестками.

— Потому что это — цвет взрыва, — очень деловито пояснила Линор. — Это мой взрыв! — она подхватила со стола полыхавшую настоящим пламенем корону и гордо надела. — Мне пора. Счастливо оставаться…

Потом откуда-то появилась Тарси и с сожалением посмотрела на мою голову.

— Ты больше не рыжий, — сказала она с непередаваемой скорбью. Огонь — больше не твой. Твоя — тьма.

Затем она отвернулась, а когда медленно повернулась снова, стало ясно, что она превратилась во что-то чуждое и пугающее. В глазах, вдруг ставших антрацитово-черными, горели отблески пламени, приглушенные и неистовые — целое море огня на

другом конце узких длинных колодцев, ведущих в другой мир, где ничего больше и нет. Волосы качнулись — нет, зашевелились змеи, черный, туго сплетенный клубок.

— Хочешь, я стану твоей королевой Лорелей? — спросила она мелодично и шипяще. — Навечно!..

— Нет!..

Но сон не прервался. Я просто сбежал в «свой» кабинет с бесконечными мониторами. И отдал приказ уничтожить «Горгулью», вместе со всеми, кто был на борту. Для надежности. И только известие о том, что приказ выполнен, и наблюдение за этим, разрубило волглую прядь сна.

Только сон. Вздох облегчения. И лишь через некоторое время — возвращение понимания, что реальность не лучше. И бесповоротней. Не так зыбко, ее невозможно отменить, просто забыв о чем-то, чтобы снова в комнате появился кто-то, кто никогда больше не может в ней появиться. Но во сне ты не знаешь, что это сон, и когда делаешь что-то… Я это отмел.

Значит — там ничего не случилось? И поэтому может случаться снова и снова. И все время будет казаться, что что-то еще можно исправить. Будет возвращаться облегчение от того, что все было ошибкой, заблуждением. А после пробуждения — уходить снова. Но где-то там они еще были. И все еще имело смысл иногда засыпать…

Все начинается с того, что самое интересное происходит не в твоем времени, да и ты — не ты. Потом, бывает, что уже ты, или то, что можешь предположительно так назвать, за неимением других достоверных данных, а мир все еще не тот и все равно выходит просто сказка. Ну а потом, и ты — ты, и мир — твой, и не отступить от него, не спрятаться, а кажется все еще не достоверней декораций. Или это на самом деле все, что есть — декорации? Ничего твердого и вечного. И вот это-то и есть жизнь. То, что ты готов не принимать всерьез, от чего отмахнулся бы как от робкой зимней мухи. Презренный прах и тлен. Именно этим она и прекрасна. Тончайшая завеса, отделяющая нас от жерновов реальности, ничего знать не желающая о том, как она хрупка. О том, что ее вовсе нет и быть не может. Беспечно продолжающая быть.

Когда утром появился Вирем, я буравил взглядом потолок.

— Уже не спите? — еще одна дежурная фраза вместо приветствия.

— Нет. Доннер… «Денебский штандарт» — это же чертовски большой корабль. На нем была целая прорва людей.

— Да, — подтвердил он.

— И все друг с другом на этом уровне связаны каким-либо образом. У вас случайно не было там родственников?

Судя по звуку, Доннер что-то куда-то наливал.

— Близких — нет.

— А друзья? — я посмотрел на него. Доннер кивнул, сдержанно. А вот друзья были, судя по этой сдержанности.

— И вы все это время носились за мной с успокоительным?

Вирем пожал плечами:

— Потому что это и есть лучшее успокоительное.

— Верно…

— А вы сами-то хоть помните вашу вчерашнюю речь?

— Которую? — Что-то, конечно, вспоминал… яркими вспышками.

— Ту, где выражали соболезнования семьям всех погибших, говорили о том, что прекрасно сознаете, что это не только ваша потеря, что многие потеряли близких.

— Да, сознавал. Даже чувствовал. Только не так, как сегодня. Может, сильнее, но по-другому.

Он слегка ухмыльнулся.

— Это все время меняется. Хотя кажется, что уже сделал все открытия. Но боюсь, я сам не представляю и не могу представить, что с вами происходит. Потому что как бы это ни было для каждого, но… — он замолчал.

— Все сходится в одной точке?

— Именно.

— Как бы не коллапсировать в черную дыру, — пошутил я.

— Угу… Ваш заказ готов. Я принес его.

— Спасибо.

Это значило, что теперь я избавлюсь от нелепых траурных лент.

Войдя в кабинет, Вирем резко затормозил, чего обычно не делал, и уставился на меня.

— Эрвин Доннер Аллет! — воскликнул он с расстановкой. — Я должен был ожидать и видел все приготовления, но эффект… — он обвел взглядом и комнату, и меня в ней. — Это совершенно другое место! — констатировал он. — И почему я только сейчас вспомнил, что мы тезки? Я же знаю полное имя и все официальные титулы…

— Вторым именем я никогда не пользовался… Почти. Как и фамилией. — Тут я и сам призадумался — как квалифицировать использование имени хоть и на собственной памяти, но находясь при этом в разуме собственного предка? Заодно, это всегда

позволяло считать второе имя принадлежащим его настоящему владельцу, а не мне. — Это всего лишь традиция.

Вирем пожал плечами.

— Имя и фамилия всегда всего лишь традиция, разве нет?

— Но едва ли тогда, когда ими не пользуешься — привычка как-то плохо складывается.

Правда, вот сейчас время для другого имени подошло в самый раз. Любопытно, что Вирем отметил это без всякой подсказки, может быть, раньше меня. Потому что прежний человек, с прежним именем — умер. Несмотря на то, что я привнес сюда больше своего, чем было раньше. И черно-серый мундир, сменивший белый с траурной лентой через плечо, должен был напоминать о «Янусе». Он и напоминал, но здесь, посреди этих графитных стен, с геральдическим значком с драконьими крыльями вместо золотой спирали времени, был чем-то еще совсем другим.

Хотя, помня свой сон, я посмотрел утром в зеркало. Я все еще оставался рыжим, но в остальном — тьма и так всегда была моей.

Я посмотрел на включенный монитор.

— Насчет расследования. Разумеется, все очень рассеяно. Но все выглядит именно так, как выглядит? Ни опознаваемых деталей корабля, никаких останков?

— Нет. Но вы понимаете — аварии в самый момент перехода всегда именно так и выглядят.

— Но…

— Простите, сэр, после такого еще никто не возвращался.

Я возвращался. Но тут было много различных «но» — корабли были значительно меньше, и не оставляли за собой мощной, оплавляющей случайный космический мусор, вспышки, даже когда мусор с корабля выбрасывался нарочно под проекцию картины взрыва. А «Денебский штандарт» все-таки «чертовски большой корабль»… Возможность подобного маневра стремилась к нулю, даже если бы им управлял сам Доннер Аллет. А для любого, кто не был бы так ловок как он, и настолько заинтересован, как я, и вовсе являлась нулевой. Но разве вселенная вокруг нас не всегда шутила шутки?

— Вирем, насчет «Горгульи»… — Которую я сам взорвал во сне…

— Да, сэр?

— Когда у нас ближайшее окно хотя бы в час? Мне нужно наконец их увидеть.

* * *

«Горгулья» оказалась не только в пределах Денебского королевства, но и во дворце, хотя об этом не знал даже ее экипаж, тоже размещенный здесь, в одной из его «изолированных» частей. Положение их весь последний месяц, конечно, было двусмысленным, но пока еще они в достаточной мере ощущали себя гостями, чтобы не начать взламывать замки и устраивать революцию, хотя, может, и следовало бы. Но наши гости отличались отменными манерами.

— Приветствую всех, — начал я сходу, — я узнал о том, что вы здесь, четыре дня назад. Простите, у меня не было времени навестить вас, но я рад тому, что с вами все в порядке, и что Вирем уже объяснил вам, где вы, и что происходит. Вы имеете полное право мне не верить, но…

— Конечно, верим! — нетерпеливо перебила Джелли. — Не для того же ты возвращался назад во времени и спасал нас, чтобы потом подставить, не будь смешным!

Я изумленно посмотрел на нее и улыбнулся.

— Я успел почти вас забыть. Вы, конечно, уже знаете, что произошло… — Да уж, совершенно ни к чему повторять очевидное, это только я тут не появлялся все это время, превратившееся для меня в один сливающийся длинный день. — Поэтому я не мог придти сразу, и не мог поручить кому-то другому просить вас решить, раскрывать ваш секрет или нет — как бы ни было скучно, для вас это действительно безопаснее. Но это же несчастье причина того, что я узнал, что вы все еще здесь. Сперва нам сказали, что вы покинули королевство. Мы понятия не имели, правда это или нет, и не случилось ли чего-то похуже. И только после трагедии я автоматически стал обладателем допуска ко всей информации о вас.

Вирем кашлянул.

— Я бы еще мог добавить, — вставил лейтенант, — что его первым желанием было вылететь к месту трагедии с вами, на вашем корабле. Но подготовить судно к полету сразу было бы затруднительно.

Я увидел, как непроизвольно напрягся Арли, все это время дружелюбно выжидающе молчавший, не мешавший нам выговориться, но по нему было абсолютно ясно видно, что он никого из нас не осуждает.

— С вашим кораблем все в порядке, я знаю, где он: здесь же, в ангарах дворца. Но эта информация была засекречена. И помимо того, что нам нужен был корабль, немедленно готовый к старту, мы не знали, какое это может произвести впечатление и какой может дать старт слухам, с которыми нам пришлось бы дополнительно справляться.

— А как вы полагаете, какие могут быть слухи теперь, когда мы внезапно объявимся после того, что случилось, со всеми нашими сказочными трюками, со всем нашим, может быть сомнительным прошлым? — спокойно спросил Арли. — Или, может быть, мы вовсе и не появимся?

— Я думал об этом, — ответил я. — Но не вижу смысла в том, чтобы прятаться и давать шанс тому, кому наше существование может быть поперек горла, уничтожить нас по частям. Так что, если только вы сами не решите иначе — то пусть всех сразу, как яйца в одной корзинке!

Джелли звонко рассмеялась.

— Про пучок соломинок было бы банально! Такой подход куда ближе к нашей развеселой реальности!

— Так значит, мы выходим на свет? — подытожил Майк. — Мне жаль только, что повод к этому так печален.

Я кивнул с признательностью. И после воцарившейся паузы, довольно мрачно выдавил:

— Миры, по которым мы ходим, созданы из праха наших предшественников… Мы тоже внесем свой вклад.

Только это нас и извиняет. За то, что мы еще живы. Каждый в свой период времени и ненадолго. Будущее, где нас нет, никуда не денется.

Реакция не заставила себя ждать. И теперь я имел «удовольствие» столкнуться с ней лично: с требованием Солнечной Лиги отказаться от покровительства опасным экстремистам, составляющим экипаж корабля «Горгулья». Пока приватным, в духе фальшиво-дружеского совета. На которое я мог ответить парой строк, отправленных все так же приватно:

«Чем же они для вас опасны? Или, может быть, Лига желает принять ответственность за вмешательство в чужую внутреннюю политику, вплоть до ответственности за недавние катастрофы?»

Ах, у вас есть основания полагать, что в катастрофах могут быть повинны те «ненадежные элементы», которых вы и предлагаете нам не брать под свою защиту? Благодарю, мы разберемся сами.

Еще один ответ. Вы полагаете, что это выгодно лично мне? Потому что в ином случае я мог бы быть отстранен от наследования по причинам, которые, как вы намекаете, вам известны? Хорошо. Попробуйте высказать их во всеуслышанье. А мы представим все секретные протоколы, о том, где находились подозреваемые в экстремизме в критическое для катастрофы время. А еще мы можем провести расследование тщательнее, используя явный намек на то, что к катастрофе причастна

деятельность Лиги. Кстати, протокол о данной приватной переписке также будет сохранен. Подделка данных? Разумеется, любые данные могут быть признаны поддельными при желании. Чем ваши данные лучше наших? У Космополитического Союза накопилось уже немало вопросов к Лиге и ее агрессивной политике. Полагаете, что это может длиться бесконечно?

На какое-то время — тишина в эфире.

И в остальном — удивительная «тишина», спокойствие и рутина. Усыпляющее обманчивое спокойствие. Огромная машина, отлаженная веками, работающая сама по себе. Должно быть, из нее выпали какие-то детали. Неизбежно вкрались какие-то ошибки. Кто-то непременно должен был воспользоваться ситуацией к своей выгоде. Но пока это было незаметно. Должно пройти какое-то время, прежде чем что-то проявится. Но что именно нужно было сделать? Это далеко не пятый век. Ничего общего. Я мог придти тогда на пустое место и сделать что угодно — ведь что угодно было бы лучше пустоты. Но тут ее не было. Неосторожное движение, напротив, могло все разрушить. Это было чем-то вроде огромной сияющей паутины из углеродных трубок, с точкой напряжения и возможного разрыва совсем рядом, без паука, и пауком могло оказаться что угодно, что научилось на ней паразитировать. И я ощутил со всей четкостью, что я этого еще не умею, все, чем я когда-то был — не было мной. Но огромная машина все еще работала. Оставалось надеяться, что инерции хватит до тех пор, пока я не разберусь с ней. Хотя, что и говорить, это было скорее самообманом. Казалось, я остался в живых только затем, чтобы увидеть, как все рухнет, превращаясь в прах, именно в моих руках, чтобы было очевидно, кто виновен в этом упадке.

В кабинете с графитными стенами, со всеми отключенными микрофонами и камерами, мы сидели вдвоем, с бокалами, наполненными темным густым альтаирским вином, по большей части позволяя ему просто испаряться в пространство. К призракам тех, кого мы потеряли.

— Мы никогда не говорили об этом раньше напрямую. Но вы знаете, что нам многое известно. — Я все еще употреблял слово «мы», хотя тех, о ком я говорил кроме себя, здесь не было. Или не было уже вовсе. — Мы многое поняли сами. И Тарси упоминала вскользь. Нет, никаких подробностей. Почти. Нам казалось хорошим тоном, зная, не заговаривать об этом. — Я глянул на сидящего в кресле Арли, а иначе говоря, Барда Фейербласта, последнего короля Веги, чье настоящее имя было связано с одними ужасами, и тот кивнул:

— Конечно. Все мы всё знали и давали друг другу это понять. Но я понимаю — стоит расставить точки над «и». Ведь мы впервые собираемся поговорить начистоту. Вежливость и оберегание чужих чувств никому не помогут.

— Верно, благодарю вас. Но как ваш экипаж? Знают ли они? Хоть кто-то из них? — Арли покачал головой. — Хотя бы Майк?

Он задумчиво покачал головой снова, потом усмехнулся и передернул плечами.

— Мы не говорили с ним об этом, но думаю, он догадывается, а может быть и знает. Возможно, они говорили с Тарси о большем, чем известно мне, и молчали об этом все из тех же соображений.

— А… — протянул я.

Арли бросил на меня быстрый взгляд исподлобья. Будто хотел поинтересоваться, что же все-таки у нас с Тарси, и не считаю ли я Майка всерьез кем-то вроде соперника.

— Я в этом сомневаюсь, — пояснил я свою мысль. — Наверняка он дал бы как-то понять. Выразил бы солидарность.

— Вы так думаете? — его голос был полон иронии.

— Не знаю.

Он кивнул с мрачным удовлетворением.

— А что думаете о том, что могло произойти тогда? О том, как я мог быть во все это замешан? В убийство близких, в сумасбродный разрушительный режим, взорвавший королевство, так же, как был в итоге взорван королевский дворец? Вы убеждены в том, что это происходило без моего прямого участия? Откуда такая уверенность? Или, подождите, вы сумели преодолеть буфер и заглянули туда сами? Вы видели, что произошло?

— Нет. А насколько бы вы поверили в мою причастность к недавней катастрофе?

Судя по его взгляду, не поверил бы. А зря, я понятия не имел, что за монстры кишат в глубинах моего мозга. Наверное, так же думал о своих и он.

— Вы ведь не можете ни в чем быть уверены. Вы знали, что мы знаем о вашем прошлом, и это вас не беспокоило. Но вас беспокоит Майк, потому что он ваш сын. Его мнение единственно важно для вас. И вы эмоционально заинтересованы. Я тоже заинтересован — в своем случае. И я не уверен в том, что обо мне можно сказать что-то хорошее. Мне нужен взгляд со стороны, своего рода мерило адекватности, и кто-то, кто имеет хоть какое-то представление о том, как управлять королевством. Мне нужна ваша помощь.

Арли вздохнул, помолчав.

— Я мог бы сказать, что вы ищете не там. — Он выдержал паузу, угрюмо-задумчивую. — Но где еще искать? Все верно. Только имейте в виду, из меня был просто дьявольски скверный король. И даже, практически, не был.

— Я знаю.

— И мерило адекватности из меня то еще.

— Зато вы можете понять мои проблемы. И в отличие от меня, вы выросли во дворце, вы знаете хоть что-то обо всех этих звездных королевствах изнутри.

— Не буду обнадеживать. Слишком много лет прошло с тех пор, как ничего хорошего и не было.

— И не надо обнадеживать. Мне нужно лишь, чтобы было с кем посоветоваться и поговорить. Тем более что, увы, мы части одной картины.

Одной истории, так уж точно.

II/III. Проект «Пандора»

Не дрожи, мое сердце, постой,
Но мудрости древней припомни урок:
Кого в дрожь повергают потоп и пожар,
И ветра, что дуют вдоль звездных дорог,
Того звездный ветер, потоп и пожар
Погребут под собой, ибо он чужой
На пиру бытия, в царстве древних чар.

У.Йейтс

1/4. Океан

На Леде есть океаны. Ничего необычного для густонаселенной планеты, раз одним из главных условий привычной нам жизни является наличие жидкой воды. Вода была здесь раньше, чем появились люди. Жизнь — тоже. Это была другая жизнь. И намеренно, и без всякого намерения она была уничтожена, подменена, переродилась, подавленная пришлой флорой и пришлой фауной, зараженная ими как чумой. Так же, как некогда «водяная чума» вытеснила множество видов водных растений на самой Земле. Нельзя сказать, чтобы у нее были какие-то далеко идущие намерения. Но она их вытеснила. Такая вот «панспермия». На деле, во вселенной нет своих и чужих. Только приспособленность. Приживается то, что может успешно прижиться. Если прижилось то, что развилось на Земле, в выигрыше не Земля. А жизнь, принимающая наиболее успешную форму, экспериментирующая с ними везде и всюду, слепым методом проб и ошибок. Даже наши дурные намерения не настолько принадлежат нам самим, сколько всем подряд, и тем силам, которые и вовсе не считаются и не являются живыми и, тем более, разумными. Хотя мы можем питать самые различные иллюзии на этот счет.

Леда похожа на Землю. Но на какую ее часть? И в какой собственной части? У всякой планеты есть разные области. У всякой планеты есть разные эпохи. У Леды две маленьких луны — Кастор и Поллукс. (Не путайте со звездами! И не только из созвездия Близнецов — одинаковых названий в космосе скопилось сплошь и рядом величайшее множество). Есть и Елена — искусственный спутник, внешний причал для крупных космических судов. Впрочем, она давно стала музеем. Кастор и Поллукс создают очень интересную схему приливов и отливов, которые немного напоминают земные, когда две луны сближаются, и кажутся беспорядочными и невыраженными, когда они расходятся на своих орбитах. Иногда они вызывают немалые возмущения, занимая особое расположение относительно друг друга и планеты, по счастью, не превращающиеся в цунами в этих широтах и легко прогнозируемые. Сейчас убывающий рыжий Кастор висел в восточной части неба, залитой голубоватым свечением готовящегося начать свой восход настоящего Денеба, а тонкий бледный новорожденный серп, почти ноготок Поллукса окунулся в воды на горизонте, где почти угас свет настоящей звезды Леды — Малого Денеба.

Каплевидный катер с прозрачными изнутри стенками завис

над слегка волнующейся гладью, не отражаясь в ней, накренился узким «клювом» вниз и мягко канул в водную плоть. Немного погодя вспыхнул свет — ночные воды не самое подходящее место, чтобы бороздить их вслепую.

Что-то торопливо брызнуло в стороны от лучей света, что-то устремилось к ним ближе — стайки ярких разноцветных рыбок, и за ними некие затаившиеся тени, тяжелые и, напротив, неуловимо подвижные. Еще живые кораллы трепетали на переплетениях массивных остовов своих предшественников. Безмолвное царство жизни, упругая утроба «первичного бульона», рождающая и переваривающая. Возможно, лучшее место для того, чтобы отдохнуть от мирской суеты?

Вечно.

Мельком поглядывая вокруг, на кораллы, колеблющиеся шлейфы водорослей и рыбок, я куда внимательнее смотрел на сканеры. Пока чисто. Три минуты, четыре, пока ничего… Мелькнувшая на краю искорка — возможно, лишь ошибка распознавания. Опустимся глубже. Спугнем тяжелые тени. Можно ведь погрузиться и в самые глубины, поохотиться на местных удильщиков, левиафанов, гигантских кальмаров или спрутов — на Леде водятся спруты с пятью щупальцами, эволюционировавшие от неких эквивалентов морских звезд с изначальной пятиконечной радиальной симметрией.

Но вот на самом деле возникло движение… Вирем не зря говорил, что подобное не обнаружить обычными сканерами, если не знать, что искать, и не подправить настройки на особую частоту. Оно выглядит и распознается как живой организм. В данном случае — сплюснутая почти в ската, как это свойственно акулам Леды, акула-молот. На самом деле, это и были живые организмы, только с особой «начинкой».

Одна, другая… Ого! Я присвистнул. Была ли их активация автоматической? Из-за простого проникновения в эту область? По всем сводкам, они вообще не должны были здесь находиться, да еще в боевом режиме, но… Мы же сами рассчитали и предположили, что они теоретически могут тут быть — на границе закрытой акватории, прилегающей к Старому Городу, Дворцу, всяким правительственным сооружениям. Движение на поверхности и над поверхностью оставалось допустимым, кроме ночного времени, которое и имело место в данный момент, но меня это ограничение не касалось, а вот под поверхностью официально запрещалось, хотя никаких особых систем защиты, как будто, не предусматривалось и это было едва ли не просто традицией и добрым пожеланием.

Зафиксированные над трехмерными проекторами

изображения акул задергались в конвульсиях… еще бы нет — разбрызгивая части органики, преобразуясь в стройные торпеды… на относительном отдалении лишь для того, чтобы взять разгон…

Я резко сорвал катер с места, насколько это было возможно в толще воды, и устремил его вверх, ввинчиваясь в теряющую плотность среду. Самонаводящиеся торпеды помчались следом.

Мы взмыли над поверхностью как стайка бешеных китов. Затем нырнули снова вниз, намеченным путем, в кораллы — за мной буквально взорвались мукой и обломками основания будущих островов: «ломать — не строить»… Минус одна торпеда. Остались две. Совершим банальнейший кувырок… Нет, черт, не сработало… просвистели мимо друг друга. Хватит красоваться! Еще раз в кораллы… стараясь не задеть тяжелые обломки, непредсказуемо сменившие в мутной воде свои прежние очертания. Торпеды их тоже не задели, и мы снова взмыли над поверхностью. Так, методичней, петля, другая, третья, теперь резко в сторону, есть! Торпеды наконец исправно столкнулись и вода вскипела. Слишком просто? Или нет? Разумеется, с самого начала ведь не было никакой внезапности. Какой еще идиот отправится в романтическую одинокую ночную прогулку специально посмотреть, как действуют биоадаптированные торпеды? Если они вообще там есть… Хорошо, теперь, кажется, уже нет.

Запищало встроенное в панель переговорное устройство. Я нажал на кнопку.

— Все в порядке? — слегка запыхавшись, спросил Вирем. — На моих датчиках корабль остановился.

— Да, уже все. Только три и уже деактивированы. Вообще-то, правильней сказать — испорчены попусту.

— Но сам факт, что они там были и активировались!..

— Подозрителен немного, но мы же ожидали, что кто-то мог перестраховаться в целях надежной защиты границ…

— Вы ожидали, — с беспокойством поправил Вирем. — Я только рассказывал о разных новых видах устройств. Но какие еще границы в море? Рядом с Городом — это же опасно! Да-да, пусть зона закрытая. — Как современный и просто еще молодой человек, Вирем немного наивно не улавливал старую логику безопасности, которой все же кто-то еще придерживался. — Но может быть, это потому, что вы выразили намерение, и знало о нем лишь несколько человек…

— Вирем, мы знаем далеко не все засекреченные протоколы. Это вполне могло быть совершенно не злонамеренно… — При дурном умысле проще было бы заминировать катер, или просто покопаться в механизме управления.

— Или это должно было выглядеть как случайность, — проворчал Дон. — А иначе было бы подозрительней. Не испытывали бы вы больше судьбу.

— Если это должно было выглядеть как случайность, то ничего больше не должно произойти. А то это было бы уже подозрительно. Особенно после нашего разговора.

— Ладно, но имейте в виду, я не успокоюсь, пока вы не вернетесь.

— Хорошо, дай мне хотя бы полчаса… — я трезвым взглядом оценил замутненную воду, полную пористых всплывающих обломков, ила и прочих органических ошметков. — Ладно, возвращаюсь. Главное — уже размялся. Проверил, увидел, что хотел.

Я снова вывел катер на поверхность и помчал его к городу, пока ветер сметал с обтекаемого корпуса остатки влаги.

Прошло три месяца. Здесь месяцы не измеряют движением лун, чтобы не разбираться, какой из них отдать первенство, а используют почти земные условные периоды, тем более что период обращения Леды вокруг ее светила занимает около четырех с половиной земных лет, — но смена сезонов, опять же в наших широтах, выражена довольно мало, — так что такой астрономический год не слишком удобен для счета времени. Хотя и используется параллельно с условным летоисчислением, и делится на шестьдесят месяцев, как правило, состоящих из двадцати семи и двадцати восьми дней попеременно, иногда совершаются перерасчеты и прочие коррекции.

Похоже, я зря переживал, что с чем-то не справлюсь. И, похоже, переоценивал свою нужность. Система работала сама на себя и сама за себя. Бывший король Веги помогал мне лишь слегка корректировать этот процесс и обходить явные подводные камни. Как отлично помогала в последнем и Тарси, слишком хорошо знакомая с множеством способов подвохов и интриг, и улавливающая их безошибочно. Я решил, что устал делать вид, что не доверяю ей. По большому счету, мне было какое-то время все равно, и именно это расставило все по местам. Так что оставалась имеющей смысл лишь представительская сторона вопроса. Которую я, возможно, неразумно ограничил. Зато я обнаружил, что у меня есть время и возможности заняться чем-то еще, кроме как наблюдать в прямом эфире постоянно просыпающийся песок времени и неизменно возрастающую энтропию.

От разноцветных переливающихся огней города под оторвались и понеслись мне навстречу четыре яркие точки, выстроившиеся в лишенную граней трапецию. Я мог бы просто

увеличить их изображение, но для надежности нажал на кнопку.

— Вирем? Ты тоже их видишь? Надеюсь, это не торпеды?

— Это ваше сопровождение, сэр, — ворчливо отозвался Вирем. — Полковник Страйкер сходит с ума от сообщений береговой охраны. Они засекли ваш идентификационный номер, поэтому и не пытались остановить, считали историю полета и прислали ему. Он бы уже с вами связался, если бы вы не перекрыли все остальные каналы.

— Черт побери, никакого уединения, — вздохнул я, впрочем, несерьезно.

— Не тогда, когда были зафиксированы неожиданные всплески активности неподалеку от столицы.

— А для него они тоже были неожиданными?

— Он всего лишь полковник, — примирительно заметил Вирем. — И вы понимаете, что разные структуры вечно конфликтуют из-за границ влияния и делают что-то без ведома друг друга…

— Спасибо, Вирем, я знаю, — усмехнулся я не менее миролюбиво. — Избавь меня от лекций.

— А вот в береговой охране переполох почище…

— Ну еще бы…

— Они не были в курсе вашей вылазки, пока вы не появились у них на сканерах. И дежурные не были в курсе о дополнительных мерах предосторожности…

— А мне вот показалось подозрительным, что никаких мер тут как будто не было предусмотрено.

— В это время суток частные полеты в этих зонах не допускаются. Вас, конечно, пропустили, проявив опрометчивость и считая, что вы знаете, что делаете, и наверняка втайне тоже думая, что запреты на ночные полеты в этой зоне просто формальность. Те, кто мог бы попробовать вас остановить, не предполагали настоящей опасности, не располагая информацией.

С обычными ночными полетами проблем бы и не было. Они же не ожидали, что я вздумаю еще и нырять. А если бы и ожидали, простые патрули тоже скорее всего понятия не имели о дополнительной защите глубин.

— Заодно именно это положение дел мы и установили.

— Мое мнение вы знаете. Это было весьма неосмотрительно.

— Неосмотрительно было держать такую информацию от нас в полном секрете. Я не ставлю под сомнение важность обороны, в самом деле, но вся отчетность о мерах предосторожности должна быть у нас. Я думаю, так было нагляднее — почему именно. Потому что кто знает, на чьей совести может оказаться следующий несчастный случай.

— Вас понял, — после паузы заверил Вирем.

— Не обязательно сгущать краски, — с деланной беспечностью прибавил я. — Но насчет полной информации — это официальное требование.

Светящиеся точки, превратившиеся в корабли, изобразили вежливый поворот по часовой стрелке вместо поклона, развернулись на сто восемьдесят градусов и заняли свое место по сторонам.

Всего через полминуты после встречи, мы уже совершали посадку на небольшом аэродроме на дворцовом «заднем дворе». Полковник Страйкер из королевской космической пехоты нервно поджидал там с более чем очевидными увещеваниями.

— Да нет, не беспокойтесь, результат испытания скорее более чем удовлетворительный, — заверил я его с улыбкой. — Все было неуклюже, несогласованно, но я не обнаружил и тени злого умысла. Пока. И вот что еще, Страйкер… насколько было бы возможно создать сеть с вот такими техническими характеристиками за пределами дворца? — Я передал ему маленький планшет, на котором он бегло просмотрел данные, не включая голографический режим. Страйкер только озабоченно покачал головой, тихо отдуваясь.

— Я в этом не такой уж специалист, сэр…

— Все в порядке. Но сами характеристики вам знакомы? Они где-нибудь применяются на знакомых вам объектах?

— Нет. Простите. Я знаю, что во дворце имеется подобная сеть. Но она очень старая, во дворце много громоздких, уже неиспользуемых систем, которые могут дать дополнительную грубую энергию, на них надстраивались поверх новые и новые, а до конца их демонтировать не было возможности по разным причинам. Масса всего этого давным-давно совершенно не нужна. Извините, но на девяносто процентов это хлам. Если вы имеете в виду, что следует все это убрать, то возможно, вы правы, это и впрямь нигде не применяется, но традиции… И кое-что в системе является одновременно деталями архитектуры. Извиняюсь, но это… местами просто стены… когда-то это были передовые технологии, но сейчас они сохранились лишь как артефакты и потому что на них держатся кое-какие перекрытия.

— Спасибо, — засмеялся я. — Ничего, я ничего не имею против артефактов и устаревших, некогда передовых технологий. Все-таки история — это то, чем я всегда занимался.

— Да-да, понимаю, — Страйкер облегченно растянул бледные губы в улыбке, кивая.

— И поскольку я сам не большой технический специалист,

мне было любопытно, можно ли где-то создать эквивалент королевского кабинета, скажем, на корабле или станции, с теми же барьерами безопасности и прочим. Но поскольку я не очень понимаю, что именно в этой схеме лишнее, а что важное… Полагаю, вы сможете помочь мне найти тех, кто все это проектировал… Насколько возможно, всех, хотя я понимаю, что многих, наверняка уже нет в живых. Но тех, кто остался…

— Разумеется, сэр. — Страйкер был уже совершенно безмятежен и, видимо, обрадован тем, что я собираюсь найти себе более интеллектуальное хобби, чем провоцировать ни в чем не повинные засекреченные биоторпеды.

Разобравшись с мелочами, а вернее благополучно переложив их на чужие плечи, я поднялся в рабочий «королевский» кабинет, состоящий не только из мониторов и голографических проекторов, и заперся там.

За все то время, что я здесь находился, я понемногу избавился от паранойи или просто привык к ней, не найдя никаких примет настоящих утечек из этого места, и наконец сделал то, на что раньше не осмеливался. Нырнув сегодня в океанские глубины, я предварил это действие, как древние охотники, прежде чем отправиться добывать мамонта, изображали его зримо охрой и углем на скале или совершали какое-нибудь ритуальное представление, чтобы создать и увидеть образ успешного исхода.

Я вытащил из-под корпуса личного переговорного устройства маленький, размером с ноготь мизинца, антрацитово-черный кубик, похожий на игральную кость, и положил его на диск виртуального моделирования. Так же, как некогда стены меняли свой цвет по приказу художника по интерьерам, только теперь неузнаваемо изменяя всю обстановку, вокруг меня буквально на глазах соткалась совершенно другая комната, посреди которой возник очень компактный, в масштабе, центральный терминал. Переплетение световых лучей, выходящих за пределы выбранного конкретного объекта, повисло наготове приглушенно мерцающей паутиной, потенциально представляющей из себя что угодно — капсулы перемещений, генераторы, любое другое помещение станции «Янус».

Самое же интересное заключалось в том, что возможности именно этой комнаты позволяли до определенной степени использовать эту виртуальную модель как нечто настоящее. В конце концов, это и впрямь была не просто комната с мониторами. Световые линии дрожали и тихонько гудели, наполняясь энергией, где-то оживали давно не использовавшиеся системы, подключаясь одна за другой, придавая призраку все

больше эфемерной реальности. На самом деле эта реальность заключалась теперь не только в антрацитово-черном кубике, не только в этом кабинете, а в обширном комплексе всего дворца, управление которым сосредотачивалось здесь. Конечно, это не могло быть сколько-нибудь эквивалентно настоящему «Янусу», и подобную активацию кубика никто не предполагал всерьез. Мы не обладали данными о том, чем именно напичкан дворец, да и сейчас не было никакой уверенности в том, насколько схемы смогут адаптироваться. Кубик предназначался лишь для сохранения информации в резерве, но…

О многих сомнительных вещах, например, о попытках вмешиваться во время и изменять собственное прошлое, говорят: «сделав однажды, никогда не сможешь остановиться». Но насколько то, что мы их не делаем, зависит от того, что мы всего лишь не можем остановиться их «не делать»?

И на самом ли деле мы можем то, что, как нам кажется, мы можем? Или это только иллюзии? Начнем с малого. На что пока еще и способен этот «призрак». Едва ли на что-то серьезное.

Помедлив, обойдя вокруг обретающей все больше псевдореальности модели терминала, я открыл канал связи.

* * *

Я ждал довольно долго. Впрочем, «ждал» — не совсем верное слово. Я следил за тем, как система стабилизировалась, какие области захватывала на общем графике, происходят ли какие-то утечки. Пару раз я обнаруживал защитные барьеры, которые приходилось обходить, благо, здесь и сейчас у меня имелись все возможные доступы ко всему, что можно было отсюда контролировать. Некоторые из них появились у меня совсем недавно, лишь спустя три месяца после того, как система «привыкла» стабильно получать от меня распоряжения. По большей части это были не слишком важные архивные данные и допуск к устаревшим областям. Их доступность спустя три месяца имела скорее символическое значение. Имела бы — если бы мне не пришло в голову использовать их по-своему, не для того, для чего они были когда-то созданы, и для чего больше почти не годились. Неожиданный положительный побочный эффект.

Правда, как и в случае с торпедами, не совсем неожиданный. Филиард Арли — все же он предпочитал это имя, и я находил нужным проявить уважение к его предпочтениям — рассказывал о некоторых особенностях старого королевского дворца Веги. Которому также было несколько столетий, в котором все

надстраивалось одно на другое не только в древнем архитектурном смысле, обычно связываемом со средневековыми соборами, начинавшими строиться в одном стиле, продолжавшими в другом, а заканчивавшими уж в каком повезет закончиться. Рассказывал он и о механизмах чрезвычайных ситуаций и самоуничтожения — и я очень надеялся, что не запущу нечаянно нечто подобное, если моя информация все еще каким-то образом неполна. Никогда не знаешь, какую фатальную мелочь можно упустить и дорого заплатить за это. Но предельная осторожность опасна сама по себе — тем, что влечет за собой полное бездействие.

Так что почти час пролетел незаметно в этих волнениях, когда я получил ответ на свой сигнал — мигание несуществующего, вернее, смоделированного зеленого индикатора.

Я вдохнул чуть больше воздуха и включил визуальный контакт. Пока односторонний — мне нужно было убедиться в том, что сигнал принят тем, кем нужно, вдобавок ко всем предварительным мерам предосторожности.

Я увидел настороженного и сдержанного усталого Фризиана, буравящего пространство перед собой горящим взглядом таких же черно-антрацитовых глаз, как грани кубика на диске. Выглядел он неважно, «Янусу» хватало своих тревог и без меня.

«Ты один?» — набрал я вопрос на «несуществующей» клавиатуре, состоящей из парящих в воздухе сияющих линий.

— Да, — ответил он вслух с затаенным ехидством. — И с кем же имею честь?

Я включил полный визуальный контакт. Фризиан улыбнулся, и некоторая часть его напряжения исчезла.

— Я почти удивлен. Это действительно ты или вражеская голограмма?

— Это действительно я — как ответила бы, конечно, и вражеская голограмма, предоставь ей кто-нибудь такой чудесный шанс.

Фризиан кивнул с удовлетворенной усмешкой.

— Неправдоподобно быстро. Честно говоря, не ожидал так скоро.

— Я сам не ожидал. Нашел подходящий источник, к которому можно подключиться. Это не настоящая станция. Только модель, призрак.

— А-а… — Он снова успокоенно кивнул. — Но кое в чем, как я понимаю, призрак вполне соответствует тому, что могло бы существовать из высокотехнологичных «плоти и крови».

— Да, потому что пользуется чужими, насколько может их

адаптировать. Пока что по мелочи, я не уверен, что сейчас он способен на что-то большее, чем поддерживать этот канал связи.

— Но все же через изрядный кусок континуума и с хорошей синхронизацией.

— Именно так.

— И если регулярно подпитывать его энергией…

— Возможно.

— Осталось решить только один вопрос. — Фризиан кривовато улыбнулся. — Что мы можем с этим сделать, чтобы улучшить реальность?

— Это всегда вопрос из вопросов.

— Да и на полную настройку могут уйти годы…

— Да.

— Как и на постройку настоящей. Я бы не стал тебе говорить, что у тебя нет причин для паранойи.

— Вот как? — насторожился я.

Изображение замерло, подернулось рябью, выцвело, мигнуло.

— Ничего определенного, — пришел замедленный ответ. — Я просто рад, что ты нашел способ подстраховаться, вне зависимости от того, кто построит следующую такую станцию.

Звуки тоже поплыли.

— Да, я понял.

Судя по его напряженной выжидающей позе, мой ответ тоже запаздывал.

— Энергии маловато. Я рад, что удалось связаться с вами таким образом.

Это был единственный абсолютно защищенный канал. Пока. Если исходить из того, что подобных станций еще нигде нет. Но на них и впрямь должны уйти годы. Правда, в случаях машин времени слово «еще» может приобретать весьма размытый характер… Если, конечно, кто-то всерьез может извлечь из чего-то подобного выгоду в своей собственной вселенной, а не в параллельной, где все что угодно все равно будет немного иначе и это «немного» всегда может играть решающую роль с таким «незначительным отличием», как жизнь или смерть. И хоть мы были рады своей страховке, на самом деле далеко не очевидно, что тот, кто мог бы сделать подобное помимо нас, нашел бы это сколько-нибудь целесообразным. Когда-то «Янус» пытались захватить, но захват — это совсем другое, куда более дешевое дело. Ведь иначе пришлось бы строить нечто вроде этого дворца с нуля, без гарантии, что это хоть когда-нибудь и зачем-нибудь окупится.

На сегодня достаточно? Для простых действий совместимость вполне хорошая. Проблема не столько в недостатке энергии,

сколько в ее неравномерной подаче, в адаптации, которая должна наладиться со временем. И, в некотором роде, «машине времени» нужно было подпитаться самим временем, его протяженностью, устойчивостью в условно-определенной точке континуума.

— Я тоже, — пришел ответ. — Не то чтобы все вернулись домой, но всё же что-то.

Изображение мигнуло и выправилось. Фризиан повел взглядом вокруг и слегка облегченно вздохнул. Значит, и у него все наладилось.

— Попробую сделать что-нибудь еще, — сказал я. — До встречи.

Он кивнул:

— До встречи.

Насколько мне было известно, на «Янусе» сейчас оставалось лишь два человека из нашего прежнего состава — Фризиан и Антея. Олаф недолгое время возглавлял станцию, затем начались какие-то бюрократические и дипломатические сложности, в результате он принял решение уйти. По его словам, он не слишком об этом сожалел. Когда мы говорили с ним в последний раз, он разве что выразил соболезнование о том, что мне все бросить куда сложнее. А что касается «Януса» — это все равно уже не тот «Янус», который он когда-то не пожелал бы оставить. «Все течет, все изменяется».

У Гамлета тоже нашлись препятствующие основания в виде высокопоставленных дальних родственников, которые могли бы, гипотетически, нежелательным образом его контролировать. Не то чтобы их совсем не было у Фризиана или Антеи, но во всем играли роль частные мелочи вроде тех, сопутствовали ли этим дальним родственникам какие-то направленные против них интриги. Все это было предсказуемо и, как сказал Гамлет: «Должно было случиться рано или поздно. Гнусная политика не могла сюда не пробраться. А как только пробралась, стало противно. Это все только в пятом веке весело… Да и то, пока мы там не живем».

«А мы не могли не пробраться в гнусную политику» — полубессознательно пробормотал я себе под нос, «перелистнув» как страницы в каталоге модели различных частей станции и остановившись при появлении передо мной «призрачной» раскрытой капсулы. Я немного посозерцал ее, колеблясь. Сотканная из световых линий, она не удержала бы меня в своих границах. Разумеется, чисто теоретически, она могла бы «обрасти плотью», если предоставить ей достаточно подходящего материала для самосборки или хотя бы его заменителя для исключительно внешнего подобия. Но, во-первых, для этого

желателен подходящий материал, а к нему материал для всего, что прилагается к целой системе, — частично модель уже перестраивала под себя то, что можно было здесь перестроить. Во-вторых, прогнозы двадцать первого — двадцать второго века о техническом развитии человечества были не то чтобы слишком оптимистичны, но осуществление никогда не бывает таким полным, как идея. Даже здесь нельзя еще было сделать что угодно, будто по волшебству. В одних областях совершались прорывы, в других откаты, ветви человечества расселялись по космосу, с каждыми из них что-то происходило, и с теми, что отправлялись к звездам, и с теми, что оставались на Земле. Какие-то части информации постоянно терялись, потом восстанавливались, но лишь до той степени, до какой бывало нужно практически и сиюминутно. Между удачными находками и общим средним уровнем образовывались едва ли не зияющие пропасти. В частности поэтому мы не совсем хорошо представляли себе изначально что такое «Янус» и границы его возможностей. Отсюда же возникали легенды, что сам он взялся из другого времени. Хотя это было совершенно необязательно. И все же интересно, почему, если он на самом деле способен производить успешную телепортацию, она возможна лишь между «вероятностями» — различными временами и измерениями — временными потоками. В реальном обычном «одном и том же» мире это было слишком трудно, до невозможности. А в вероятностях происходило легко, хотя те миры отличались не меньшей реальностью и самостоятельностью, не считая той доли абсурда, что там мы были возможны в своих путешествиях. Разве это не было еще большим нарушением законов физики с обыденной точки зрения? По всей видимости — нет. Макрообъекты в макрореальности вполне способны почти на то же, на что в обычном мире способны только элементарные частицы. В этом был свой род естественной защиты реальности.

Но все же и эта модель должна быть кое на что способна. Например, соединиться с токами моего мозга, создать в чем-то столь же призрачное и столь же реальное, как она, подобие и, может быть, суметь куда-нибудь его отправить? А после вернуть и наложить на оригинал, установив в нем новые связи?.. Может быть, и нет, может быть, чего-то не хватит — для того, чтобы отправить, или для того, чтобы вернуть, или для того, чтобы не повредить при этом как следует мой мозг…

Что ж, если прокрастинация — это нахождение массы поводов, мелочей, отговорок, чтобы не приступать к чему-то по-настоящему важному, даже неизбежному, то, по сути, все мы прокрастинируем смерть.

Я перенастроил схему, подтянув призрачную капсулу поближе к вполне материальному креслу, «зацепив» ее пальцем за светящуюся линию, зафиксировал в таком положении и уселся в получившуюся композицию. По крайней мере, большая часть меня и моя голова в данный момент находились внутри. Но на чем же попробовать? Какие задать координаты? Это ни в коем случае не должно быть что-то важное. А насколько может быть отдаленным? Есть ли тут какая-то буферная зона? При масштабных перемещениях самого «Януса» она временно исчезала, затем восстанавливалась, когда он «пускал корни» в определенном месте и времени.

Если уж пробовать, то что-то совсем не отдаленное. И нет, не думать ни о чем важном… Только не сейчас. Сейчас важнее всего сама попытка.

«А если не сейчас, то никогда?..»

Вредная, коварная мысль. Поспешность никогда не приводит ни к чему хорошему.

Как и бесконечные оттягивания.

Хорошо: не важное, не отдаленное, но выбивающее идиотские мысли из головы! Идея зацепилась коготками и не отцеплялась. Самоубийственный и не менее идиотский вариант!

Но себе назло я уже набирал координаты. Это был компромисс между идиотизмом и чем-то нейтральным и бессмысленным. В конце концов, о чем я волнуюсь, если больше всего волнуюсь на самом деле о том, что просто ничего не получится? Пуск с задержкой на три минуты. Я задержал дыхание, чувствуя себя довольно нелепо. Так накрутиться — наверняка все должно кончиться пшиком. Энергия нестабильна, совместимость крайне сомнительна…

Я моргнул, открыл глаза и посмотрел на приборную панель каплевидного катера. Изображение было расфокусировано. Самое время… Но в целом — удача!

Я моргнул еще несколько раз — лучше не стало. В голове все плыло. Должно быть, не слишком тонкая настройка и накладка. Теперь лучше сразу возвращаться. Проверено.

«Мнимое время не имеет конца и начала, назад, на пятьшестнадцать-тридцать шесть!»

Формула перехода — любая закодированная фраза, которую надо или произнести вслух, или сосредоточиться на ней как на мантре, слегка себя загипнотизировав. Это сигнал приемнику в тех координатах, откуда началось путешествие.

Ничего не произошло, хотя я произнес формулу вслух.

Я повторил. Попробовал сосредоточиться всеми силами. Нулевой эффект. На лбу выступила холодная испарина. То ли в

самом деле не выходило сосредоточиться — сознание было таким же расфокусированным, как зрение, видимо, наложение сознаний вышло с помарками, то ли приемник был негоден. Правда я, как в обычно в таких случаях, вполне достоверно ощущал себя одним человеком, только в состоянии морской болезни… да и в конце концов я впервые вторгался в версию самого себя очень недавнего времени. И даже полностью сознавал, откуда я взялся — значительно меньше помня, как естественным образом дожил до этой минуты в данном измерении, но если я вовремя не уберусь, жить тому, другому, мне, в физической оболочке которого я сейчас находился, используя ее как подопытную мышь, осталось совсем недолго. Вот сейчас на сканерах возникнут биоторпеды и… о какой маневренности в таком состоянии может идти речь?!

Конечно, для возвращения всегда есть и аварийный выход — через смерть носителя. Может быть, это вернет меня обратно. Но самоубийства, а вернее, убийства этой моей версии здесь не отменит. А если не вернет — теоретически, в том измерении, где я все еще нахожусь в королевском дворце, я даже не пойму, что произошло, и получилось ли хоть что-то. Скорее всего, решу, что просто ничего не вышло, и буду продолжать спать спокойно — по крайней мере, на этот счет, даже не узнав, что слепок моего сознания все же куда-то отправился и привел к катастрофе.

Но секунды и минуты шли, а на сканерах ничего не появлялось. Я с усилием сфокусировался на горящих на табло цифрах. В это время атака уже началась. Но кругом было тихо. Я перевел дух. Прошла уже точно целая минута с тех пор, как это должно было произойти. Две минуты, три… через пять я пришел к выводу, что ничего и не случится. Несмотря на выбранный крохотный отрезок смещения во времени, я оказался в очень далеком измерении. Хотя каким-то чудом в тех же самых пространственных координатах — в катере с прозрачными изнутри бортами в толще вод океана. В то же время, в том же месте, но «событие» было другое. Никакой видимой внешней опасности.

Сознание понемногу прояснялось, шок от накладки психоматрицы проходил, я вспоминал все больше о том, что привело меня сюда. Какой-то неясный импульс, толчок, простое желание побыть в одиночестве в подводном мире. Совершенно никакой разумной причины. Если не считать разумной причиной то, что это понадобилось мне в другом измерении. В очень-очень, невероятно далеком измерении, потому что!..

Воспоминание потрясло меня дважды, дважды осознанное каждой частью меня, обладающей своей историей.

Потому что здесь все они — моя семья — были живы. Мы

пришли к этой точке в пространстве и времени абсолютно разными путями.

2/4. Визитеры

Когда-то, не так уж давно, и все же пару жизней назад, в конце пятого века в Британии мы задумывались, насколько действия «Януса» руководятся не просто информацией и возможностью найти наиболее приближенные ей соответствия в соседних временных потоках, а нашими представлениями, заблуждениями и желаниями, которые он черпает прямиком из нашего мозга. У нас были к тому все поводы. Мы оказались в довольно странноватом для настоящего пятом веке. Да еще и почти управляемом мысленно. Разумеется, где-то были просто совпадения, где-то что-то происходило именно с нашими головами, а не с реальностью, но не все объяснялось так просто. Вернее, объяснение было простым в любом случае. Но диковатым. И настораживало насчет любой другой реальности. Ведь и в той, из какой взялись мы сами, происходили вмешательства извне, из других временных потоков. Мы могли воздействовать на чужие реальности (по каким-то неведомым им законам) а кто-то мог воздействовать на нашу. Правда, не на все реальности можно воздействовать мысленно… возможно. Или не всем. Видимо, это может происходить в совсем уж исключительных случаях, и когда к этому ведут особые условия задачи.

Что же происходило здесь? Призрак станции времени перенес меня очень недалеко в прошлое и, возможно, среди всей информации, которой располагал, воспользовался и моим самым большим желанием, посчитав его не менее важным пунктом в перечне, чем все, что я знал.

Хотя не исключено, что я гиперболизирую важность собственных желаний по понятным причинам, и это все-таки случайность. Всего лишь самый подходящий соседний поток для выбранных координат. А если бы мне удалось вернуться до того, как я вспомнил получше свою здешнюю историю, я бы ничего и не заподозрил.

Но мне не удалось. И я понятия не имел, удастся ли вообще. В глазах, по крайней мере, уже не двоилось, и голова не кружилась. Можно попробовать еще раз. Оставаться здесь было бы бессмысленно — вмешиваться в чужую, пусть и почти свою же, историю, и ничего не сделать в той, откуда я пришел, где это было важнее — для меня же самого. Разве только я застряну здесь в силу несчастного случая.

«Мнимое время не имеет конца и начала, назад, на пять-шестнадцать-тридцать шесть!»

Хлоп!..

Вернулись и головокружение, и тошнота, и расфокусировка зрения. Но его все-таки хватало, чтобы увидеть призрачные светящиеся линии в недрах королевского кабинета, а не ночных вод. Я вернулся домой. В свое мрачное невеселое королевство.

И все-таки хорошо, что где-то было иначе!

Мы всегда знали, что время, как эволюция, движется всеми возможными путями. Знали, что, что бы ни случилось, где-то все было иначе, только это не имеет для нас значения. Но впервые я мог ощутить эту разницу так по-настоящему. И даже унес с собой часть воспоминаний о них, переживших тот самый день. Это было поразительно. Не так призрачно, как… как не был призраком этот призрак «Януса».

Какое-то время я просто сидел в кресле и вспоминал, несмотря на чудовищную головную боль, которая была как естественным следствием не слишком ювелирного переноса, так и нового морального напряжения. Вспоминал не произошедшие здесь встречи. Совместные радости, дрязги и ссоры. Интересно, вспоминает ли сейчас другой я то, что могло бы случиться и в его мире, но не случилось? Чувствует ли себя осчастливленным этим знанием? Или призрачная тень исчезла бесследно — я не мог бы сказать, насколько успешно прошло соединение, после того как помнил все случившиеся «помарки». Ни в чем не нельзя быть уверенным.

На сегодня точно достаточно. Я временно отключил все, поддерживающие модель станции, системы, как ни жаль было это делать, и наконец вспомнил, что в ночное время нормальные люди обычно спят. Наверное, об этом можно было и не вспоминать. Как после такого уснешь? Разве что с волшебными белыми круглыми пилюльками из флакончика Вирема. Без них вообще редко обходилось. Но теперь и повод был волнующим не в самом скверном смысле. Это было возвращение целого мира. Самой возможности снова оказаться не здесь и не сейчас.

Правда, кое-что и беспокоило. Можно ли в самом деле что-то изменить, если даже при небольшом смещении можешь оказаться так далеко? Не то чтобы я всерьез на это надеялся, но… всегда втайне хочется нарушить законы, особенно если это законы мироздания.

Я расположился в смежной с кабинетом комнатке. Времени на сон оставалось немного, но хоть пару часов урвать стоило, так как любой другой следующий раз был жестоко сомнителен. Хорошо еще, что сутки на Леде длиннее земных почти на два часа. Вернее, сами часы тут длиннее, и для удобства их по-прежнему двадцать четыре. Может, попробовать как-нибудь перенестись физически из конца ночи в начало, чтобы выспаться?

Все же несколько сомнительный метод… И обычно отправление куда-то всегда предусматривало возвращение. Уж лучше не палить из пушки по воробьям и перенестись куда-нибудь на пару-другую столетий назад в порядке поездки на курорт… откуда само возвращение может стать сомнительным. Как всегда — черт его знает, где окажешься, и как далеко это окажется от сознательно представляемой и предполагаемой картины. Как ни нездоров настоящий образ жизни, все же он куда здоровее того, что я могу придумать и осуществить с помощью машины времени, которая не совсем машина времени, а еще и адский исполнитель желаний. Сам процесс отправлений и возвращений не так уж прост и безобиден. И, скорее всего, сомнителен в случае чего-то посущественнее, чем электромагнитная копия сознания. С ней «призрак станции» еще мог справиться, как с чем-то с ним однородным.

Так что единственный пока выход — в том числе чтобы поберечься от подобных небезобидных идей — белые пилюльки. Пусть и их помощь штука разрушительная.

Но действенная.

Голова у меня раскалывалась после эксперимента. Несмотря на болезненную взбудораженность, я устал настолько, что пилюлькам понадобилось совсем немного времени, чтобы меня усыпить, должно быть, свою роль сыграло и ощущение, что я до сих пор нахожусь где-то между тысячей миров, и сон — только один из них, переход в него был естественен.

Я не помнил, что заснул, мне снились мои новые воспоминания, чужие и драгоценные, похожие на фантазии. Затем, без всякого перехода, я вдруг открыл глаза и обнаружил, что в комнате кто-то есть. На фоне бледнеющего окна, которого на самом деле здесь не было, но была его декоративная проекция, вырисовывался темный силуэт худощавого человека, довольно хрупкого. Старика, судя по особой неловкой едва уловимой сгорбленности. Волосы, легкие как паутинки, окутывали его голову прозрачным облачком.

Я подскочил на своей дежурной кушетке, стряхнув легкий клетчатый плед, и резко сев.

— Ты! — воскликнул я. Не то чтобы его появление вызвало у меня сильное чувство тревоги. Этот абрис был мне чем-то очень знаком. «Даже дважды знаком», — решил я. Какой же из вариантов я видел теперь?

Он неуловимо качнул головой в темноте. Это выглядело лишь как тень отрицания.

— Ты, — прошелестел произнесенный шепотом или эхом ответ.

Я мысленно нетерпеливо отмахнулся — вероятно, он имел в виду, что появился в ответ на какое-то мое действие, или еще что-нибудь, но все же это он прибыл сюда, а не наоборот.

— Оливье? Когда-то мы звали тебя так? — Если, конечно, он из подходящего измерения, и если для него эта наша встреча позже предыдущей, а не раньше. Но был и другой вариант, и я не мог его не высказать: — Мерлин?

С Оливье мы встретились в шестнадцатом столетии. Он прожил бок о бок с теми людьми, что приняли на время наше сознание, многие годы, а затем удалился, сообщив, что отправляется в свое время, оставив этакий реверанс на прощанье — признание, что был наблюдателем из будущего, которое было весьма далеким от нашей версии развития событий.

А Мерлин, собственно говоря, не был никаким Мерлином — хотя мог сам и не подозревать об этом. То, что мы видели в пятом веке в Британии, мы в конечном счете сочли за особый сбой в работе станции, создавший нечто вроде время от времени материализующегося техногенного призрака. И раз уж только что в соседней комнате я имел дело как раз с честным техногенным призраком, не закономерен ли подобный отзвук? Это было бы даже правдоподобнее появления здесь Оливье. И кроме того… ах да, я же сплю, хотя обстановка, которую я вижу, соответствует реальности, или я сейчас только так думаю. В подобном сне не было бы ничего удивительного. Все ясно, во сне он может говорить все что угодно, или так и не ответить вовсе. Сны, похожие на реальность, часто напоминают переливание из пустого в порожнее.

— Отчасти, — он вздохнул, подошел поближе, кажущийся вполне реальным человеком, и присел на краешек кушетки. — И помимо всего этого, ты — это я.

— Как и все сны, — кивнул я, вполне удовлетворенный. Мне показалось, он тихо усмехнулся.

— Конечно, все мы и всегда спим. Все наше существование только дрейф снов во снах. Инерция сознания, атавистическое стремление к единственной защищенной реальности подсказывает тебе, что проще считать меня сном, а не кем-то, кто так же как ты легко вторгается в чужие… реальности или сны — как угодно.

— Да, кто бы говорил…

— И правда — кто бы?

— Но если всерьез, если не считать всех людей какой-то версией себя, то ты не я, — заметил я. — Ты на меня даже не похож.

— Заберись поглубже в другие временные потоки, вот хотя бы

как сегодня… — пожал плечами «Оливье» — мне все-таки было проще считать его человеком, а не призраком, — и увидишь, много ли останется сходства. Тем не менее, когда ты однажды возвращался на «Горгулью» и нашел бомбу совсем не там, где она должна была быть, это все еще был ты, и это все еще был тот самый корабль.

— Или не я и не тот же.

— Можно рассудить и так, — беззаботно признал он. — На самом деле, ты понимаешь, о чем я говорю, и знаешь, что я прав ровно настолько, насколько это имеет значение. Наших историй много. В том числе и та, которую ты помнишь мельком, — он неопределенно повел рукой, — о металлических стенах вокруг маленького узкого пространства, похожего на закрытый гроб.

— Ты хочешь сказать, это мое будущее? — спросил я после паузы, замкнутой и гладкой, как металлическая капсула. — И ты уже был там?

— Может и нет, почем мне знать? Это только одна из наших историй.

Я кивнул.

— А еще — это просто случилось, — заключил я, чувствуя, что меня это больше не беспокоит и не вызывает протеста. — Я все-таки сошел с ума. Это должно было случиться, я знал, чем рисковал, но меня это не останавливало, я должен был доиграться. Впрочем, знаешь ли, я даже не против — мир не стоит того, чтобы оставаться в нем в здравом рассудке. Не имеет значения, сон ты или нет — даже если нет, это уже в порядке вещей.

— Несомненно, — усмехнулся «Оливье». — Я ведь тоже сумасшедший. И не могу то и дело не заглядывать к тому, с чего все началось… Одно старое лицо, одно молодое. Что-нибудь напоминает?

— Слишком просто даже для сна. Видимо, я уже на пороге пробужденья.

— Если оно существует, — рассмеялся он. — На деле, конечно, их тысячи. Тысячи историй, а не только одна или только две. Но все вместе они становятся одной, а у одной вещи появляется одно и то же имя, во многих ее версиях. То, что вблизи кажется крайне беспорядочным и случайным, в перспективе, с расстояния, в масштабе, выглядит монолитом, как скала, по большей части состоящая из пустоты.

В какой момент Оливье исчез, я так и не заметил. Во сне не задаешься такими вопросами. К тому же сны — лишь отражение наших будней. Мы всегда на самом деле знаем, откуда берутся наши фантазии. Это было еще самое спокойное, что могло мне

присниться в ту ночь, или что я предпочел запомнить из всего, что приснилось. Тем более что будни не заставили себя ждать, чем бы я ни занимался ночь напролет дергая за плавники несчастных акул или пытаясь разрушить континуум, и в целом, и всего лишь свой собственный. Наступало утро, которому совершенно не было до этого дела, и которое, как и любое другое, требовало внимания к себе, не спрашивая, крепко ли мы спим ночами, и есть ли нам хоть что-то, если положить руку на сердце, до дневных забот.

* * *

— Ваш терро! — весело возвестил появившийся поутру Вирем. — Конечно, вам лучше знать, стоит ли совершать по ночам бурные морские прогулки, но…

Терро — это кофе, который растет на Леде. С тех давних пор, как он был завезен с Земли, он успел здорово мутировать, приобрести «врожденный» привкус корицы, жженого сахара и сырой земли после дождя, но главное, что в нем содержался кофеин, и в куда больших количествах, чем в зернах его земных предков. Земные сорта тоже со временем в основном становились крепче, не считая специальных сортов почти совсем без кофеина. Экономика заключалась в том, что заваривалось это крепкое сырье, как правило, в значительно меньших количествах, чем считалось бы нормальным в старые мифически добрые времена. В честь чего кофе Леды приобрел название «терро», имелись расхождения — то ли от ностальгического древнего названия Земли, то ли от слова «террор» — а избыток кофеина и не до такого доведет, то ли от остатка слова «кафетерий», если отнять от него собственно «кафе».

С трудом продрав глаза, я разглядел, что гвардеец пристально меня рассматривает.

— А потом-то что было? Читали до утра? — недоверчиво продолжил он. — Выглядите так, будто вас только сейчас накрыло морской болезнью.

— А… ты совершенно прав. Не спалось…

Вирем осуждающе покачал головой.

— А снотворное? Пришло в голову принять только за час до того, как пора вставать? И почему здесь, а не в нормальной спальне?

— Чтобы поутру не пришлось далеко ходить. Кстати, Вирем, давай как-то более по-дружески. Мне не нравится говорить тебе «ты» в одностороннем порядке, так что если ты откажешься, я

лучше перейду на твой стиль, нет проблем…

— Мм… сэр?

— Коммандер?.. — в чинах у нас случилась передвижка, как по печальным техническим причинам, так и потому, что лучших кандидатур на повышение на освободившееся место я не видел. Официально капитаном королевских бомбардировщиков теперь числился я. А более высокие должности в данной конкретной традиционно-«сувенирной», по крайней мере в моем случае, гвардейской части не были предусмотрены. Обязанности Дона, разумеется, я бы сувенирными не назвал.

— Но…

— Начнем с неофициальных моментов. Не собираюсь смущать при всем параде, но уж когда ты приносишь мне терро и рассуждаешь о снотворном или накрывшей меня морской болезни…

Вирем подавил рвущийся наружу смех.

— Хорошо, сэр… — он наконец поставил маленький поднос с терро мне на колени, уверившись, что я не опрокину его на себя немедленно. — Могу я некоторое время подумать?

— Подумайте, прошу вас, — ответил я не менее церемонно и отхлебнул горячий терро. В голове будто с хлюпаньем просела трясина, разум немного прочистился. — О боже… — пробормотал я, получив одновременно с этим прояснением ощутимый удар невидимым молотком по макушке.

— Сегодня есть несколько неприятных дел, — напомнил Вирем. — Уж не хотели ли вы их избежать столь своеобразным манером — покончив с собой в «нейтральных водах»?

Я тихо хрюкнул, чуть не поперхнувшись терро.

— Нет. Не думаю, что это бы сильно помогло. Вирем, — обратился я, чуть помедлив, — а когда у нас завтра будет перерыв в делах?..

— Завтра? — слегка опешил Вирем.

— Да, завтра. Так чтобы мы могли собраться поговорить с экипажем «Горгульи». Как бывало. Посоветоваться по некоторым… общим проблемам?

— А-а, — понимающе проговорил Вирем. — Конечно, ведь сегодня речь опять должна пойти о них на переговорах с Солнечной Лигой. Она все еще требует выдать их. — Вирем выдержал красноречивую паузу. — Но только завтра? Значит ли это, что вам нужно время собраться с духом, чтобы сообщить им дурные новости?

— Не мелите чепухи, Дон!

— Конечно, сэр.

— Так-то мы переходим на доверительные отношения, —

усмехнулся я. — Я пока только не уверен, есть ли у меня новости — которые могут быть интересны. В этом нет ничего угрожающего.

— Совсем? — с невинным взором переспросил Дон.

— Абсолютно. — Как в мирном атомном реакторе.

* * *

Переговоры удались на славу.

Около полудня ко мне заглянул полковник Страйкер и передал кое-какие сведения о том, с кем из инженеров дворца я могу переговорить сегодня непосредственно, с кем по удаленной связи, если меня это устроит, а с кем, увы, не смогу встретиться никогда, потому что они уже скончались. Несмотря на последний факт, я затребовал их список и личные досье. В конце концов, у меня была пусть пока не слишком хорошо и безотказно функционирующая машина времени, так что, несмотря на факт чьей-то смерти, я мог при очень большой необходимости все же повстречаться с ним. Хотя придумать благовидный предлог было бы непросто, но есть же еще один способ: можно никого ни о чем не спрашивать — просто оказаться в его голове.

А потом полковник сообщил, что представитель Солнечной Лиги ожидает личной приватной аудиенции, о которой давно уже запрашивали, и на что наконец-то получили согласие, чтобы разъяснить некоторые детали непосредственно.

— Хорошо, впустите его в гостевую приемную.

Гостевая приемная — очень необходимая штука. Не каждого же стоит впускать в такое важное место, как рабочий кабинет. Что угодно может случиться, никогда не знаешь, какой именно секрет из кажущейся ничем не примечательной обстановки, утечет сквозь пальцы совершенно незамеченно. Даже если он никому особенно не нужен и не сделает никакой погоды — таковы правила игры. Это только нам то и дело кажется, что ничто частное на свете и в историческом процессе не имеет особенного значения, а «за всеми вещами мира стоит пустота» — что-то вроде профессионального заболевания.

— Прошу прощенья, ваше высочество, это не он, а она.

Я приподнял бровь, мгновенно заподозрив неладное. Что было несложно, раз у меня имелась всего одна яркая негативная ассоциация с Солнечной Лигой и всей текущей ситуацией, которую мы собирались обсуждать.

— Полковник Крейг? Я вроде бы видел его досье, хромосомный набор и личные убеждения ничего не говорят о

том… — я многозначительно замолчал.

— Простите, полковник Крейг внезапно заболел. Непредвиденный приступ аллергии на местную пыльцу, с тяжелым побочным эффектом. Полковник в коме.

— Ого!.. — Да это похоже не просто на прагматичную рокировку, а на желание впечатлить и передать тем самым особое послание. Кто еще так поступает, кроме старых недобрых знакомых?

— Ему оказывают всю возможную помощь. Его непосредственная начальница вызвалась вместо него.

Меня разобрало желание расхохотаться. А заодно, что-нибудь взорвать.

Это же настоящий театральный сценарий. Впрочем, я допускал, что полковник в самом деле может быть в коме, пусть даже из-за аллергии, если его попросту подобрали для миссии ввиду специфической непереносимости вышеупомянутой пыльцы.

— Кто же она?

— Генерал-лейтенант Лидина. — Разумеется, если уж впечатлять, то и имени лучше не менять, а заодно с интересом последить, как долго я не буду ее пускать, или не пущу вообще.

— Кажется, я о ней не слышал. Но ее ведь мы не проверяли на благонадежность?

— Проверяли, — с чувством удовлетворения опытного бойца, которому есть чем поделиться с неофитом, ответил Страйкер. — Она не раз бывала здесь в составе делегаций.

— И все проходило гладко и без эксцессов?

— Разумеется. — На лбу Страйкера собрались изумленные морщинки.

— Начнем с первого из них. Насколько я помню, я утверждал список делегации. Почему я не помню, чтобы там было это имя?

— Оказалось, нам выслали неутвержденную копию по ошибке, произошли кое-какие перестановки, но нам прислали раннюю версию.

«Как удобно».

— И вам это нисколько не кажется подозрительным?

— Разумеется, вы можете ее не принять, сославшись на эту вопиющую небрежность… — Голос полковника стал задумчивым: один из членов делегации в коме, другого не принимают из-за бюрократической ошибки — формально все правильно, но как это может выглядеть со стороны, в общественном мнении… а какие из этого могут последовать дипломатические выводы?..

— Знаете что, — проговорил я, старательно изобразив озабоченность, — я хочу лично посетить полковника Крейга, чтобы удостовериться, что он будет в порядке. Можете пригласить

эту… его начальницу на совместное посещение госпиталя.

— Он не в госпитале. Он в непроницаемой капсуле на их корабле. Поэтому Лидина просит о встрече как можно скорее, чтобы они, не откладывая, могли отбыть домой.

— Как удобно, — сказал я на этот раз вслух.

— Ваше высочество?

— А его осматривал хоть кто-то из наших врачей?

— Не знаю, к чему вы клоните, но в этом не было необходимости…

— Я надеюсь, прямо под нашим крылом не происходит какое-нибудь преступление против личности, которое мы даже не можем предотвратить и никак не можем проконтролировать. Разумеется, их судно — их территория. Но вам не кажется, что у них на корабле произошло нечто вроде локального переворота?

Страйкер посмотрел на меня с упреком и пониманием. Втайне не без одобрения. Как может военный не одобрять здоровую паранойю?

— Я мог бы поручиться за эту даму, — промолвил он совершенно беспечно. — Мы общались прежде. И это точно она, я проверил ее личность. — Страйкер снова лучился довольством, будто ему лично удалось исправить бюрократическую ошибку, о которой меня никто не подумал предупредить сразу же, как только она была обнаружена. Впрочем, наверняка она была обнаружена в последний момент. Об этом бы позаботились.

Я ответил Страйкеру улыбкой. Интересно, насколько хорошо они были знакомы с этой дамой. Настолько ли хорошо, чтобы иногда в приятной беседе обмениваться информацией без всякой задней мысли со стороны Страйкера, который в ином случае не был бы так доволен и беспечен?

— Я вижу, она вам нравится, Страйкер?

— Настолько, насколько может нравиться высокопоставленный офицер другого государства, — чопорно подтвердил Страйкер.

— Отлично, полагаюсь на вашу рекомендацию. Ведь я с ней совершенно не знаком. Надеюсь, мне она понравится тоже. Но вот еще!.. — я напустил на себя шутливо-строгий вид.

— Да, ваше высочество!

— Я же не должен вам напоминать о том, что не следует говорить с высокопоставленным офицером другого государства ни о чем кроме погоды или внезапно подорванного здоровья его подчиненных?

— Ни в коем случае! — На изжелта-бледных пергаментных щеках смущенного Страйкера выступили насыщенно-пунцовые пятна.

Я был совершенно уверен, что кое-какую полезную информацию она некогда от него уже получила. Может быть, он даже сегодня уже обмолвился о моей забавной просьбе найти всех инженеров, имевших отношение к дворцовому комплексу. Сочтет ли она это за нечто более интересное, чем он сам? Впрочем, он мог и не говорить об этом, ведь здоровье полковника Крейга — тема слишком волнующая, чтобы вспоминать о посторонних сущих пустяках. А если я спрошу его об этом впрямую, вот тогда и он заинтересуется, и может по чистой случайности наломать дров. Собственно, как он выдал себя сейчас — мне, ничего об этом не подозревая.

— Что ж, пригласите ее в гостевую приемную через… — я глянул на часы, — десять минут. Распорядитесь, чтобы туда принесли свежий терро и десерты. А также бокалы и графин с легким вином. Только не цветочным — побережемся пыльцы.

Страйкер ухмыльнулся и в его обычно почти бесцветных глазах заплясали искорки:

— Желаете произвести впечатление на даму? Боюсь, я не предупредил — она значительно старше вас.

— Я догадался, раз уж она высокопоставленный офицер Республики, а не монархии вроде нашей, где чин может быть лишь эвфемизмом для происхождения. Тем не менее, вы правы — я желаю произвести впечатление. Раз у меня как раз нет ничего, кроме происхождения.

Страйкер подавил смешок, превратив его в сдержанную улыбку, спрятанную в корректном кивке-полупоклоне.

— Но все-таки не забудьте все полагающиеся сканеры, как бы замечательно вы к ней ни относились. — После прямого напоминания он не сможет пренебречь ими по дружбе.

Страйкер еще раз кивнул, уже без улыбки, и вышел за дверь.

Я проводил его взглядом, прислушиваясь к собственным ощущениям. Верил ли я всерьез, что Солнечная Лига может быть причастна к происшествию с моими родными? И в частности Лидина, как ее персонификация и уже известный враг. Кстати, я ведь могу проигнорировать приличия и избавиться от нее при встрече. Что бы ни последовало дальше, это можно будет замять, объяснить прискорбным недоразумением. Такие дела в наших кругах всегда можно замять. И она знает об этом. И сознательно провоцирует. Проверяет, как далеко она может зайти. Не дальше последней черты, разумеется, как и все мы.

Я поднял со стола коммуникатор.

— Вирем? Знаю, что сейчас не ваше дежурство в кои-то веки, но мне нужна ваша помощь. Разыщите экипаж «Горгульи», пусть все будут под защитой, не пускайте к ним никого, в том числе

или в особенности полковника Страйкера. Передайте Тарси Карелл, что здесь находится ее мать.

— Мм… в фигуральном смысле? — уточнил Вирем.

— Разумеется, но ей этого говорить не нужно — что фигурально. Она поймет и, надеюсь, будет осторожна.

А теперь пора было идти на встречу. Не заставлять же предположительно незнакомую мне даму ждать.

Одна из дверей в стенах, обычно хорошо заблокированная, вела по короткому коридорчику в гостевую приемную. Миновав дверь, разблокированную личным паролем, я тщательно запер ее за собой. Наглухо. Так, что и сам не мог бы вернуться этим путем в кабинет. Для последнего придется пройти длинным путем снаружи. Маленькая предосторожность. Не стоит недооценивать внезапную собеседницу. Она, конечно, повела себя очень смело. Значило ли это, что она блефует? Может быть, даже рассчитывала, что я не приму ее или устрою какой-нибудь неосторожный скандал, который она сможет обернуть себе на пользу.

Никаких скандалов и задержек.

Я вошел в еще пустую приемную. Оглядел серебристо-бархатные стены и кресла, расставленные уже на столике вазочки с десертами, бокалы и чашки с дымящимся терро, удовлетворенно кивнул и сел напротив второй — внешней двери. Буквально через пару минут она с шипением отъехала в стену, и Страйкер пригласил Лидину войти, что она и сделала. Я с легкой официальной улыбкой поднялся ей навстречу. Страйкер с поклоном отступил назад, и дверь между ним и гостьей закрылась.

— Приветствую вас на Леде, — сказал я ровно. — Позвольте выразить мои соболезнования насчет болезни полковника Крейга. Вы не желали бы предоставить его заботам наших медиков? Уверен, у них здесь больше возможностей предоставить пострадавшему все необходимое.

— Благодарю вас, ваше высочество. — Лидина остро взглянула мне в глаза, оценивая, как я ее воспринимаю, но держалась того же официально-вежливого тона, что и я. — Мы ни в коем случае не хотим обременять вас.

— Ну что вы, законы гостеприимства священны. — Я повел рукой, приглашая ее сесть в кресло и, взявшись за спинку, галантно подвинул его поудобнее для нее. — Немного вина? Терро?

Она села, бросив на меня еще один пронзительный взгляд. Пожалуй, со времени нашей последней встречи, она изменилась.

Выглядела более сухой, напряженной и уставшей. Постаревшей. И конечно, как бы она ни была отчаянна, она не имела того преимущества, что прежде и, возможно, поэтому выглядела какой-то маленькой и хрупкой. Как говорил отец? «Редкой женщине мне хочется свернуть шею. Медленно. Чтобы долго хрустели кости». Если она даст мне понять, что как-то замешана, или что-то знает о том, что произошло…

Я некоторым удивлением отметил подтекст своих мыслей — если это не так, то прошлое меня совершенно не интересует. Все мы политики, не все скелеты в шкафу имеют значение для будущего.

— Благодарю, — сухо ответила она. — Ничего не нужно.

Есть много видов ядов. Некоторые из них дают о себе знать лишь спустя очень долгое время, некоторые просто заставляют потерять осторожность.

Я не удержался от смешка.

— Даю слово, ничего не отравлено, можете этого не бояться.

— Я вовсе не боюсь, — произнесла она с укоризной, — но не в моих привычках предаваться излишествам. И я здесь вовсе не для развлечения. Я прибыла обсудить весьма серьезные вопросы.

— Прекрасно. — Я взял графин, налил вина в оба бокала и подвинул один к ней, не обращая внимания на ее слова. — Тогда перейдем к делу.

Взяв второй бокал, я рассеянно прихлебнул из него.

— Мы неоднократно просили вас вернуть некоторых наших граждан.

Я демонстративно приподнял бровь:

— Напомните мне, пожалуйста.

— Вы прекрасно их знаете.

— Неужели? Тогда вы прекрасно знаете наше отношение к этому вопросу. Оно вполне определенно. Если у вас нет каких-либо вновь открывшихся обстоятельств, разумеется. Мы уже слышали все ваши аргументы.

— Значит, вы сможете отказать и мне?

— Мадам? Я уважаю ваш пол, возраст и занимаемую должность, но должны же быть и более веские причины.

— Ну, скажем… — она будто невзначай приподняла руку со слегка согнутыми пальцами.

— Попробуйте груши, — предложил я дружелюбно. — Это отличный сорт.

Она замерла в задумчивости, не встретив агрессивной реакции.

— Вы помните меня? — спросила она с легким сомнением.

— Простите, кажется, мы не встречались?

Она нахмурилась, раздумывая — могло ли случиться так, что, например, ее дочь стерла мне память о том дне, чтобы более гарантированно сохранить рассудок?

А может в ее памяти промелькнула мысль о том, что вернувшись из другого времени, мы вернулись, быть может, из другого измерения, с другим собственным прошлым, и у меня действительно нет этих воспоминаний. Это было бы еще веселее.

Но вот она тряхнула головой, отметая всю эту метафизику.

— Вы лжете, — мрачно и непримиримо заявила она. — Вы лгали даже под наркозом.

— А вы весьма недипломатичны, — заметил я. — Чего вы хотите добиться вашей угрюмостью? Международного скандала?

Она вперила в меня стальной взгляд. Я понял, что она надеялась, что я все еще боюсь ее, на животном подсознательном уровне. Может, так оно и было. Но этот уровень пришлось бы долго выкапывать из-под наслоений воспоминаний других личностей. Иногда они мешают жить мне самому, а когда-то из-под тех же наслоений она не смогла раскопать то, что ей было нужно. Именно это она называла ложью.

— Интересно, что она вам сказала? Может быть, наплела, что остановила действие рефлексора ранее, чем через полчаса?

Я промолчал. Так оно и было. Но кто кому плел? Раньше, или прямо сейчас?

Она слегка улыбнулась и покачала головой.

— Я надежно выждала время. Я должна была убедиться, что могу воздействовать на вас в будущем, даже если больше не стану применять этот аппарат в действительности. После того, как проходит полчаса, связи в нервной системе остаются навечно. Собственно и частицы аппарата навсегда остаются внутри. Его не нужно применять больше, чтобы иметь возможность использовать в любой момент. Я всегда могу остановить ваше сердце. На секунды, или дольше. Нужен лишь зрительный или слуховой контакт.

— А вы сознаете, что рискуете гораздо больше, чем я?

— Слишком многое поставлено на карту, принц Эрвин, — усмехнулась она. — Но мы можем договориться. Сделайте, что я прошу, и я вас не трону. Обещаю. И не тронет позже кто-либо другой, если вам удастся хитростью от меня избавиться. Я знаю, страх, внушенный рефлексором, отпечатывается на всю жизнь. Избавьтесь от меня сейчас, и я обещаю вам, что однажды вас убьют именно с его помощью. Или, разумеется, вы можете покончить с собой, — прибавила она иронично.

— Вы очень храбрая женщина, — констатировал я рассеянно.

— Вы хотите, чтобы я доказала вам, что вы трус? Если и не

были, то стали, после того, что я с вами сделала.

«Последний раз я вижу тебя храбрым», — сказала она мне перед тем, как механизм начал свое действие.

— Хорошо, — кивнул я. — Докажите мне. Прямо сейчас.

Лидина заколебалась.

— Прошу вас, — улыбнулся я. — Я настаиваю. В конце концов, мне очень интересно, о чем вы там говорите.

Она все еще медлила, так что я заговорил снова:

— Но прежде, чем вы попытаетесь меня убить, ответьте на один вопрос — вы причастны к смерти моей семьи?

На ее пергаментных щеках появились два контрастных ярких пятна.

— Возможно, — проговорила она задумчиво, почти неуверенно, обдумывая, как бы ей получше использовать этот момент.

— После того, что вы уже сказали, неужели вы опасаетесь, что в этой комнате ведется запись?

— Вовсе нет, — улыбнулась она. — Но запись можно подрезать в нужных моментах. Разглашение того, о чем мы уже говорили, сыграет против вас, покажет, что вы зависимы и недееспособны. Не можете быть монархом.

— Я и не монарх, пока что.

— Принц-регент? Не смешите. Все дело в названии. Может быть, в чувстве вины? Потому что вы считаете виновным в их гибели себя. А может быть, так оно и есть?

Бокал в моей руке задрожал. Я только чудом поставил его на столик, не разбив.

— Так вы ведете запись? — осведомилась она. — Может быть, там останется ваше признание в содеянном. Ведь если они знали, что вы недееспособны, это было вам на руку — остаться одному…

— Они ведь не единственные, кто знал бы.

— Но единственные, кто мог использовать это знание без доказательств. Разве мне неверно сообщили, что намечалась официальная перемена наследника? А вы только что показали, что прекрасно все помните.

— Разве? Я услышал лишь, что у вас нет доказательств. Может, предъявите их хотя бы мне?

— Вы в самом деле этого хотите? — ее глаза загадочно поблескивали.

— Если, разумеется, вы вообще это можете.

— Ваше чувство вины настолько глубоко? Вы полагаете, это поможет вам забыться? Переложить вину на другого? Считать, что вы находились под посторонним влиянием? Ну извольте, — она торжествующе подняла руку. — Я держу ваше сердце, и мне

нужно лишь сомкнуть пальцы, чтобы это перестало быть пустым разговором.

Ее пальцы напряглись, сжимаясь, я смотрел на них, но представлял в них ее собственное сердце. В груди глухо кольнуло. Но это было все. И скорее всего, было лишь следствием «пустой беседы». Она сама совершила ошибку. Я был в такой ярости, что едва ли она сумела бы перебить волну гнева страхом, даже будь у нее шанс. А будь мы в другом времени, может, даже, мне удалось бы воздействовать на нее саму, как случилось когда-то с Пеллинором. Мне лишь представилось, что бешенство ударило из меня огненной волной. А он и впрямь это почувствовал. И лишился чувств.

Ее взгляд стал чуть недоуменным и озабоченным. Она сжала пальцы сильнее.

— Вы в самом деле пытались напугать меня этим? Думаете, я настолько внушаем?

Она деланно небрежно рассмеялась.

— Стоило попробовать.

— И оставить на записи доказательство вашей недееспособности, а не моей. Кстати, о чем вы, черт побери, вообще говорили? Что такое рефлексор?

Она посмотрела на меня с таким видом, будто собиралась вскочить, как ошпаренная кошка.

— Кто вы, черт побери? — ответила она вопросом на вопрос. — Двойник? Брат-близнец? Вас было двое? — «Да, и одного из нас звали Мордред», — мог бы ответить я не так уж давно.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите.

— Тогда, я надеюсь, вы передадите мои слова по адресу.

— Ответ от адресата здесь и сейчас. Боюсь, вы подверглись какой-то интоксикации, не только ваш официальный представитель. Настоятельно рекомендую вам обратиться к врачу.

Она окинула меня задумчивым взглядом с головы до ног.

— Я начинаю подозревать, что не помешало бы генетическое расследование.

Я холодно улыбнулся в ответ.

— О, не беспокойтесь. Тут все на высоте. И как вы понимаете, ваши требования снова не будут выполнены. Вы провалили миссию с треском, мадам.

Она опустила голову, прикусив губу.

— А вы ведь могли бы меня понять, — проговорила она совсем другим тоном, почти кротким. — Вы же знаете, что я лишь хочу вернуть своих детей. У вас тут… небезопасно.

— У нас?.. — уточнил я.

— Вы же не будете отрицать произошедшего несчастного случая. И по словам полковника Страйкера, вчера и вы подверглись нападению на прогулке.

— И это навело вас на мысль, что я сам причастен к подобным несчастным случаям?

— Я не знаю, что и думать. Я лишь беспокоюсь за своих детей. Я готова на все, лишь бы защитить их.

— Вы можете быть уверены в одном. Здесь они в куда большей безопасности, чем рядом с вами.

— Это угроза? — встрепенулась она.

— Не надейтесь, — ответил я довольно таки угрожающе.

— Но как вы можете гарантировать их безопасность, если не можете гарантировать своей?

— Этот мир — очень ненадежное место, мадам. Все относительно и можно полагаться лишь на статистические вероятности.

— Но если с ними что-нибудь случится…

— Я бы сказал, что вы за ними уже не уследили.

Она поджала губы, и в ее глазах, направленных куда-то мимо меня, полыхнула неукротимая злость.

— Этот «Янус»!.. Сперва вы забрали моего сына. Извратили, бог знает что сделали с его головой, что ему внушили! А потом и дочь. Как? Что вы с ними сделали?!

— Каждый сделал свой собственный выбор. Как вы, так и они.

— Так не бывает! — воскликнула она в сердцах. — Какой еще выбор? Есть только влияния, хорошие и дурные, правильные и неправильные!

— В чем-то вы правы. Рано или поздно дурные влияния отталкивают. Если не губят совсем.

— Но это МОИ дети! Не ваши. Они иной породы! Им не место среди вас. Можете лгать что угодно, но вы держите их в заложниках…

— То есть, вы хотите сказать, что если я вздумаю угрожать их жизни, я смогу оказать на вас влияние?

Молчание оказалось на редкость резким.

— Если с ними что-нибудь случится, — проговорила она искренне или искусно-поддельно надреснутым голосом, — вы знаете, как вы умрете. Если вы еще не знаете, о чем мы говорили, советую навести справки. Так же как в том случае, если что-нибудь случится со мной.

— Между «желать» и «мочь» лежит огромная пропасть. Иначе сколько бы наших желаний уже сбылись, и не нужно было бы вести никаких переговоров или пытаться кого-нибудь напугать, чтобы добиться от мироздания хоть какого-то благосклонного

отклика. В отличие от вас, я не считаю угрозы и убийства хорошим влиянием. Почему бы вам не пересмотреть собственную жизненную позицию? Нельзя же всегда жить в неврозе. Как вы понимаете, прием окончен. Не позволите ли вас проводить? Боюсь, вам это необходимо.

Заодно пригляжу за Страйкером. Меня настораживало его благодушие в разительном контрасте с тем, как была настроена, за закрытыми дверями, наша гостья. Чьей линией поведения я был все-таки заинтригован. Не могла же она ожидать, что чего-то добьется напрямик. Лиддел Гарт бы определенно не одобрил. Отвлекала внимание? От чего? Разумеется, она понимала, что находится в безопасности. Самоотверженно решила провести краш-тест на мою психическую устойчивость, чтобы убедиться, что не создала сама себе проблем в большой политике? Что ж, это мысль. Тогда она, пожалуй, должна быть на самом деле довольна тем, как все сложилась. А свое странное поведение объяснит затем какой-нибудь спонтанной аллергической реакцией.

Она поднялась, не возражая, полностью владея собой, будто ее и впрямь уже ничего не беспокоило, и напоследок огляделась по сторонам.

— Раньше здесь было светлее, — заметила она. Это верно, кругом было слишком много белого. Это было слишком неестественно. Утомляло даже тех, кто об этом не задумывался.

— И деревья когда-то были выше.

Грубоватый ответ, как и многие за сегодня. Но должен же и у меня быть какой-то предел терпения среди этого фарса. Это были последние слова, провокации закончились.

Когда мы вышли из приемной, Страйкер, встречавший нас за дверями, приподнял брови с видом приятного удивления. Может быть, подумал, что мы пришли к какой-то договоренности, или просто прониклись друг к другу симпатией, что его, похоже, только бы порадовало. Искренне. Значит, все-таки было у этой женщины какое-то другое лицо, только мне она его старательно не показывала. Я почти поверил в то, что ее и впрямь интересовала только моя реакция на прямую атаку, чтобы знать, чего можно ждать в дальнейшем.

На людях мы вели себя дипломатично. Я выразил намерение сопроводить ее непременно до ее судна, граница которого, к сожалению, являлась границей другой державы, и проникнуть туда с инспекцией не представлялось возможным. Но уж проследить лично, чтобы она не задержалась нигде по дороге и не перемолвилась с кем-либо лишним словом, я мог. Разумеется, перемолвиться с кем-то всегда можно и по удаленной связи, но это уже совсем другой разговор…

Никаких больше сложностей и эксцессов. Как будто теперь ей самой не терпелось поскорее убраться. Ни слова больше о ее детях не прозвучало, да никому, кроме нас и не следовало знать об этих родственных связях. Зато она выразила в присутствии посторонних сокрушение об Арли и его экипаже, которых она, не моргнув глазом, назвала национальным достоянием Республики, которой неимоверно горько его лишиться. Со стороны Денеба было не совсем по-дружески сманивать к себе лучшие умы и культурных героев. Я напомнил, что Лига — Республика предположительно демократическая, и не мне, представителю державы монархической, объяснять основы личной свободы ее граждан. Хотя, разумеется, и у нас государство просвещенное, и монарх никак не деспот, а лишь «гарант конституции». Она только притворно вздохнула — полностью отгородившаяся от всего, что произошло, будто все это была не она, и не с ней. Прощалась она с философской улыбкой. Разумеется, это тоже немного нервировало, догадками о том, что какой-то посторонней цели она, возможно, достигла, о чем мы еще не знаем. Нужно будет проверить немедленно после ее отлета, целы ли и здоровы все те, кого она желала бы вернуть. Но я вполне полагался на Вирема, да и на них самих. Главное, чтобы она убралась отсюда подальше. Она умела действовать на нервы даже тогда, когда ничего в действительности не делала.

И это наконец случилось — корабль оторвался от земли и плавно направился к своей стартовой позиции. Это было официальное отбытие, возвращение после которого без особого оповещения и новых запросов было неправомерно даже в случае аварии, хотя в последнем случае, конечно, все процедуры упрощались.

Теперь стоило уточнить то, что мне давно хотелось уточнить, и из-за чего я себя чувствовал будто на иголках.

— Вирем, у вас все в порядке? Никто не потерялся? Все целы?

— Да, разумеется, — голос Вирема звучал удивленно и настороженно — больше удивленно.

— Последите за порядком еще немного, хорошо? Я свяжусь с вами, как только смогу.

Появилась ведь еще одна проблема. И это только из известных — Страйкер. Как неудачно, что именно он помогал мне найти данные для другого дела. Мог ли он перемолвиться с ней о нем, ничего не подозревая, по дружбе, как он полагал? Может быть, задание показалось ему забавным и оттого достойным упоминания в ничего не значащей светской беседе. Конечно, оно и так не осталось бы надолго засекреченным, но сама свежесть впечатлений…

— Полковник, мне нужно с вами поговорить. Пусть кто-нибудь вас сменит. Мы можем пройти в ту же самую гостевую приемную, — они ведь созданы как раз для того, чтобы ничто в них сказанное не вышло наружу. Максимальная защита от всех прослушек.

— Конечно, сэр.

И я в который раз машинально задумался, откуда у нас столько общего с древней Британией? Древней не до степени конца пятого века, хотя тут как посмотреть… а этак на полторы тысячи лет попозже. Разумеется, лишь до определенной степени — кому-то когда-то, неоднократно на протяжении веков, хотелось вернуться к каким-нибудь давним традициям. На деле настоящей преемственности тут не было никакой. Только тяготение к определенным стилям, моде, легендам, ставшим исключительно символическими воспоминаниям о Земле, подсознательное стремление к которой становилось тем более жадным, чем невообразимее становились отделяющие от нее пространства и случающиеся надолго периоды глухой изоляции разрозненных колоний, прежде чем они развивались достаточно для того, чтобы между ними вновь восстанавливалась связь.

Страйкер удивился тому, что я пропустил его вперед, но не стал возражать. Его место дежурного за конторкой у дверей занял майор королевской космической пехоты Такер.

Здесь уже убрали. Не было ни вина, ни десертов, ни прочих отвлекающих внимание пустяков.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил я.

— После вас, сэр, — не выдержал на этот раз Страйкер.

— Как пожелаете. — Я уселся в кресло, и он последовал моему примеру. — Я задам вам для начала самый невинный вопрос, — я улыбнулся, делая вид, что все это только шутка: — Не говорили ли вы случайно этой милой даме, с которой мы только что расстались, так, по-дружески, о том, что подыскивали для меня список покойных инженеров?

Страйкер коротко рассмеялся, впрочем, похоже, вполне искренне.

— Нет, сэр. Мне это как-то в голову не приходило.

Между тем, конечно, он был напряжен и насторожен. Я с показной рассеянностью кивнул.

— А не расскажете ли вы мне о ней побольше?

— Что именно? — Он отчего-то занервничал.

— К примеру, как и когда вы с ней познакомились?..

Его губы раздраженно сжались, а брови поползли вверх.

— Думаете, меня потянуло посплетничать? — со стороны было мало похоже на что-либо другое. — В политике не бывает

пустых сплетен. Вы знаете, какие именно части она возглавляет?

— Вы имеете в виду департамент государственной безопасности?

— Именно его.

— Полагаю, вы хотите прочесть мне нотацию о том, как опасна неосторожность в общении с потенциальным противником? Не думаю, что меня можно сравнить с неразумным щенком, сэр, которому понадобились бы подобные нотации!

Резко, но естественно. Я тоже решил перейти в наступление.

— Да, возможно, в вашем случае выслушивать нотации уже поздно.

Страйкер дернулся, но сдержал еще более резкий ответ.

— Может быть, вы знаете что-то, что мне неизвестно? — сухо осведомился он.

Я подумал, прежде чем ответить.

— Да, пожалуй, что знаю.

Его плечи напряглись с непонятной готовностью к чему-то — может быть, просто со вниманием наклониться вперед, а может быть…

— Знаю, что она может воздействовать на кого-либо даже без его на то ведома, по крайней мере, он может ничего об этом не помнить… — прибавил я почти что по вдохновению, импульсивно, в ответ на это полудвижение, которое тут же превратилось в действие.

Страйкер, абсолютно не владея собой, резко поднялся и выхватил из кобуры бластер. Глаза полковника словно остекленели и побелели. Поскольку он был при исполнении, мы опустили обычные процедуры перед тем, как войти в эту комнату. Справедливости ради надо сказать, что и я был постоянно при личном оружии, меня данные протоколы безопасности не касались.

— Страйкер!!!

Проклятие, не так же явно! Он не мог прожить тут все эти годы, чтобы подобные стремления не стали явными по чистой случайности. Но, по-видимому, своим присутствием она его как-то активировала, наверняка намеренно. И его ли одного?.. Сколько бы жизней и где бы ты ни прожил, в такие моменты теряешь чувство реальности.

Я вскочил, раздумывая, в какую сторону уклониться — мне бы это, скорее всего, удалось, я лишь ждал, куда двинется дуло, но вместо того, чтобы выстрелить в меня, Страйкер, как механическая игрушка, вскинул бластер к виску.

«Нет! Стой!» — кажется, я даже не сказал этого вслух.

Будь я в прошлом, вопросов бы не было, я был бы в полной

уверенности, что успею его опередить — по генетическим причинам моя реакция была бы выше. Но сейчас, в своем времени, имея дело с профессиональным военным… Видимо, с реакцией было все в порядке, раз я успел обо всем этом подумать, прыгнув на него, пригнувшись, головой вперед, всем весом ударяя под дых и сбивая с ног.

«Зато я все-таки моложе!..» — вспомнил я, и эта мысль показалась мне странно свежей. На сколько же лет я себя обычно чувствовал?

Выстрел ушел вбок и был поглощен обшивкой стены.

Страйкер задергался, вырываясь.

— Какого черта?!.. — пропыхтел он возмущенно. Вполне трезвым голосом.

— Сперва бросьте бластер! Хорошо?.. — Я придавил старого вояку как мог, и обеими руками сжимал его вооруженную руку. Страйкер озадаченно скосил на нее взгляд.

— Как?..

— Бросьте, говорю!

Он бросил.

Я быстро кинулся за оружием, схватил его и, не выпуская из рук, поспешил к столику, чтобы нажать на кнопку и вызвать дежурного и… передумал.

Посмотрел на Страйкера. Он сел на полу с оскорбленным видом и смотрел на меня в ответ сердито и недоумевающе.

— Может, мне и не позволено говорить, ваше высочество, — он язвительно подчеркнул последние слова, — но ваше поведение неподобающе!

— Неподобающе? — переспросил я. — А вам не кажется странным, что у вас в руке был бластер, а в той стене ожог от разряда?

— Зачем вам понадобилось стрелять, я тоже не понимаю. Ваши выходки становятся все более странными.

— Мне?.. Это ваш бластер и держали его вы.

— Только прежде вы меня зачем-то ударили головой в живот, завладели моим оружием…

— Я только схватил вас за руку, а ваше оружие поднял, когда вы его бросили.

— При всем уважении!..

— Вы не помните, что случилось, верно? Не помните, как схватили бластер, навели его на меня, а затем вскинули к виску.

— Бросьте, я еще в своем уме!

— Нет. Вами управляют, вам в мозг впечатано задание…

Страйкер начал угрожающе поднялся.

Я хлопнул ладонью по кнопке. Дверь с шипением открылась,

и в нее с беспокойным любопытством заглянул дежурный.

Страйкер вздрогнул, оглядываясь.

— А теперь вы не помните, как поднялись, верно? — уточнил я и обернулся к дежурному.

— Включите здесь запись. Режим конфиденциальный. И пусть нам принесут терро.

— Простите, — сконфуженно проговорил майор. — Здесь никакая запись не работает.

— Даже с портативного записывающего устройства?.. — Я снова передумал. — Ну и отлично! Тогда только терро.

— Продолжим, полковник, — сказал я, когда дверь закрылась. — Итак, верно, вы не помните, как вы только что встали?

Побледневший Страйкер хмурился.

— Что происходит? Что вы сделали?

— Спустил ненароком ваш предохранитель. Нет, не на бластере. Постарайтесь успокоиться и поверить, что я вам не враг. Впрочем, вы и так в это верите, гораздо больше, чем думаете.

Страйкер открыл рот, поднял брови, потом снова насупился, поджал губы, и сел в кресло с довольно-таки сердитым видом.

— Иначе первый выстрел вы бы не направили себе в голову.

Вообще-то, это было сомнительное утверждение. Он мог быть запрограммирован замести следы, а первоначальное движение рассчитывалось лишь на то, чтобы удержать помеху на расстоянии. Самоубийство без попыток навредить кому-то еще, вызвало бы меньше подозрений. Но иная трактовка не повредит.

Страйкер только неодобрительно покачал головой.

— И раз уж вам и так удалось взять себя в руки… дальше будет проще. — Особенно если он доживет до того момента, когда сможет поговорить с Тарси.

— Я все еще не понимаю, что за чушь вы городите.

— Вы знаете, что я говорю серьезно. На самом деле — знаете. А я хочу, чтобы вы жили и не пытались наложить на себя руки, потому что верю вам. Просто подумайте о том, что было недавно. Вы не помните, как оружие очутилось у вас в руке. Иногда отсутствие записи вредит, вы могли бы убедиться во всем своими глазами.

Он только хмыкнул.

— Вы сами выбрали это место для разговора.

— Да. Как я понимаю, сопротивление гипнозу входит в программу обучения высших чинов?

Страйкер кивнул.

— Тогда как бы я мог на вас подействовать? Без каких-либо препаратов, без оборудования?

Он задумался.

— Тем не менее, у вас дважды произошли кратковременные провалы в памяти.

— Да, но на самом деле вы могли что-то применить, только я этого не помню.

— Отлично, смотрите на меня. Сосредоточьтесь. Я ничего не делаю и не двигаюсь с места. Контролируйте себя, несмотря на то, что вам не понравится то, что я скажу. Вы предупреждены об этом…

Дверь с шипением отъехала в сторону. Мы оба вздрогнули.

— Проклятие… — пробормотал я — как вовремя…

Страйкер издал невольный смешок.

В комнату вкатили тележку с нашим терро. Я поностальгировал о «Янусе», где заказ доставлялся прямо через столик. Впрочем, виноват был не сам дворец, а эта комната, в которую ничего не должно было попадать иначе как несколькими проверенными путями. Комната начинала меня раздражать. Тем не менее…

Я продолжил, когда мы опять остались одни:

— Думаю, вам лучше выпить чашечку терро прямо сейчас.

Страйкер удивленно поднял брови, но последовал совету. Как бы я его ни раздражал, он явно утомился и был не прочь восстановить силы любым образом. Заодно и я с наслаждением сделал то же самое. От недавно выпитого вина оставалось неприятное послевкусие — разумеется, ассоциативное. За пару минут мы управились с первой порцией.

— А теперь отодвиньте на всякий случай все от себя подальше, и слушайте. Есть большая вероятность, что опасность уже миновала, раз у вас ничего не вышло с первого раза. И есть вероятность того, что у вас и впрямь высокая сопротивляемость, и вы сами по своей воле откорректировали установку…

Страйкер окаменел в кресле, напряженно выпрямившись, взгляд стал отсутствующим. Я тоже слегка напрягся.

— Вы можете это контролировать, полковник, держите себя в руках, не забывайте ничего, оставайтесь здесь и сейчас. Вы можете.

Он и правда задышал ровнее.

— Вот. Все в порядке, ничего не происходит. Но вы запомнили это странное сопротивление? Уплывание куда-то?

Страйкер шумно перевел дух, поднял ладони с расставленными пальцами, посмотрел сперва на одну, потом на другую. Руки дрожали.

— Что это?..

Вы в порядке сейчас, верно?

— Верно… — он как-то нервно пришепетывал.

— Вот так и держитесь. Все будет хорошо. Еще терро?

— Да, пожалуй… Проясняет рассудок.

— Не стесняйтесь.

Он взял чашечку, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. На его лбу выступили капельки пота.

— Это чертовски странно.

— Так и есть, но это не ваша вина.

Он резко открыл глаза, сверкнувшие под насупленными бровями.

— И вы утверждаете?..

— Нет. Вы сами это знаете. Я только хочу, чтобы вы были осторожны, ни на мгновение не забывали, что происходит на самом деле. Вам надо поговорить с психологом.

— И кому из них я должен доверять?..

— У меня есть кое-кто на примете.

— А почему я должен доверять вам?

— Может, потому что и мне надо кому-то доверять? — спросил я, помолчав. — Постараемся, чтобы это не вышло наружу, впрочем… если вы захотите поделиться с кем-то из своих близких, я не собираюсь вас останавливать, вы знаете, кому из них можно довериться.

— Но то, что случилось…

— Я думаю, что знаю источник. Вы понимаете, о ком я говорю. А насколько он имеет отношение к вашим близким — вам решать. И я в самом деле надеюсь, что кризис миновал, дело было в неожиданности, это должно было застать вас врасплох, чтобы вы не успели защититься, но теперь не застанет.

Страйкер грустно улыбнулся.

— Вы пытаетесь внушить мне это, верно?

— Пытаюсь помочь вам утвердиться в этой мысли.

Страйкер задумчиво отхлебнул терро.

— Как я понимаю, мне теперь лучше не иметь оружие под рукой?

— Полагаю, да… Вы могли бы просто разрядить его.

Он начал было кивать.

— Но если случится непредвиденное и кто-то примет вас за угрозу, постарается опередить…

— А… — понимающе произнес Страйкер.

— Надеюсь, ненадолго. Мы постараемся установить уровень опасности.

— И думаю, мне будет лучше держаться от вас подальше.

— Думаю, нет, как раз не стоит. Не стоит покидать службу — вы ведь об этом подумали? И не стоит отдаляться. Просто мы

будем знать о риске. И постараемся извлечь из него побольше пользы для нас всех, только не для врагов.

Он был готов улыбнуться. Но перламутровая — сохранившаяся с прежних времен — кнопка вызова замигала багровыми вспышками тревоги. Дверь опять распахнулась.

— Простите! — выпалил запыхавшийся дежурный. — Вы должны это знать. Корабль «Лиги» только что потерпел крушение — взорвался при переходе в гиперпространство! Совершенно так же, как «Денебский Штандарт»!..

Мы со Страйкером одновременно вскочили с кресел. Дежурный невольно от нас попятился.

— Ужасное совпадение!.. — беспомощно закончил он.

3/4. Капсула

— Черта с два совпадение и черта с два он взорвался! — вспылил я.

— Взрыв произошел в зоне видимости кораблей сопровождения!

Вернее, «выпровождения».

— Мне понадобятся все записи произошедшего.

— Разумеется, сэр…

Я бросил взгляд на Страйкера. Он выглядел потрясенным, но не выражал мгновенного желания броситься на кого-нибудь или вытворить что-то неподобающее. Уже облегчение. Как был бы облегчением и взрыв корабля, будь он настоящим, но в это я не верил ни секунды.

— Я знаю, вы до сих пор не можете поверить и в тот случай… — продолжал лепетать майор-дежурный.

— Стоп! — остановил я, чувствуя себя на редкость здраво и трезво. — Нет, Такер, я не сошел с ума пока что. Просто я видел раньше много разных случаев. — В некотором роде эта речь обращалась и к Страйкеру. — Вы бы никогда не поверили. Статистическая вероятность мала, но если рассматривать события в течение многих столетий, то это куда больше, чем обычный срок, на котором строится личный опыт. В первом случае, о котором вы уже не раз упомянули, *я надеюсь* на то, что это возможно, а во втором — я знаю, что это возможно. Знаю экспертов, которые на это способны. Именно с ними я хочу переговорить как можно скорее и осмотреть затем с ними область происшествия. Но сперва, разумеется, официальное заявление. Я не собираюсь тратить на него больше пяти минут!

— То есть, что именно вы хотите?!..

— Объявить, что это скорее всего сознательная диверсия и едва ли корабль покинул или собирался покинуть пространство Денеба.

— Но это немыслимо!.. Я вас понимаю! — поспешно заверил Такер, то смертельно бледнея, то покрываясь пунцовыми пятнами, у него была на удивление холеная кожа, определенно, он не из той же категории старых вояк, что и Страйкер, скорее всего дело было в происхождении или прочих связях. Но я бы не сказал, что он не старался держаться. Он тихо пыхтел от ответственности. — Но вы понимаете, как это могут воспринять все?

— Понимаю. Могут воспринять, что я сумасшедший. Могут воспринять как провокацию войны, как то, что я сам все это

подстроил. Это ничуть не немыслимо. Немыслимо то, что они творят! И я не собираюсь им в этом подыгрывать. Страйкер, пойдемте. — Я не собирался также оставлять его без присмотра. В любой момент при таких обстоятельствах он мог сорваться, и это была бы одна из запланированных диверсий. По крайней мере, мне грело душу, что он еще жив и даже почти пребывает в здравом рассудке.

Если мое недолгое правление на этом и закончится, и станет всем, что будет обо мне когда-либо известно, я прослыву отчаянным параноиком. В лучшем случае. Но кто скажет, что у меня не было повода?

— … Они могут объявиться где угодно, в какой угодно момент времени, поэтому я призываю все ответственные за это службы повысить бдительность и перепроверить все секторы на наших картах, которые потенциально являются слепыми пятнами. Все пятна устранить невозможно, но чем шире и неожиданней охват, тем больше шансов не допустить новых диверсий, — завершил я и отключил все каналы прямой связи, какие только имелись.

Не зря она акцентировала столько внимания на «если со мной что-нибудь произойдет». Это «что-нибудь» было запланировано, ее атака состояла из нескольких этапов-ступеней, и мы познакомились еще не со всеми. Да, взбесить меня ей удалось, и поставить в весьма двусмысленное положение. Говорят, не стоит действовать во гневе, но проявлять осторожность бывает не менее опасно, если рассчитывать будут на нее. Осторожность подтачивает изнутри, ограничивает в действиях. Выигрышного варианта тут не существовало, вариант гнева был, пожалуй, меньшим из зол. По крайней мере, так я захватывал часть инициативы и поднимал ответную волну, а там посмотрим, кому будет труднее справиться со стихией… Лично я собирался сам стать ею, хотя бы ее частью, немаловажным фактором, как бы это ни было самонадеянно.

Но наконец пора было встретиться с Виремом и остальными, хотя бы чтобы предупредить их. Только куда девать Страйкера? Где для него теперь безопасно? Мне казалось, что единственное подобное место — рядом со мной. Так как я уже обо многом предупрежден и могу принять хоть какие-то меры.

Страйкер явно понимал мое затруднение.

— Вы ведь не можете постоянно сами за мной присматривать, — проговорил он с легкой усталой иронией.

«Но я не знаю, кому могу доверять. Хотя… знаю».

— Оставайтесь пока рядом. Мне нужно будет поговорить кое

с кем без свидетелей. Но я не хочу, чтобы вы были далеко. Думаю, Вирем у вас на достаточно хорошем счету?

— Да. Многообещающий молодой офицер.

— Полагаю, в ближайшее время он будет самой безопасной для вас компанией.

Такер был оставлен на связи «мальчиком для битья» на ближайший час, который я намеревался потратить хоть с какой-нибудь пользой.

— Вирем, запрашиваю еще подтверждение. У вас все в порядке? Где вы сейчас располагаетесь? О, на старом известном месте? Хорошо, скоро буду у вас.

В такие моменты понимаешь, какое это замечательное изобретение — система скрытых коридоров. По обычным сейчас не пройти. Я нажал на кнопку, и над коммуникатором всплыла голограмма, рассчитывающая оптимальный маршрут. Я временно заблокировал соединения с выбранным маршрутом, вытащил бластер из кобуры, открыл потайную дверцу и, приглашающе кивнув Страйкеру, шагнул в узкий коридор. Оружие я держал наготове на тот случай, если кто-то уже ждал нас где-то в коридоре с недобрыми намерениями.

Конечно, было скверно, что при таких обстоятельствах мы исчезаем хотя бы всего на час, но чем-то жертвовать приходилось неизбежно. Тем более ничего кроме извинений, обвинений или реверансов мы всерьез предоставить не могли — только не быть подозрительным образом «не на виду». Но это не слишком конструктивно. Хорошо, что я взял с собой хотя бы Страйкера, иначе тайное совещание безнадежно выглядело бы собранием заговорщиков.

— Вирем, мы на месте.

Последняя дверь открылась. Вирем отступил, пропуская нас, и бросил загадочный взгляд на Страйкера — стараясь, чтобы он не выглядел подозрительным. Я предупредил о том, что Страйкер со мной. Но я предупреждал о нем дважды, и первое предупреждение настраивало на опасения.

— Я вполне безопасен, — с сухой иронией заметил в ответ на его взгляд полковник, многозначительно покосившись на свою пустую кобуру. Вирем ощутимо смутился. — Но боюсь, нам обоим придется подождать в передней.

— Я постараюсь, чтобы ожидание не было долгим, — ободрил я. — Вирем, я надеюсь, все будет в порядке, но если что… просто помогите полковнику сохранять контроль. Здесь он сейчас в наибольшей безопасности, чем где бы то ни было.

Вирем понимающе, медленно, кивнул.

Затем мы разошлись. Я вошел в помещение дальше по курсу,

а они вернулись немного назад. Разделяющая нас дверь наглухо закрылась. Я отогнал дурные предчувствия. Все это лишь бесконечность того, что может произойти, а может и не произойти. Так работает мозг.

Помещение было мрачным, гулким, скверно освещенным залом с высоким потолком, балки которого терялись в кромешной… Стоп. Я сосредоточенно посмотрел вверх и моргнул. Какие еще балки? Но только что я воспринял их и отметил вполне ясно. Галлюцинирую наяву? После бурной ночи, — к черту бурный день, — неудивительно.

Так как же начать?..

Я обвел взглядом всю компанию и понял, что проще, лучше и быстрее всего будет начать с конца.

— Тарси? Нейт? Кажется, я должен выразить вам формальные соболезнования. Может быть и не формальные, но этого я не знаю, и у меня есть масса причин сомневаться в истинности того, что произошло. Если я все же ошибаюсь…

— Едва ли, — опередила меня Тарси, покачав головой. Но в этом сумраке она выглядела бледно. Даже с зеленоватым оттенком. Полагаю, у нее хватало причин нервничать и в том случае, если она была права. Она ведь понимала, о чем мы могли говорить, в частности и о ней и ее возможной лжи.

Всего их здесь было пятеро — двое Кареллов, двое Арли и бойкая обычно Джелли.

— Едва ли, — эхом подхватил Нейт и глянул на сестру. — Но мы этого тоже не знаем. Приходится быть готовыми ко всему… — Окончание фразы повисло как невысказанный вопрос.

Я кивнул. Дон сообщил, что они все следили здесь за новостями.

Нейт криво усмехнулся, прищурившись.

— Опять же я не был бы уверен в любом случае в искренности твоих соболезнований.

— Ну, тут ты прав, — согласился я. — Но можешь быть уверен в искренности моей досады от того, что я на девяносто девять целых и девять десятых уверен в том, что произошедшее фальшивка, и я не знаю, где она может объявиться в следующий момент, и кому и чему навредить.

— Тарси! — я повернулся к ней на каблуке всем корпусом, — мне нужно поговорить с тобой наедине. — Она слегка вздрогнула. Возможно и не знала, чего от меня можно ожидать после разговора с ее матушкой, как я не знал, чего можно ожидать от Страйкера. — И еще мне нужно, чтобы ты как можно скорее поговорила с еще одним человеком, как специалист… — Кажется, Тарси еще больше стало не по себе. Даже рука приподнялась в

почти протестующем жесте. — Не в этом смысле, — добавил я, следя за дрогнувшей рукой. — Я хочу, чтобы ты ему помогла, если сможешь. Он отлично держится, но он был запрограммирован… и нет, это не я. Насколько я могу судить. Я не жду, чтобы ты из него что-то выколачивала и не собираюсь требовать ничего подобного, если ты этого опасаешься. Но помочь ты ведь можешь?

Тарси выдохнула с видимым облегчением.

— Да, могу.

Я посмотрел на Арли и Джелли.

— Вы же простите меня? Я хотел бы, чтобы мы могли обсудить все подробнее прямо сейчас, но у нас вечно нет времени, меня всегда ждут где-то еще. Я не могу вырваться надолго. Но и без вас мне не обойтись. Когда мы все обсудим с Тарси, я бы хотел, чтобы мы с вами какое-то время держались вместе и не расставались. Майк, могу я вас попросить, чтобы вы помимо прочего… приглядывали за моей адекватностью? Дона я тоже попрошу, но у него своих забот будет немало, так что вы как-нибудь посменно — хорошо?

Майк приподнял брови и быстро кивнул. Его отец прятал в усах едва заметную усмешку.

— Ко мне ты с этой просьбой не обращаешься, верно?

— У вас забот будет, пожалуй, больше, чем у Дона. Кто-то же должен править по-настоящему, пока меня разрывают на части по пустякам.

Арли старший с новым смешком покачал головой.

— И ко мне тоже не обращаешься, — заметил Нейт достаточно обиженно.

— Уж извини, — ответил я без сожаления и демонстративно посмотрел на часы. Но, по крайней мере, оставаться наедине с его сестрой я пока не опасался. — Помогите пока Дону, он в сложной компании. Страйкер на нашей стороне, но с головой у него худо. И о нем нам сейчас тоже нужно поговорить.

Они отправились к выходу. Джелли не проронила ни слова, хотя мне казалось, что ее распирало изнутри. Возможно, именно поэтому она молчала. Так и не придумала, с чего начать. Но перспектива всем помочь ее полностью устраивала. А время все узнать еще будет.

Это место, хоть и посреди дворца, если не в самом его сердце, то где-то в селезенке, напоминало зал ожидания на каком-нибудь старинном вокзале. Трудно сказать, для чего оно предназначалось раньше. Пожалуй, надо будет глянуть в планах Страйкера.

Мы уселись на пару стульев, поставленных друг против друга,

и некоторое время друг на друга смотрели. Я на нее — выжидающе, она на меня — тревожно.

— Как ты догадываешься, она сказала, что ты мне лжешь.

Тарси дернулась, затем упрямо выдвинула маленький подбородок.

— О чем именно?

— Хотя бы о том времени, сколько работало одно мерзкое устройство.

— Невозможно ведь вернуться и проверить, верно?!

Я внезапно расхохотался. Внезапно даже для себя.

— Вообще-то, возможно. Вот только то, что мы узнаем, будет относиться уже к какому-то другому миру. Хотя может, по случайности, и в точности совпадать в этом пункте с тем, что было.

— Но я ведь ничего не смогу доказать…

— Конечно, не сможешь. Она это знает. Я это знаю. Как знаю и то, что ты могла солгать.

Она судорожно выдохнула.

— Но зачем?..

— Чтобы всем нам было спокойней, пока эта встреча случайно не состоится. Но было так мало шансов, что мы встретимся случайно, без свидетелей…

Она резко уронила лицо в ладони.

— Пожалуйста, не надо!..

— Почему? — удивился я. — Что должно было произойти?

Она отчаянно помотала головой. «Ну вот, и кому из нас тут нужна психологическая помощь?..» — подумал я и вздохнул. Она не видела, что я улыбаюсь. А я почувствовал себя лучше. Может быть лучше, чем за многие месяцы. Я был уверен, что с моей памятью сегодня все было в порядке. Что я вполне отвечал за свои действия и был адекватен. (Если это на самом деле было не так, тут уж ничем не поможешь, но это тот же старый философский вопрос, — насколько мир, что мы видим, соответствует действительности, — что и всегда, у кого угодно, при каких угодно обстоятельствах, и ничуть не больше).

— Отлично. Я понял. Сколько бы времени ни прошло, этого должно было быть достаточно, чтобы закрепился рефлекс, или что там я еще слышал про остающиеся частицы аппарата, и она могла спустить механизм снова в любой момент, так?

Тарси с трудом, медленно кивнула.

— Ну, если только это был не намеренный блеф, а я не думаю, что это был он — было как-то непохоже — она попыталась это сделать, но у нее ничего не вышло.

Тарси продолжала молчать.

— На этот раз я тебе не лгу, — заметил я.

Она перевела дух.

— Я тоже не лгала о времени, — проговорила она не совсем внятно, так как говорила в собственные сомкнутые ладони. — Оно было чистой правдой. Нно…

— Но?.. Кое-кто доработал механизм — теперь времени нужно меньше, верно?

Она сдавленно вскрикнула и снова кивнула.

— И кто же его доработал — ты?

Еще один отчаянный кивок.

— Это была просто техническая задача… я же не могла отказать собственной матери…

— Конечно, ты не могла, — заверил я. — То, что все произошло подобным образом, логично. Не думаю, что она бы ушла, не выждав нужного времени, чтобы убедиться самой, чтобы у нее была гарантия…

— Да!..

— Но что случилось? Ты подменила аппарат на старый?

Тарси перестала вздрагивать и выглянула поверх сложенных ладоней.

— Нет, — выдохнула она. — Я не успела… Я вообще не планировала, что все это произойдет! Мы должны были исчезнуть раньше!..

— А, да, припоминаю… В таком случае, у меня есть версия. Даже, пожалуй, две версии…

Она смотрела на меня жадно-вопросительно.

— Одна — та, что мы вернулись не совсем в свой собственный мир, и в том мире ты все-таки успела подменить аппарат…

Тарси почти бессознательно нахмурилась.

— Будем считать, что это плохая версия, — кивнул я с готовностью. — Мне она тоже меньше нравится. Предпочитаю думать, что нахожусь в своем собственном мире. И другая — «Янус», отправлявший нас в прошлое и, как ты помнишь, разбирающий нас на элементарные частицы, чтобы собрать по «схеме» из аналогичных в совсем другом мире, не посчитал уцелевшие частицы механизма моей важной составляющей.

Тарси приободренно шмыгнула носом. Я автоматически достал из кармана носовой платок и протянул ей. Она усмехнулась, качнула головой и вынула свой.

— Извини…

— Ну конечно…

Я подождал, пока она слегка приведет себя в порядок.

— Я старалась сгладить эффекты, как могла, — сообщила

она, немного успокоившись. — Но я ужасно боялась этой встречи. Надеялась, что никогда до нее не дойдет.

— Как и в тот первый раз, — кивнул я и ее опять передернуло.

— Кстати, знаешь… все это сокращение времени… она хотела, чтобы все могло уложиться даже в первые пяти минут…

— Мм… получилось?

— Нет…

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что раз частицы не закрепились… возможно, тебе будет интересно знать, что есть достаточное количество людей, которые идут на это добровольно — как раз в пределах пяти минут, или больше, если хотят показать свою удаль — это для них она хотела… на всякий случай…

— Что? — переспросил я. — Не понимаю… Вот маньяки.

— Она хотела, чтобы сотрудники были более управляемыми… на всякий случай. Особенно те дикари, что пробовали такое из любопытства.

— Забавно, — протянул я.

— Салех, например, — напомнила она. — Попробовал пять минут, а потом еще пять. Просто так. Показать, какой он крутой.

— О, сукин сын просто гнул подковы!

— Что гнул?..

— Такие железки, неважно. Погоди… а ты?..

— Нет… пока нет… — потрясла она головой.

— Что значит «пока»?

— Это собирались сделать одним из обязательных тестов. Правда, тест должен был бы быть одноминутным или двухминутным… Больше для оперативников, чтобы потом ничего было не страшно.

— И чтобы все были слегка рехнувшиеся?

— Наверное, и это тоже.

— И откуда им потом хоть что-то знать про жалость?

Тарси кивнула.

— Не удивлен, что ты сбежала.

Она залилась густой краской.

— Я не поэтому…

— Это ведь только капля в море — то, о чем ты рассказываешь. Если это не грозило лично тебе, это уже мало что значило в таких масштабах. Я никогда не удивлялся.

Она еще немного повсхлипывала, явно стараясь закончить с этим побыстрее, потом вдруг уставилась на мой лоб.

— Что? — я недоуменно поднял руку. — У меня пробиваются рога?

— Нет, я просто только заметила, хотя тут плохо с освещением… ты ведь больше не темнеешь?

— А?

— Твои волосы немного потемнели с тех пор, как мы покинули «Янус», ты говорил, что от рождения ты вовсе не рыжий, это поддерживалось искусственно, чтобы сходство с матерью меньше бросалось в глаза. Я думала, ты станешь темнее, но все прекратилось, да?

— Наверное. Или процесс еще не завершился, или есть предел издевательству над генами, или совпадение рецессивных генов родителей имело случайным образом больше места, чем я думал…

— Или «Янус» посчитал это твоей более важной составляющей, — улыбнулась она через еще пробивавшуюся нервную дрожь.

Я озадаченно подергал себя за прядку над правой бровью и усмехнулся:

— Ох уж этот «Янус»…

И не «считает» ли он себя нашей важной составляющей?

Страйкер, Дон и все остальные были живы-здоровы, когда мы к ним присоединились, хоть и возбуждены. Нейт внимательно посмотрел на припухшие покрасневшие веки Тарси, потом на ее рассеянную бегающую улыбку, потом на мою и «понимающе» кивнул.

— Могли бы целоваться и прилюдно, я не против, — проворчал он.

Мы от него отмахнулись, и я представил Тарси Страйкеру, а его ей.

— А ты, Нейт, — продолжил я, — поможешь сестре. В случае чего будешь ее телохранителем. Считай, что это официальное назначение.

Нейт вытаращил глаза и пожал плечами.

— Ну ладно…

— И не считай, что это несерьезно.

— С каких это пор?! Как-то туго в этом мире с несерьезностью…

— Вот тут ты прав.

И снова нам пришлось разойтись, дел было по горло, и никого нельзя было оставлять надолго без своего августейшего присутствия. Как-никак королевство было в смятении из-за произошедшего. Я чувствовал себя или единственным сумасшедшим в этом мире, или единственным нормальным, продолжая сохранять спокойствие и официально заявлять, что все

случившееся подделка и провокация, пока не будет доказано иное. Кроме того, прежде чем мы с Тарси расстались, мы договорились, что она подготовит для демонстрации программу симуляции подобных катастроф. Конечно, все это обоюдоострое оружие, но уж лучше держать инициативу в своих руках. Лучший способ справиться с паникой — принять командование на себя. Но пока она была занята Страйкером и до глубокой ночи мы уже не перемолвились ни словом, хотя пару раз я выходил на связь с Нейтом, сообщавшим, что все в порядке.

А ночью… конечно, было бы славно просто упасть и умереть. Но у меня имелись на примете другие планы. И за день я уже по уши накачался терро, помимо того, что и без него мне не удалось бы уснуть. Я снова достал крохотный черный кубик и положил на проецирующий диск. Когда вокруг возникла виртуальная, отчасти действующая модель «Януса», я ввел данные: известные координаты за пару минут до взрыва корабля Лиги и соответствующее время. Я подыскал подходящую кандидатуру — человека, который ничего не заметит, если я проберусь в его мозг, не отключая собственное сознание. Судя по первичному прощупыванию «Януса», он в самом деле был в коме, естественной или искусственной. Я полагал, что это и есть настоящий посол, тот самый полковник Крейг, что не смог по уважительным причинам исполнить свою миссию. Что ж, посмотрим… Заодно, может быть, пойму, что с ним такое.

Это было рискованно, но происходящее все же странно на меня воздействовало. Невыносимо хотелось форсировать события, совершить прорыв хоть в чем-то. Нетерпение зашкаливало. И я надеялся, что аварийный «возврат», а вернее, просто прерывание контакта в случае, если я ошибаюсь или вдруг окажусь в неудачном измерении, сработает исправно. Отделаюсь потерей несобранных данных, а о худшем, если оно произойдет, просто не вспомню.

Ну что ж… ощущение погружения и падения, а потом покоя, темноты и тишины. Что-то медленно, очень медленно проникало снаружи. Свет? Яркий!.. Нет. Тусклый, синеватый… Невозможность пошевелиться… а, тоже нет… рука поднялась, будто во сне, чужая. Да какая разница? И коснулась скользкой гладкой стены, затем потолка, очень близкого потолка закрытой металлической капсулы. Затем бессильно свалилась вниз. Я снова начал медленно растворяться в небытии. Где-то что-то мерно пощелкивало, как картотечные ящики… это же датчики. Капсула! Просто медицинская капсула! Не картотека! Вот что это такое! Я был именно здесь, помнил это!.. Нахлынувшие узнавание и возбуждение сделали свое дело. Контакт прервался исправно, без

потери данных. Не считая того, что прервался до того, как я подал сознательный сигнал.

Я перевел дух и, едва зрение сфокусировалось, сверился со счетчиком альтернативного времени. Как я и ощущал, прошло гораздо больше двух минут. Почти четверть часа, прежде чем из-за накладки матрицы сознания на чужой мозг я начал «приходить в себя» и осознавать происходящее. Все было «в порядке», как я и ожидал. Корабль не взорвался. Конечно, это ничего не доказывало, это происходило в другом измерении. Но волосы стояли дыбом и нервы тоже, подташнивало не только по естественным причинам. И в то же время, это было громадным, феерическим, невероятным облегчением! Пусть одновременно внушающим леденящий ужас. Я помнил именно это — то и дело этот призрачный кошмар повторялся вплоть до того, что мне наяву мерещилось прикосновение к металлическим стенам. Воспоминание о будущем, которое лишь только что стало прошлым. И которое, по счастью, было не моим кошмаром. Моим оставался лишь вопрос: каким образом я мог ощущать это раньше?

— О… — от волнения я заговорил сам с собой вслух. — Ведь эта модель действует лишь отчасти!.. Она нестабильна! Копия моего сознания возвратилась ко мне не только в этот момент времени! Черт возьми, надо все-таки быть осторожнее!..

4/4. Капелла

Еще в одном «Янус» сработал отлично… «Янус»? Я называл его так совершенно бессознательно. Возможно, лучше было бы назвать эту несовершенную, зато находящуюся в моем безраздельном владении модель как-то иначе, по-новому. Скажем, «Пандора» — проект «Пандора» — маленькая шкатулочка, размером с игральную кость, даже меньше. Возможно, так и назову. Не исключено, что название приживется. Но может быть, «Пандора» навсегда останется для меня лишь «вторым ликом Януса». И в этом смысле совершенно неважно, как я его называю. «Янус» — короче и привычней, а «Пандора»… что ж, продолжим — еще в одном она сработала отлично: стоило мне все убрать и добраться до превратившейся в постоянную дежурной постели, я мгновенно уснул. Начисто выпал из континуума, без сновидений, до тех пор, пока меня не разбудил Дон — неожиданно поздно. Было уже за полдень.

Я изумленно похлопал глазами на часы, потом на Дона — укоризненно. Тот лишь невинно и почти самодовольно улыбнулся, пожав плечами.

— У вас вчера был тяжелый день. Она сказала, что не стоит рано вас будить.

Она?

— Тарси?

Дон кивнул.

— Принимали снотворное? — поинтересовался он деловито.

— Нет.

— Было выдвинуто предположение, — продолжил он довольно осторожно, — что спать вы сегодня будете плохо, а потом придется наверстать, так что лучше оставить вас в покое, если только сами не позовете.

— Ну, ну…

Спал как раз отлично. И слава богу. Но пока мой «второй лик Януса» подключился, пока набрал нужную энергию… Времени прошло немало, так что все равно это было невероятно кстати.

— Я, правда, беспокоился, что может произойти что-то плохое, так что заглядывал пару часов назад, — признался Дон. — Проверил — дышите. Значит, все в порядке. Арли делает вид, что так задумано и так вы проявляете свою позицию — не считаете нужным что-либо комментировать и на самом деле пропадаете на закрытых совещаниях. Вчера всего этого было предостаточно, а у вас и других дел полно.

— Точно, дел, — буркнул я, припомнив, сколько их запустил

и как все должно выглядеть для тех, кто не знает о моей призрачной машине времени. А не знал о ней до сих пор никто. — Как по-твоему, Дон, я просто легкомысленный идиот?

— Я этого не говорил, сэр, — слишком тактично ответил он.

— Прекрати это, мы уже пили терро на брудершафт.

— Я знаю, что вам непросто. И вы делаете, что можете. Но… — прибавил он, будто знал о чем говорил, — есть вещи, для которых вы не созданы.

— Править королевством, — услужливо подсказал я.

Дон рассмеялся, без задержки, будто его это и правда позабавило.

— Погружаться в рутину, — поправил он. — Вы хоть знаете, что вас любят?

— Кто это? — поинтересовался я подозрительно.

— Народ.

— Это очень расплывчатое понятие, — заверил я со знанием дела. — Даже не помню, когда я видел его в последний раз.

— Расплывчатое понятие?

— Народ!

— Тем не менее, — Дон снова перешел с шутливого тона на серьезный, — вы людям нравитесь. Многим, по крайней мере. Они вам сочувствуют, им нравится ваша решительность…

— Опрометчивость, хочешь ты сказать, и неумение держать себя в руках?

Он пожал плечами.

— Может быть, им того и нужно. Чтобы кто-то пытался рубить узлы, а не развязывать.

— На самом деле, это опасно и безответственно, — перебил я. — Хотя, конечно, кто бы говорил, и прямое действие, которого не ожидают, это тоже «непрямое действие»…

— И это кое-что новенькое, — снова перехватил инициативу Дон. — Не скажу, что в Денебе веками не было потрясений, еще как бывали! Но происходящее сейчас больше всего напоминает времена из легенд. Это интересно!

Я покачал головой, уронив ее на руки:

— Совсем нехорошо!

— Ну… отчего же?

— Ты же знаешь, где мы были почти что перед тем, как прибыли на Леду? Все последнее приключение «Януса»?

— Не могу утверждать, что знаю это точно.

— Во времени из легенд. В конце пятого века в Британии, — напомнил я, — и знаешь, в чем была тонкость? Это действительно было время из легенд, очень далекое от реальной истории. Уж на что там ориентировался «Янус» — на какие-то наши

представления из-за нехватки информации при перемещении с такой массой, трудно сказать. Но это уже было. Я уже правил «сказочным королевством» целых полгода. Вышло не так плохо, как могло бы, но, черт возьми, это же был пятый век, да еще никогда не существовавший по нашим меркам! Не то чтобы не хочется повторять тот же шаблон, но это просто не одно и то же. Даже в пятом веке — я понятия не имею, к чему привели те полгода. Я не должен относиться к этому как к какой-то сказке в не относящемся ко мне измерении. Немногое, наверное, можно было испортить в пятом веке, да еще среди вероятностей, которые могут быть какими угодно, но тут… Хотя, конечно, убедить себя в том, что все это реальность, тоже не так-то просто.

Дон кивнул, улыбаясь, а в глазах его загорелся дьявольский героический огонек.

— Да, припоминаю, рассказывали. Зато знаете, на что это похоже для нас, наблюдающих со стороны? На пробуждение от векового сна…

Я недовольно заворчал:

— Да, в точности как и там! Только обычно, когда после векового сна пробуждаются вулканы, они несут с собой гибель.

— Иногда гибель лучше сна, — беспечно заявил Дон.

— Что это ты говоришь? — удивился я, заподозрив, что несколько переоценивал невероятную адекватность моего нового друга.

Он склонил голову набок и скорчил забавную рожицу.

— Все произошло слишком быстро, вы, наверное, и заметить не успели — Денеб похож на зачарованное королевство. Не то чтобы в нем не происходило потрясений, повторюсь, еще какие бывали, но в целом вся эта жизнь с нашими размеренными традициями и формальностями — медленное погружение сон, что-то съедающее изнутри. Заживо переваривающее и растворяющее. Будто ничего не происходит, хотя это неправда. Если бы вас не было, даже то, что произошло, никого бы не разбудило. Вас всех знали еще мало. А королева Далира — о, она была прекрасной королевой, но столько времени она была «последней из рода», что к этому привыкли, словно перелистывались последние страницы. Род угасал, и Денеб вместе с ним — не звезда Денеб, будь то Большой или Малый, конечно, а королевство.

Война со временем. Нет, заметить я успел. И сам чуть не уснул. И она — королева Далира — говорила то же самое. Но где бы я только не уснул после всего, что когда-то знал?

— Да пожалуй, это происходит не только в Денебе, — проницательно заметил Дон. — Наверное, повсюду. Все мы

потеряли какой-то импульс, что-то, что заставляло людей устремляться вперед, открывать новые миры.

— Время от времени это должно происходить, — рассудил я, — миры надо не только открывать, но и осваивать.

— Но пространства между ними огромны. Преодолеть их нетрудно, но все больше возникает вопросов — в какую сторону, и зачем. Как протыкать иглой огромное одеяло — его можно проткнуть. Но в итоге, для чего?

— Отлично, и что же во мне такого бодрящего? — спросил я, и тут же заподозрил, что знаю ответ, и едва ли он мне нравится: я диковинная древняя рептилия. Здесь, в будущем, вернее — настоящем, я человек из прошлого. Поэтому все мои дурацкие выходки напоминают нечто атавистическое, что-то из зари человечества в пещерах и звериных шкурах.

— Вы выжили, — просто сказал Дон. — И ваше присутствие заметили. Все не просто обрушилось. Достаточно резкие действия в самом начале дали понять, что все висит не в пустоте. Кто-то может подхватить падающую башню.

— Но это всего лишь иллюзия. И если бы не ваши опостылевшие традиции и формальности, меня бы здесь не было.

— Может быть, недоставало как раз этого. Хотя бы иллюзии. Должно же что-то поднимать дух.

— И потом все затихло, я все бросил на самотек.

— Разве? Кому-то вы просто не мешали, не разрушали еще работающую машину. А кое-где и помешали, было дело, и это тоже заметили. Но ничего не нарушилось. Ответственных администраторов у нас все еще хватает.

— Дон, да вы же просто выдаете желаемое за действительное! — Раз уж он не сдается, сделаем вид, что мы и впрямь не пили терро на брудершафт. Похоже, он не хочет, чтобы я терял своеобразную королевскую «форму». Тоже своеобразная поддержка.

— Потому что оно желаемое! — согласился он.

Я рассмеялся. Тут крыть было нечем.

— Это глубоко субъективное чувство. Но я ценю вашу попытку меня поддержать.

— А еще, вы думаете, ваша игра в салочки с торпедами осталась тайной?

— О, уж это было совсем безответственно!

Он весело хрюкнул, помотав головой.

— Впервые за многие годы королевский дом действительно интересен, и не нужно высасывать истории из пальца!

— Всегда пожалуйста, Дон, и дорогие читатели скандальных хроник. Ага… значит, хочешь сказать, что тишина, которую я

ощущаю большую часть времени и отрезанность от всего — это просто глаз бури? Что ж, ладно. — Я вздохнул. — Кстати о «доме». Давно собирался спросить, но забывал. Что это за заброшенное помещение, которое мы все время используем? Почему оно не занято? Оно находится почти в центре дворца, но пустует. И это даже не кладовка.

— А-а, — кивнул Дон удовлетворенно, — это старая капелла. Когда появилась новая, необходимость в ней отпала. Но на всякий случай она пустует. В ней до сих пор не демонтированы голографические витражи, в свое время они считались произведением искусства.

— Ах, так это та самая старая капелла!..

— Верно. Витражи просто отключены. Время от времени их еще проверяют, но редко.

— Ясно. Ну что ж, к вопросу о делах. Что там у меня на очереди?

Дон протянул мне планшет со списком, который держал наготове.

Я непонимающе посмотрел на экран.

— А где, собственно?..

— Нет ничего срочного, я все убрал. У нас же форс-мажор и все такое. Что в них хорошего, так то, что под их предлогом можно забыть о мелочах. Но если хотите, я могу показать изначальную версию.

Он нажал на кнопку.

— Ох, черт!.. Но это больше похоже на правду!..

— Из-за которой вы чувствуете тишину, как в глазу бури? Дел много, но они ничего не значат. Вы даже с друзьями поговорить не успеваете, разве что украдкой в старой капелле, да вырваться иногда сыграть в салочки с торпедами. И вас все еще мучают кошмары… И вы умудряетесь считать, что ничего не делаете? Может, потому что не успеваете осмыслить? Даже спите все время здесь, а не в своей спальне. Значит, заняты чем-то серьезным.

— Ну…

— Знаете, к черту это. Займитесь сегодня своими делами. У вас есть повод. Поговорите с Тарси, Страйкером, с Арли. Все эти представительства и мелькание на людях — это может быть бесконечно. Затягивает, да только впустую.

— Верно.

— Хотя за это вас любят тоже. Отдадим справедливость. Ну и если настаиваете, и раз мы заговорили о капелле, архиепископ Ледский полагает, что вам все же стоит упрочить ваше положение коронацией. Особенно после вчерашнего…

— Нет.

— Это позиция церкви. Хотя… то, что вы упорствуете в своем регентстве тоже нравится людям, — похоже, Дон завел себе любимый рефрен, годящийся абсолютно для всего. — Будто все это не формальность, а нечто настоящее, имеющее значение. Но коронации, — прибавил он бодро, — думаю, они и впрямь тоже обрадуются!

— Нет, — повторил я.

— Тем более, есть кое-какие версии о том, что вы этого не желаете, потому что чувствуете какую-то вину.

Это прозвучало как предупреждение.

— А что, если это верно? — спросил я.

Дон криво улыбнулся.

— Военного времени у нас давно не случалось, но все-таки мы люди военные. Выжившие всегда чувствуют вину за то, что выжили. Но стоит ли другим это знать?

— Не знаю… И все-таки, нет. Не хочу входить в поток. В вечный круговорот. Стоит сдаться этой традиции, и все еще больше пойдет как по накатанной. И все мы погрузимся в сон. Со мной во главе.

— Возможно, — кивнул Дон. — Но как-нибудь на будущее…

— Может быть. — В конце концов, ничто не должно быть слишком уж постоянным. Наверное. — Как вы думаете, Дон, откуда у меня жуткая аллергия на традиции? Может, я видел их слишком много и слишком разных, чтобы придавать им какое-то значение?

— Я ведь уже говорил про рутину? А что может быть рутиннее традиций?

— Верно. Оболочка без содержания. Но иногда, когда содержания и в самом деле нет, это единственное, на что можно опереться.

— Если только это стоит того.

— Зависит от множества факторов.

— Несомненно.

* * *

Ну что ж, начнем с неотложных дел, не отраженных ни в каком официальном плане.

Я вошел в пустынное гулкое помещение капеллы. Ничего похожего на «произведение искусства». В руках у меня был планшет с чертежами, раздобытыми Страйкером. Отыскав нужный пункт в списке, я проверил, подходят ли сюда еще источники энергии кроме тех аварийных, которыми мы

пользовались до сих пор. Оказалось, подходили, хотя в последний раз использовались очень давно, прошло уже лет шесть, как никто не включал их даже для проверки. Старое отжившее излишество.

Все коды активации, как и чертежи, были у меня под рукой. Я ввел их и… по залу разнеслось тихое пение, похожее на свист ветра в тростнике или в трубах едва ожившего органа. Замерцало сперва призрачное свечение, превратившееся в вихрь вспыхивающих светлячков, сначала бесцветных, постепенно набирающих краски. Стены капеллы будто раздвинулись, углубляясь во все стороны, над головой вырос высокий просторный купол, значительно выше уровня настоящего потолка, яркий, пронизанный светом, струящимся в несуществующие окна. И стены, превратившиеся в световые витражи, бросающие блики на мозаику пола. Сплошная иллюзия. Впрочем, только с точки зрения тех времен, где привыкли к материальным декорациям. А что такое материя? Плоть — ничто. Дух — (иллюзия?) — всё. Но разве этих фотонов не существует? Не говоря уже об их выверенных, настроенных источниках, потребляющих немало энергии, и даже — я подошел к ближайшему витражу и дотронулся до «несуществующего» холодного и гладкого на ощупь цветного «стекла». Не просто свет, энергетическая модель, обладающая плотностью и сопротивлением.

Передатчик тихо завибрировал, я нажал на нужную кнопку, открывая дверь в преобразовавшийся старый «вокзал».

Вошедшая Тарси ахнула и оглянулась, на мгновение подумав, что зашла куда-то не туда.

— Это просто проекция, — сказал я вместо приветствия, махнув рукой. — Считается, что это произведение искусства уже прошлого столетия. Я не мог не взглянуть. Как оно тебе?

— Прекрасно! Но… — Тарси потрогала сияющие стены-витражи. — Это должно поглощать массу энергии.

— Не так много, как кажется. Прошлый век — не позапрошлый. Система замкнута на себя. И осязаемые эффекты сконцентрированы лишь там, где к ним прикасается что-то живое, они подстраиваются. В остальном это всего лишь игра света. Удобно — с этих витражей не нужно стирать пыль.

— Только с настоящих стен.

— Которых все равно не видно. И все-таки… да, они потребляют уйму энергии, и поэтому, в частности, от них отказались. Правда, для всех старых помпезных проектов дворец сам производит столько энергии, что девать практически некуда.

Мы как по команде выдержали паузу, потом попробовали заговорить одновременно.

— Нет, я не имел в виду…

— Напомнило Вегу, — сказала Тарси. И именно это я «не имел в виду». Она слегка смутилась.

— Да, я уже понял. Масса энергии, которую некуда девать — в самый раз для взрыва со всем содержимым и обитателями, если понадобится. Однажды это произошло.

— По счастью, только члены королевской семьи знают коды, обходящие поставленные предохранители.

— Да, официально. Кроме того, систему можно взломать не только как систему.

Мы снова молчаливо посмотрели друг на друга.

— Как дела у Страйкера? — поинтересовался я.

— Совсем неплохо, — ответила она с некоторым облегчением, но скрытое напряжение, естественно, оставалось. Не могло не оставаться. — Хотя стоило бы распутывать клубок дольше и тщательнее. Но программирование выглядит поверхностным. Может быть, оно было однократным, с использованием особых химических препаратов, может быть, составным, за несколько раз, с окончательной активацией лишь совсем недавно. В любом случае, он ничего не заметил. Сколько раз его могли бы травить без его ведома? И практически ювелирно.

— Не представляю. Может быть, ты мне скажешь?

— Трудно сказать. Контуры очень смазаны. Но… вот еще одно, — мне показалось, что Тарси порозовела. А может, просто так упал свет от искусственного витража? — Я кое-что заподозрила и сделала заодно анализ его ДНК.

— И?..

— Похоже, теперь я знаю, кто мой отец.

Хор ангелов сфальшивил всем коллективом. Я не то чтобы поперхнулся, но, кажется, уставился на нее во все глаза.

— Разве раньше ты этого не знала?

Она мотнула головой.

— Но погоди… Фамилия Карелл — она хоть что-нибудь значит?

— Значит. Это фамилия наших приемных родителей. Меня и Нейта. Они растили нас в детстве.

— Приемных?..

— Ты представляешь мою мать в роли любящей заботливой матери семейства?

— Нет…

— Она и не пыталась. И нам нужна была дополнительная защита.

Я помолчал. Разумеется. Как и нам. Но у нас хотя бы был

настоящий отец. Правда, в детстве мы тоже росли у дальних родственников.

— А они хоть живы? Ваши приемные родители?

— Сейчас нет, но это не то, что… Нет, я не говорю, что все было естественно, но это было объяснимо…

— Ты думаешь, я в это поверю?

Она приподняла брови и недоумевающе раскрыла рот.

— Что?..

— А Нейт? Страйкер и его отец тоже?

— Нет… Вообще-то, его отец — полковник Линн с «Януса».

— Прекрасно! — воскликнул я так, что мой голос отразился рикошетом от несуществующих сводов, а может, просто от голых стен. — И ты говоришь мне об этом только сейчас!

Она вздрогнула.

— Все части картины встают на место. Как части огромного, старого, мерзкого, очень долгого плана. Ей нужно было проникновение на «Янус», и там был Нейт. Ей нужно было проникновение сюда, и вот ты здесь. Именно там, где и должна быть! Даже то, что она требовала вернуть вас, должно было лишь толкнуть нас навстречу друг другу. Надо было позволить вам улететь с ней…

— Эрвин!..

— Но в чем дело? Где изящество? Где тонкость? Почему все так на виду, откровенно, грубо? Это такой верх цинизма? Знание, что все равно никому деваться некуда? А если Линн — отец Нейта, то сколько искусственного было в его безумии после попыток на него воздействовать?

— Он ничего не знал!

— Как и я не знаю! Может, я не знаю, что именно я делаю? Может, у меня бывают провалы в памяти, о которых я даже не задумываюсь и не замечаю, потому что не должен задумываться и замечать?

— Ты же знаешь, что нет.

— О, ты не права! Я знаю только, что я ничего не знаю!

— Эрвин, разве ты не видишь, что я пытаюсь быть с тобой откровенна, как только могу?

— Возможно. Потому что я пытаюсь тебе верить. Но могу это делать лишь настолько, насколько могу верить вообще… благодаря всем вам!

Я яростно посмотрел на планшет, не понимая, зачем все еще держу его в руке. Управление капеллой, да… Я отключил витражи, принявшиеся бледнеть и растворяться с унылым умирающим гулом и прошел мимо Тарси к выходу, делая вид, будто ее не существует.

— Если бы ты верил в то, что говорил, — тихо сказала она мне вслед, — ты бы так не поступал.

— Может быть поэтому вы все еще живы, — мрачно огрызнулся я, не оборачиваясь.

Все, вызывающее подозрение, гораздо проще уничтожить сразу. «Если правый твой глаз соблазняет тебя…» По крайней мере, я понял, что не могу ни словом намекнуть ей о «Янусе», как бы ей ни хотелось. Ее было опасно просто оставлять на свободе. Потенциально она была такой же угрозой, как и ее мать, и любой мог стать ее орудием, как и ничего не подозревавший Страйкер. Ее даже опасно оставлять в живых!.. Проклятие, я не хотел жить в таком мире. Но выбора не было.

Внезапно я резко обернулся.

— А ты, Тарси, ты уверена в том, что делаешь? В том, что это именно ты, а не кто-либо другой действует через тебя?

Она ответила не сразу. Помолчала, глядя в сторону, и я понял, что она плачет. Если она и не была моим врагом, я так легко мог сделать это сам. По всем законам этого мира я должен был это сделать, и ни у кого из нас не должно было остаться выбора. Либо сейчас я сделаю огромную глупость, либо и без того вся моя жизнь — сплошная ошибка. Но что, если я сам сделаю то, что должен сделать — уйдя отсюда, толкнув ее в пропасть одиночества и заслуженной ненависти.

— Нет, — ответила она. — Как я могу?

Никак. Разумеется. И никаких извинений быть не может.

— Тарси, — сказал я. — Я должен тебе кое-что показать.

* * *

«Я верю. Верю в то, что неважно, в чьих руках это окажется в итоге. Окажется в одних, окажется и в других. Рано или поздно. Неизбежно. Пусть каждый сам наступает на свои мины. На свое безумие. На то, что какие бы иллюзии это ни создавало, мы не способны что-либо изменить. А если даже и в силах, отчасти, то все равно ничто не изменится по-настоящему. Нам только кажется, что мы чем-то управляем. Возможно, это оно управляет нами… Тоже чепуха. На самом деле все просто движется по своим траекториям, заданным еще при Большом взрыве.

В чьих бы руках это ни оказалось, это не конец света и не конец эволюции. Это по-своему изменит каждого, кому достанется. И без того все на свете постоянно мутирует и изменяется, превращаясь во что-то иное. Так что и в самом худшем случае — все неважно».

Тарси покорно следовала рядом, не выказывая протеста или обиды, кроме тех тихих слез в капелле, обреченно и безразлично, наверняка одолеваемая не менее «веселыми» философскими мыслями. Она отлично знала, в каких монстров превращает паранойя вполне приличных людей. Уверен, некоторые из них изначально были куда лучше меня.

Коротким, наполовину потайным привычным путем я провел ее в кабинет, жестом предложил сесть, что она послушно исполнила, извлек «игральный кубик» и положил на проектор. Когда вокруг загудели светящиеся зеленоватые линии, я снова обратился к ней:

— Знаешь, что это такое?

Она отрицательно покачала головой.

— Это модель «Януса», — я выдержал небольшую паузу, прежде чем добавить: — действующая.

Вот теперь она чуть не подпрыгнула на месте.

— Что ты имеешь в виду?

— Что она действует. Хотя не могу сказать, что идеально.

— Зачем ты мне это говоришь и показываешь?

Я помолчал.

— Понятия не имею. Может, это результат какого-то внушения?

Да, не смешно. Ее бледное лицо, еще с дорожками слез, было непроницаемо.

Мне тоже не смешно, подумал я. Вот все прекрасно, мы оба стараемся, как можем, и все же смотрим друг на друга волком. Сквозь то, что является величайшей тайной в обитаемой вселенной, и это ничуть не помогает нам друг другу доверять.

— Как бы то ни было, я уже проверил, что она может. Не то чтобы все прошло гладко, но…

— Прекрати! — вдруг воскликнула она. — Хватит!

— Что такое? — удивился я.

Ее заметно трясло.

— Не обязательно издеваться!.. — она никак не могла унять дрожь. — Выключи это чертово световое шоу или, клянусь богом, я попытаюсь тебя убить, неважно, что потом со мной случится!..

— Почему?..

— Потому что этот концерт уже верх цинизма!

А-а… Она в самом деле решила, что я просто издеваюсь? В тот момент, когда я думал, что раскрываю душу. Какая ирония. И все логично и естественно. Мячик летит в одну сторону, потом в другую. А главное, я все равно не могу продемонстрировать машину в действии. Она не настолько исправна, чтобы рисковать… по крайней мере чужой шеей. Особенно, если это ее

шея.

Я вздохнул, тоже сел в кресло и уронил голову на руки, тихо смеясь.

До меня донесся приглушенный судорожный всхлип.

— Прости, — сказал я, поднимая голову. — Мне кажется, я не вылезаю из стресса. И даже, «всё понимая», понимаю не всё, как и ты, потому что с тобой происходит то же самое. Я не издеваюсь, я думал, что только что дал тебе смертельное оружие против себя самого. Я был до смешного серьезен и трагичен. Не думай, что я не воспринял всерьез то, что ты сказала сегодня. Но это вывело меня из равновесия, потому что я все равно собирался показать тебе это. Показав сначала витражи. Потому что это — такая же реальность, невесомая, невещественная и поглощающая прорву энергии, потому что дворец на это способен. Море неконтролируемой неиспользуемой энергии. Плохо у нас вышло — я не ожидал, что меня так собьет в полете. И я еще не говорил об этом ни одной живой душе.

— Я все-таки не понимаю, — сказала она упрямо.

— Можешь верить или нет, можешь использовать это против меня, наверное, я этого заслуживаю. Тем более что не могу продемонстрировать ничего, кроме каких-то светящихся линий. Модель не откалибрована, побочные эффекты могут быть какими угодно, я в этом уже убедился. Но пока не появился буфер, я могу увидеть ближайшие события, не отстоящие от нас на полсотни лет. В любом случае это ничего не доказывает, даже ближайшие события несут в себе массу расхождений. Мы ничего не можем узнать наверняка. И все-таки, думаю, тебе бы хотелось это знать, кем бы она ни была — я не мог не проверить, что тогда произошло…

— С твоими родителями? — быстро спросила она, перебив меня.

— Нет, — ответил я после новой шокированной паузы. — Я не мог, по крайней мере не сейчас. — Я понял, что даже говорить об этом для меня затруднительно. — С кораблем твоей матери. Я проник в сознание…

— В ее сознание?

Я на мгновение сцепил зубы: «Да ты что, издеваешься? Мстишь мне?» Но сумел понять, что она просто волнуется.

— Нет. В чье-то отключенное. Думаю, это был полковник Крейг. Он не должен был ничего заметить даже при том, что мое сознание было какое-то время активно. Он находился в какой-то медицинской капсуле. — Я увидел краем глаза, как она бессознательно кивнула. Видно, припоминала такие капсулы.

— Я находился там в то время, когда должен был произойти

взрыв. Немного дольше. Но взрыва не было. Потом я вернулся. Это все.

Тарси шумно выдохнула.

— Это ничего не доказывает, — повторил я.

— Но повышает вероятность, верно?

— Да, — я немного сфальшивил — ведь точно так же не было никакого взрыва в той реальности, где я наведался в свою собственную голову и чуть не застрял в том мире, может быть потому, что хотел этого. Но в последнем случае я бы предпочел, чтобы взрыв произошел, хотя Янус легко мог отправить меня и в царство моей собственной паранойи. Мы уже знаем, где он предпочитает в первую очередь брать недостающую ему информацию о том, куда мы собираемся отправиться.

— Но ты говоришь, что не можешь ничего продемонстрировать.

— Не могу. Система нестабильна. Чудо, что она вообще работает. Пока это только отличный способ потерять рассудок или отправиться куда-то и никогда больше не вернуться. А то, что я видел в последний раз — еще и вернулось ко мне по частям, не только в нужный момент, но и в прошлое, когда я не знал, что это такое, начиная с того момента, когда мое сознание было наиболее уязвимо. Понятия не имел, что это за галлюцинации, а оказалось, это от того, что я сделал только в будущем, своем совсем недавнем прошлом.

Она немного посидела молча. Потом протянула руки через стол.

— Я тебе верю.

Я выдохнул и взял ее руки в свои.

— Значит, у тебя есть «Янус», твой персональный, ручной, даже если пока необъезженный. И ты им пользовался, — продолжила она.

— Да. — Голос ее звучал как-то слишком ровно, а руки были холодными.

— Значит, ты вполне мог быть повинен в обоих случаях, даже не выходя из дворца.

Я уставился на нее, не в состоянии вопросить и такую банальность как: «Что?..»

— Мог. Вот, что ты мне пытаешься сказать. Оба случая слишком похожи. А ты, по-видимому, слишком безумен, по своему собственному желанию. Сделаешь ты это в будущем или уже сделал, чтобы оправдать все нестабильностью системы? Веришь ли ты в это сам или лжешь всем кругом, неважно, какая у тебя есть на это причина? Я помню, ты всегда умел лгать. — Она выдернула свои кисти из моих. — И что ты сделаешь со мной

теперь?

Я предпочел подавить напрашивающуюся мысль. Трудно сказать почему, может, потому что решил, что именно этого ей хочется, а я был слишком зол.

Она быстро поднялась и прошла к выходу. Я нажал на кнопку, открыв дверь раньше, чем она этого потребовала. Она вышла не оборачиваясь. А я захлопнул дверь.

Все попытки что-то исправить были глубочайшим идиотизмом.

Может быть в том, что люди даже не пытаются понять друг друга, есть куда больше смысла. Гораздо проще убить, чем объяснить. Кто пожелает, приспособится, «научится понимать» сам и уцелеет. А тот, кто научится объяснять, лишь научится лгать.

III/III. Игра в кости

«Перестаньте, наконец, указывать богу, что ему делать».

Нильс Бор

1/4. Приглашение на охоту

Дон заглянул через некоторое время после того, как вышла Тарси. Я яростно таращился в планшет, изучая дела, которые Вирем сегодня самовольно удалил из плана.

— Помешаю?

— Нет. — С чего бы это? Даже случайная катастрофа планетарного масштаба никому бы не помешала.

— Гм. — Он оглянулся куда-то в коридор, затем вошел. — Между вами кошка пробежала?

— Двухметровая в холке. Саблезубая.

— Смилодон? — Дон попробовал блеснуть познаниями о древней земной фауне.

— Считается, что на Земле двухметровых в холке не было.

— А на самом деле?

— Без понятия.

Дон кивнул и видимо раздумывал: то ли извиниться и выйти, то ли спросить, чем может помочь.

Я пристально посмотрел на него.

— Хочешь узнать?

— А, простите… — он покраснел и сделал движение, чтобы отступить. Он и так проявил больше любопытства, чем следовало и? нарвавшись теперь на прямой вопрос…

— Нет, я имел в виду, хочешь узнать, как выглядели смилодоны? Посмотреть на них своими глазами?

— Может, и хотел бы, — он усмехнулся и пожал плечами. — Но какой смысл хотеть, если?..

— Если ты можешь.

— Теоретически я все могу, — покладисто согласился он. — Но уверен, даже если «Янус» не укомплектован, там рассматривается масса более перспективных кандидатур.

— Ты закроешь дверь наконец? — поинтересовался я.

— Конечно, — окончательно смутился Вирем.

— Дон! Не с той стороны, а с этой!

Когда он завершил маневры с дверью, я встал и повторил свой трюк с кубиком, положенным на проектор.

— Что это? — Дон завертелся, разглядывая светящиеся линии, пока еще призрачные, не налившиеся энергией как следует.

— Теперь и у тебя есть шанс увидеть смилодона, если захочешь. Ты знаешь, всегда говорили, что мы что-то забрали с «Януса». Разумеется. Чертежи. Но чего я не ожидал, так это того, что энергии дворца достаточно, чтобы они могли действовать

сами по себе.

Дон какое-то время молчал, вертясь на месте.

— Это сумасшествие какое-то, — выдавил он наконец.

— Добро пожаловать в мой мир, — усмехнулся я, не ощущая никакого спада напряжения. — И спасибо, что подсказал про Капеллу, она удивительная. Я подключил ее системы к тем, что уже использовал. Теперь модель в целом должна работать гораздо стабильнее. Хочешь попробовать?

— Н-не знаю… — Еще бы, должно быть, он совершенно выбит из колеи.

— Наверное, ты прав. Черт знает что может случиться, если честно.

— Но ты уже попробовал, так?

— А, — отметил я не без затаенного торжества. — Наконец-то ты сказал «ты».

Вирем слегка смутился, но придумал объяснение на лету:

— Потому что ты сумасшедший, — он улыбнулся, со сдержанным восторгом покачав головой. — И потому что это не имеет отношения к делам государства. Мы сейчас в совсем другой плоскости, как в другой жизни.

— Здорово нашелся! — отметил я.

— Вы из-за этого?.. — Вирем на мгновение смешался еще больше, не договорив слово «разругались».

— Нет, — ответил я слишком резко, чтобы это можно было счесть правдой, но уточнять он не стал. Лишь обозначил для себя опасную зону.

— И что вы намерены делать дальше? — спросил он, достаточно взяв себя в руки, чтобы вернуться к почти официальному тону. — Из этого можно что-нибудь построить, или это теперь такая часть дворца?

— Пока что часть дворца. Хотя именно за этим я спрашивал у Страйкера все чертежи, а также список всех архитекторов — чтобы попробовать восстановить нечто подобное. Но не уверен, что до этого скоро дойдет дело и, может быть, нам придется играть наперегонки с теми, кто знает то, что, как минимум, знает Страйкер.

Вирем внимательно посмотрел на меня, но не стал спрашивать про Тарси. Одно было ясно — она тоже знала, и куда больше, чем Страйкер.

— Что я должен сделать? — спросил Дон.

— Очень меня обяжешь, если поможешь с поддержкой стабильности системы. Это сложно контролировать в одиночку, находясь одновременно где-то еще.

— Уж наверняка, — кивнул он. И помялся. — Один вопрос:

есть ли в этом необходимость? Потому что если с вами вдруг что-то случится…

— Ну и что? Давно пора переходить к республике!

Он снова покачал головой, фыркнув и с деланным отчаянием прикрыв глаза рукой.

— Революционное мнение со стороны члена королевской семьи.

— Уверен, я и в этом не первый.

— Послушайте, наверное, лучше придумать, что с этим можно сделать официально, ну или хотя бы в духе военной секретности: как создать новую станцию. Конечно, всех остальных в Галактике от этого разорвет на мелкие кусочки… но будет уже поздно. И раньше же считалось, что это против некоторых принципиально физических законов, не только человеческих… — Дон ударился куда-то в совсем уж средневековье.

— Если так считалось, то что, считалось, что мы придумываем все, что там творим?

Дон неопределенно кивнул, в особенной манере, распространенной на Леде — чуть более выраженно вскидывая голову вверх, чем опуская ее, на самом деле не слишком необычно, пока не замечаешь этот «акцент» жеста повсюду вокруг:

— Были и такие слухи…

— Неважно, — я махнул рукой. — Знаешь, может быть и плевать на стабильность системы… Это все перестраховка. Нам всем надо развеяться. Как насчет того, чтобы проникнуть на «Денебский штандарт» за час до взрыва? По счастью, все эти церемониальные полеты сопровождаются очень медленной подготовкой к старту и становлению на курс.

Дон и раньше пытался осторожничать, но сейчас стало отчетливо видно, как он «трезвеет» на глазах.

— Когда? — спросил он тревожно.

— Сейчас, — ответил я. — Я видел, что за дела ты отменил. Сегодня может быть единственный такой день. А потом все хлынет, прорывая плотину. Я собирался возиться дольше, но сперва планировал сделать это в одиночку.

— Погодите! Еще раз. Существует же буферное время?

— Да, когда система обретает стабильность. А сперва его нет — и это еще один повод торопиться. Я понятия не имею, как будет вести себя система в таком состоянии, в каком она существует.

— Но ведь черт знает что может случиться! — Я не думал, что Дон в самом деле собирался жать на тормоза, он слишком заинтересовался с самого начала, но ему нужно было прояснить все детали, чтобы поверить, что это реальность. — А как же… ну

хотя бы «парадокс дедушки»?

Такое спросить можно только на нервах и когда дело совсем в новинку.

— Есть масса способов его обойти. Я сам пробовал — куда бы ты ни попал, даже в самом ближайшем прошлом, ты попадаешь не в свое собственное прошлое. Одно то, что ты смещаешься, отправляет тебя в другую версию этой реальности.

Дон немного покивал, а потом задал неожиданный вопрос:

— Вы случайно не пытаетесь покончить с собой?

— Что? — удивился я. — Почему?

— Понятия не имею… — он фальшиво кашлянул и вздохнул: — Например, пытаетесь уклониться от ответственности?..

— Нет никакой ответственности! — фыркнул я недовольно. — Все это только сверхценные идеи.

— В некотором роде. Которые собираются «хлынуть, прорвав плотину», — напомнил он. — Напомните-ка мне… Хотя вы раньше не говорили. Когда вы испытывали аппарат — мало того, что испытывали и теперь небрежно замечаете, что он нестабилен — куда вы уже наведывались? — Его выжидающий взгляд был мягок, но очень пристален.

— Ну, мне было просто необходимо это знать, — немного поразмыслив, я решил, что скрывать мне нечего.

— А именно? — нетерпеливо вставил он в чуть заметно затянувшуюся паузу.

— Происходил ли взрыв на корабле Лиги.

— То есть, вы был там в тот момент, когда корабль, по нашим данным, взорвался?! — Казалось, каждый его волосок встал дыбом, будто напружиненный.

Я кивнул.

— И как же?..

— Взрыва не было.

— А если бы был, что бы с вами случилось?!

— Автоматически вернулся бы назад. Спокойно. В сущности, там была только копия моего сознания. Если бы она не вернулась, я бы просто не получил никакой информации.

— Ага, значит, она могла не вернуться! Что заставляет вас так думать?

— Я уже говорил, что система не стабильна.

— Значит, вы каким-то образом проверяли, и что-то уже не срабатывало или шло не так, верно? Насколько это было не так?

— Проклятье… Да одного этого раза хватило бы… — Я замолчал, не уверенный, что стоит сразу отпугивать его побочными эффектами. Эффект ведь был, и далеко не из приятных.

— Наверняка все не так просто, да?

— Неважно. Были некоторые проблемы с подселением в чужую голову. Но теперь я не собираюсь использовать этот способ. Теперь перенос будет полным.

— То есть шансов не вернуться становится все больше, — констатировал Дон севшим голосом. — А если вас вообще рассеет… ну я не знаю где — по пространству-времени?

— Я же уже говорил насчет республики.

Он задумчиво кивнул.

— Ну… а если вы там были — на корабле Лиги, и взрыва там не было, вы же его не подстраивали, правда?

— Дон! — прошипел я. «И ты туда же!..» — Я, черт возьми, не подстраиваю взрывы, обычно я их предотвращаю, и кое-кому следовало бы это знать!..

— О, догадываюсь, кому.

— Иди к черту!

— Извините. — Дон успокаивающе поднял руки, и впрямь всем видов выражая извинение за чрезмерную проницательность. — Просто это правда чертовски серьезно. Я оценил ситуацию. Хуже не придумаешь. Вам надо хоть кому-то доверять.

— Можно подумать, что я могу…

— Можете. Потому что нужно. А еще куда-нибудь вы уже пытались проникнуть? Например, в тот самый день?.. Вы ведь сказали, что «обычно предотвращаете взрывы», вы уже пробовали?

— Нет. Это как раз слишком серьезно. Сперва нужно было проверить, работает ли эта штука вообще и на что она способна.

— А это действительно может что-то изменить? Ведь если не имеет значения «парадокс дедушки»…

Я покачал головой.

— На самом деле нет.

— Вот поэтому я и подумал, что может быть уже… — он пожал плечами и потряс головой, — нет, нет, продолжайте. Это ведь… «повысит вероятность», да? Для всех других версий события, если я не ошибаюсь.

— Да. Но на нашу она уже не повлияет. Ведь здесь это уже случилось. Кстати… — Я вдруг обнаружил, что мы все еще стоим, махнул Дону приглашающим жестом на кресло напротив и уселся поудобнее сам. Пора было переходить к делу. — Давай уточним данные расследования. Очень мощная вспышка излучения и все, ведь так? Даже никаких обломков. И никаких новых сообщений о них?

— Нет. Похоже, все превратилось в чистую энергию,

рассеялось. То, что сперва обнаружили в виде оплавленных обломков, оказалось старым космическим мусором, искусственным или крошкой от астероидов, задетых этой вспышкой. От самого «Денебского штандарта» не осталось ничего материального.

Я кивнул в задумчивости, все это я помнил.

— Если бы не эта оплавленность, мы могли бы рассчитывать на иллюзию.

— Мне казалось, вы до сих пор на это рассчитываете.

На это я пока не ответил, сменив тему:

— А что с другим кораблем? — Дон отслеживал всю поступающую информацию по расследованию.

— Тоже очень мощная вспышка… — начал он.

— И никаких следов от самого корабля, — продолжил я прежде, чем он окончил фразу.

— Не-ет, — Дон, отрицательно покачал головой с предупреждающим видом. Я заинтересованно приподнял брови.

— Что-то новенькое?

— Найдена пара фрагментов явно принадлежавших когда-то кораблю Лиги. Та же рентгеновская «подпись» и все такое. А ведь можно представить, насколько малы были шансы на самом деле их найти. Значит, их куда больше.

— Интересно. А оценка излучения?

— Мощнее не бывает. Очень высокое. С той лишь скидкой, что корабль был куда меньше «Денебского штандарта». Так что возникает кое-какая неувязка…

— Каким образом уцелели обломки, если повреждение совпало со вспышкой излучения?

— Именно. Конечно, если принять за истину, что излучение было настолько мощным, чтобы полностью уничтожить флагман. Но остаточная радиация в той области в самом деле ого-го.

— Выходит, ты полагаешь, в этот раз кто-то намеренно разбросал поблизости обломки с каким-то расчетом? Чтобы они заведомо хорошо поддавались анализу и идентификации?

— Это очень даже возможно. Хотя не говори вы все время о возможности инсценировки, можно было бы не обратить внимания.

— Но все-таки это могло быть и случайностью. Знаешь, нужно будет, пожалуй, провести внутреннее расследование. Во-первых, установить, что именно за следы повреждений на обломках — чем их могло повредить помимо уже известного излучения, какие-нибудь химические следы, какие действовали температуры, во-вторых, какие команды поисковиков их обнаружили. И я хочу, чтобы в расследовании участвовала Тарси

Карелл, дай ей полный допуск ко всей информации и свободу действий. Пусть разбирается.

— Хотите с ней помириться? — осторожно спросил Дон.

— Нет.

— Но все же доверяете ей.

— Не то, чтобы.

Дон открыл рот, потом закрыл, в замешательстве.

— Тогда почему? — спросил он через мгновение, не в силах сдерживать недоумение.

— Пусть ей будет чем заняться.

— Но она и так уже знает то, от чего вы хотите ее отвлечь, верно?

— Я хочу ее отвлечь не от того, что она знает.

— Не стану притворяться, что понимаю. Может, потому что думаю больше о перемещениях во времени и нахожусь в панике…

— Ей просто надо чем-то заняться. Это для того, чтобы не мириться. Нам мешают личные отношения. Пусть все будет официально, а с остальным мы покончим.

— Думаете, получится?

Я пожал плечами.

— Итак: у нас до сих пор нет ни одного идентифицированного обломка «Денебского штандарта», это на предмет сравнения, что может происходить в такой ситуации с кораблем.

— Нет до сих пор. Несмотря на то, что исследуемое пространство огромно, маловероятно, что за все это время не обнаружилось бы ни одного, если бы они все-таки были.

— Если, конечно, не проверять все подряд поисковые команды на предмет сокрытия улик и сувениров.

— А потом проверить тех, кто проверял…

— Непочатый край. Чертовски неэффективно и долго, даже если что-то не так. Пока можем опираться на то, что картины двух взрывов не идентичны. Это уже о чем-то говорит. И мы можем ускорить расследование, зайдя с другой стороны.

Дон немного помялся.

— У меня есть версия, хотя и версией это назвать трудно… Если сами вспышки были идентичными, а это пока как будто подтверждается, то что это могла быть за чертовщина? Какое-то новое оружие? Не знаю ничего, что действовало бы подобным образом. А вы? Может, где-то во времени, в разных версиях состоявшейся истории?..

Я покачал головой:

— Не встречал подобного.

— И едва ли это случайность и какая-то естественная

аномалия. Такое могло произойти раз, но дважды за короткий срок?

— Крайне маловероятно. Из отчетов, что я видел, характер излучения более всего напоминает аннигиляцию материю, вступившей в контакт с антиматерией.

— Большой взрыв в миниатюре. И как вы думаете, кто теперь это мог бы устроить? Так направленно, в нужный момент. Настоящая бомба из антиматерии?

— Возможно. Эксперименты с ней начались давным-давно.

— Но так никто пока и не использовал ее всерьез. Как вы думаете, на что это может быть намек?

— На то, что кто-то может использовать антиматерию очень легко. И может быть, ты считаешь, что этот кто-то — из другого времени?

Дон мрачно кивнул.

— Что дает возможность слухов о том, кто может использовать такое оружие. Тот, кто путешествует во времени, и тот, кому это выгодно.

Это был неприятный вывод, он меня почему-то нервировал.

— Ага… Или хотя бы, что в ответе тот, кто не контролирует путешествия во времени, что отдельный повод усомниться в чьей-то дееспособности. Ведь если это кто-то неизвестный, и это может быть целенаправленными атаками из другого времени, то это все равно приводит к тому же источнику.

— Ого… это же действительно возможно?!

— Теоретически да. Пусть мы сами никогда не попадаем в собственное прошлое, но мы понимаем, что мы не единственные во всех вариантах истории, кто это делает. Одних только нас — число, стремящееся к бесконечности, и никто не может гарантировать, что все мы благонамеренны.

— Я могу!..

— К черту, Дон, — сказал я дружелюбно.

— Знаю, знаю, — вздохнул он. — Просто хотел подбодрить. Ох, я всегда понимал, что это возможно, но говорить об этом так буднично мне еще не приходилось.

— В присутствии действующей модели машины времени, — прибавил я и полюбовался, как он поежился.

— Значит, все серьезно, — еще раз вздохнул он. — И мы можем посмотреть на смилодонов?

— Можем. Хоть сейчас. Но пока есть вероятность, что затем ты заполучишь остаточные галлюцинации на весь остаток жизни. Впрочем… может, у тебя уже какие-то есть? Это как раз может свидетельствовать о совершенном в какой-то момент времени не совсем удачном перемещении во времени, с возвратом

воспоминаний авансом еще до того, как все случилось.

— А дежа-вю считается? — с беспокойством спросил Дон. — Оно вроде бы есть у всех.

— Понятия не имею, — признался я. — Есть масса логичных объяснений, но мы тоже есть, и иногда гостим в чужих сознаниях. Нас немного, но если посчитать все обозримое будущее и все наши вариации, то, может быть, все это связано с кем-то, подобным нам, с их бесконечностью. Поэтому дежа-вю бывает у всех.

— Че-ерт… — Он помолчал и покачал головой, выглядя одновременно вдохновленным и несчастным, и страдающим от морской болезни. — Вы будто открыли форточку в ад и предлагаете мне подойти и выглянуть, а то и выйти из окна — это же самое обычное дело. А может даже, говоря с вами, я говорю одновременно с кем-то совсем другим?

Я развел руками.

— Абсолютно не исключено.

Он демонстративно встряхнулся, будто лабрадор, выскочивший из воды.

— Хватит! — воскликнул он. — Я вдруг вспомнил, что вы склонны к саморазрушению, вот почему вы так себя ведете!

— Да с чего ты взял?! — возмутился я. — Что у тебя за идея фикс?

— Это я к тем моментам, когда вы почему-то хотите казаться хуже, чем есть на самом деле.

— Ничего подобного. Я всего лишь честно предупреждаю.

— И запугивать, конечно, не пытаетесь…

— Разумеется, нет. Пойми, для нас это самая обычная реальность. Но надо иметь в виду, что у нее целая бесконечность возможных побочных эффектов.

— Отлично. Просто вы понимаете, что говорите сплошные ужасы?

— Разве? Не заметил.

— Если пользоваться головой как обычно, можно подумать черт знает что.

— И это будет верно.

— По счастью, я пользуюсь не только головой! — заявил он победно.

— А чем еще? — осведомился я подозрительно.

— Чутьем, — поведал он гордо.

— Да ладно! — рассмеялся я.

— Нет, серьезно! — он тоже нервно усмехнулся. — И оно говорит мне, что все не так страшно. Конечно, в чашке есть кипяток, и мы всегда можем насмерть обвариться, но все мы пьем

терро, и это самое обычное дело.

— Точно. Но должен же я предупредить, что «спички детям не игрушка».

— «Спички»?..

— Неважно. Такие маленькие легковоспламеняющиеся штучки.

— Но я уверен, что опасность исходит не от вас, поэтому дурные мысли побоку!

— Мне бы твою уверенность! — восхитился я.

— Врожденное чутье! — похвастался Вирем. — Вам его, кажется, не хватает.

— Я просто предполагаю слишком многое.

— В этом все дело, — кивнул он. — Не буду нести чушь, будто у вас нет оснований или на самом деле все не так. Но я бы не стал привлекать к решению то, что представляется мне метафизикой и туманной гипотетической возможностью.

Это потому что еще не нарывался на галлюцинации, призраков или гостей из параллельного будущего, и не разговаривал с ними, как ни в чем не бывало. Они бы живо перестали быть «гипотетическими».

— И был бы совершенно неправ.

— Так что возьмем старую добрую бритву Оккама! — продолжал он с облегчением. — Взрывы не идентичны. Кое-кому очень выгодно, чтобы во всем этом была усмотрена одновременно угроза — для вас и метафизика — для других. Раз мы нашли обломки, которые кому-то было выгодно, чтобы их нашли, но не нашли их в другом случае, думаю, и правда напрашивается кое-какой вывод: один из случаев — инсценировка или хотя бы сопровождался инсценировкой. Со вполне ясным намерением кого-то подставить. Скорее всего вы совершенно правы — никакого второго взрыва не было, они спокойно продолжили полет, куда бы ни направлялись. И при проверке вы видели реальный ход событий. По крайней мере, вероятность этого очень высока!

— Ну хорошо. Скорее всего: да. Но чтобы ты примерно представлял себе возможность увидеть реальность подобным образом: да, это было не единственное испытание модели. Первым делом я переместился… — я не стал упоминать о торпедах, Дон и так уже что-то подозревал о моих интересных отношениях с Танатосом, — совсем незначительно, всего на несколько часов назад, просто для проверки. В свою же собственную голову. И это оказался совсем другой мир. Внешне, конечно, все тот же. Но в нем не происходило того, что случилось с «Денебским штандартом», он никогда не взрывался, все были

живы.

Повисла неловкая напряженная пауза.

— Понимаешь разницу? — продолжил я, откашлявшись. — Всего несколько часов, и разница во множество жизней. Ведь это никак нельзя назвать незначительной разницей. Так что возникает еще один вопрос: путешествуем ли мы во времени хоть когда-нибудь. Или это путешествия в нашем собственном воображении.

— Но вы же спасли «Горгулью»! — нашелся Дон ровно через пять секунд.

Тут он был прав. Как я-то мог об этом забыть хоть на минуту?

— Не совсем мы…

— Значит, и от иллюзий есть прок! — бодро улыбнулся Вирем.

Я всегда подозревал, что он сумасбродный оптимист. Впрочем, он всего лишь исправно играл роль противовеса, которого так не хватает, когда пытаешься действовать в одиночку и в итоге притворяешься, чтобы осмыслить все возможности, и лебедем, и раком, и щукой, а потом еще удивляешься собственной нерешительности.

2/4. Фальстарт

— Так что именно я должен тут делать? — уточнил Дон.

— Забаррикадируй коридор и отстреливайся от революционно настроенных элементов, которые попытаются мне помешать, пока идет процесс.

Дон нервно усмехнулся.

— А серьезно?

— Если серьезно, мне нужен кто-то, кто будет следить, чтобы показатели системы внезапно не изменились, пока я буду отсутствовать.

— Даже не представляю, что делать, если они начнут меняться.

— Я тоже не очень представляю, что можно будет сделать, если совсем все расстроится. Но вот тут есть функция автоматической отладки параметров. Возможно, понадобится запускать ее вручную. А потом молиться. Ну и сам знаешь, присутствие наблюдателя имеет значение даже для электронов.

— Особенно для них, я бы отметил.

— Чем элементарней, тем фундаментальней. Наоборот работает не всегда, но мы все равно будем надеяться.

— Что, если внезапно упадет энергия?

— Вот тут схема основных источников. Но если упадет катастрофически, то делать нечего, только ждать, когда восстановится само.

— Ох, мне очень не нравится мысль… — Дон выдержал паузу и решил не говорить очевидного, перейдя к другим деталям: — что бомба могла быть телепортирована. — Его голос сник, как умирающий лебедь.

— М-м?.. — И чем это предположение могло быть хуже версии с трудноуловимыми биоторпедами? На флагмане акул точно не было, как и других подходящих живых существ, оставались бы только люди. Но в любом случае их работа не напоминала ничего подобного наблюдавшейся дважды картины «аннигиляции». Тем не менее, особый сканер и для такого вида оружия теперь был у меня в арсенале.

— Насколько я знаю, в данный момент эта технология известна только в сцепке с перемещением в пространстве-времени. Я имею в виду — с упором на последнее… Это технология «Януса».

— Ага.

— «Янус» ведь больше не ваш.

— Да. Я заметил.

— Вы не думаете?.. — Он отлично знал, что думаю, но хотел уточнить, что именно я предполагаю.

— Всегда есть варианты. Кто-то и помимо «Януса» может знать больше в настоящий момент — добыть хотя бы фрагментарную информацию, а затем доработать пробелы всегда возможно. Если что-то существует, оно существует, нельзя закрыть к нему все дороги. А может быть это и то, что ты думаешь — это кто-то, в чьих руках сейчас находится «Янус». Или все-таки атака из будущего. По крайней мере, телепортация или нет, это то, что можно будет по крайней мере исключить, если я там побываю…

— Но как исключить? Даже если вы обнаружите, что она оставлена каким-то обычным образом, это же будет значить только, что это одна из версий развития событий.

— Она хотя бы будет, эта версия. Хотя верно, в целом она ничегошеньки не докажет, но может подсказать, где искать концы обычным образом, и если они найдутся на самом деле, это и только это будет подтверждением.

— Ух… Но соваться ради этого прямо туда… и не копией, полностью, черт возьми, что будет, если что-то там взорвется раньше и вместе с вами?! Стоит ли?..

— Стоит, — сказал я, покосившись на диск репликации. Копия фиксирующего зону передачи устройства была почти готова.

— А еще, это само по себе может быть ловушкой.

— Очень ненадежное это дело в вероятностях, чтобы пытаться ставить такие ловушки.

— Неизвестность следует трактовать в свою пользу, да?

— Обязательно.

«А ведь на Леде есть человек, который куда лучше меня разбирается в машинах времени», — заметил Дон несколько раньше. — «Есть, но пока он не в счет», — ответил я. Очень не хотелось дергать за торчащие нитки все того же старого клубка, не после того, что сказала сегодня Тарси. Пора было целиком оставить его в покое. Ничто не может существовать без притока «свежей крови».

— Еще момент, — с некоторым напряжением проговорил Дон. — Просто уточняю. Вы все-таки собираетесь вмешаться в ту, другую, историю и «исправить» ее. А если не выйдет? Ну, не будет получаться, и вы это поймете. Вы же постараетесь вернуться в любом случае?

— Что за вопрос?! — возмутился я.

— Вы же сможете, если не получится, попробовать еще раз.

— Разумеется.

— Не забывайте об этом, хорошо? Потому что если вы не вернетесь, некому будет попробовать снова. Вы же меня понимаете?

— Более чем.

— Подумайте еще раз: если бы что-то могло измениться, уже изменилось бы…

— Дон…

Он замахал руками.

— Я же прекрасно понимаю, что может случиться, если… когда вы их увидите. Вы можете не захотеть их оставить. Лучше бы уж не вам это делать. Может, давайте я попробую? Или вместе? Вы что-то говорили насчет этого в начале…

— Если бы что-то могло измениться, уже изменилось бы, — повторил я. — Ты не можешь надеяться, что у тебя получится лучше. И у меня больше опыта в таких вещах. Ты можешь оказаться совершенно дезориентирован в свой первый раз, да и энергии на перемещение двоих все же может не хватить, так что да, я подумал сперва о такой вероятности, но лучше не рисковать. Кто-то должен быть прямо здесь для страховки. А вот если все пройдет удачно и с автоматикой все будет в порядке, тогда уж…

— Да поймите, может быть, ничего не изменилось именно потому, что вам не хватило шансов?

Я на мгновение уткнулся лицом в ладони.

— Или потому что из-за всех этих соображений я так ничего и не сделал. Понимаешь, где-то в вероятностях всегда должен быть тот самый первый раз, где ничего не меняется, но именно он может изменить все для всех остальных. Где-то он всегда есть. И… Дон, сядь наконец! А то у меня заранее голова кружится.

Диск репликации тоненько запищал. Готово. Ну слава богу… Я схватил новенький браслет, только что сотканный из универсального полимера и необходимых химических элементов, содержавшихся в особом картридже для «печати», будто сдернув убегающий с допотопной плиты старомодный кофе.

Да, даже все эти разговоры были необходимы, но еще немного, и я сойду с ума, и от них, и от нетерпения.

— Стойте! — воскликнул Дон почти в отчаянии. — Пять минут! Просто пять минут тишины. Вы же не можете отправиться туда в таком состоянии. Несколько глубоких вдохов… И терро допейте, пожалуйста, пока не остыл. Я тоже помолчу, обещаю!

— Хорошо.

Пять минут тишины — это отличный совет. Заодно и проверить все еще раз и убедиться, что все в порядке. А затем, на самом деле все еще не приходя в сознание, глубокое погружение!..

«Так… — подумал я. — Заодно проверим, насколько тебе можно доверять, Дон…»

Способ проверки был немного радикальным, но не рискнешь, не узнаешь.

Сердце бешено стучало где-то в горле в веселой тревоге.

Я глубоко вдохнул, выдохнул, и внезапно почувствовал себя невероятно свободным. Как здорово, что Тарси вздумала выкидывать коленца. Без нее, в глубине души, мне было гораздо лучше! Представления не имел, что это так хорошо подействует. Оказывается, одно ее присутствие в моих мыслях было тяжким грузом. Всего лишь попытка что-то чувствовать и проявлять чувства, когда можно прекрасно обходиться без всего этого!

Итак, я находился на «Денебском штандарте», в собственной каюте, которая должна в данный момент пустовать…

Должна… Если, конечно, я в этой версии случайно не нахожусь тут же…

От этой мысли будто проскочила электрическая искра, я вздрогнул и поспешно открыл глаза, пытаясь оглядеться, хотя в первые мгновения ничего не различал, кроме настырно плавающих вокруг радужных кругов. Итак…

Я был не в каюте.

Пожалуй, я даже не был на корабле.

И даже не в секторе Денеба, как бы он ни был огромен.

Хотя я увидел что-то знакомое, проступившее через радужные всполохи и головокружение: витражи. Яркие цветные витражи, как в старой Капелле. Но в отличие от нее, судя по всему, настоящие. В них бил солнечный свет, в котором вились пылинки и мошки, и дымки от дрожащих огоньков свечей. Сладковато пахло курящимися благовониями, и во все глаза на меня уставился священнослужитель в митре, судорожно сжимающий свой посох. Я возник прямо у алтаря. Вокруг даже было не то чтобы тихо, я смутно припомнил начальный гул, на который не обратил внимания, приняв за небольшие галлюцинации, нередкие сразу при перемещении, — возгласы, придушенные вскрики, лишь потом пала тишина. Все боялись и вздохнуть, и пошевельнуться. Вот это да…

— Простите за беспокойство, — пробормотал я, не заботясь о том, чтобы перейти на латынь или любой из земных языков, вовсе ни к чему было, чтобы меня поняли, и вцепился в браслет — только бы сработал и я убрался отсюда! Да уж, непрофессионально вышло, но спасибо и на том, что это оказался не собор Святого Петра или Павла, не Нотр-Дам, и даже не собор святого Вита. Не что-нибудь знаменитое — и то счастье.

И главное, что убраться удалось: когда в голове прояснилось снова, я увидел встревоженного Дона с торчащими дыбом волосами — видимо он их нервно трепал все это время.

— Ну как, получилось?! — мне показалось, он почти закричал. Видимо, ему показалось то же, он прикрыл рот рукой и откашлялся, проверяя тембр и уровень звука.

Я поморщился, будто у меня было похмелье, и покачал головой, испытывая досаду и вместе с тем большое облегчение — по крайне мере я вернулся. Обратная связь работала исправно.

— Нет.

— Мне так жаль!.. — Он искренне выражал сочувствие, но я расслышал в его голосе и нотку фальши: он преждевременно радовался, что как бы то ни было, хотя бы на сегодня все закончилось, и на вид я вернулся целым.

— Подожди жалеть! — Я перевел дух. — Уф! Я просто оказался совсем не там.

— А где? — удивленно и встревоженно вопросил он.

— В какой-то церкви. Позднее средневековье, судя по местной моде и всему антуражу. Даже приглядываться не стал, поспешил вернуться. Был там лишь несколько секунд.

— Ого! — в глазах Дона мелькнул восхищенный огонек, он был бы явно не прочь так ошибиться, без далеко идущей цели и не стремясь ни к чему важному.

— По счастью, браслет работает. Но раньше такого не бывало, я всегда попадал туда, куда нужно. Думаю, намек в витражах. Их там было полно. Что-то с подключением в систему Капеллы не так. Она сбила настройку, вплела какую-то свою часть программы.

— Как такое возможно?..

— Частично система использует образы, перехватываемые непосредственно из нашего сознания, когда ей не хватает информации, или, возможно, когда реагирует на избыточность… даже не могу сказать, чего именно: информации или энергии. Или на какой-то общий дисбаланс.

— И что теперь делать?

— Для полной диагностики и перенастройки придется повозиться. Это займет время. Лучше ее пока совсем отключить.

— А если энергии не хватит?

— Зато пока я точно попадал туда, куда нужно, — даром, что попадал только в виде «чистого разума», вернее, его копии, которой, в крайнем случае, было не жалко. — И сейчас у меня уже есть стабилизатор.

Я не хотел сейчас отказываться от своего плана, чувствовал, что уже не могу остановиться — жирный намек на одержимость,

хотя произошедшей встряске-передышке, оттягивающей неизбежное, я тоже был почему-то рад.

— Может, попробуем еще раз? Просто попробуем подкорректировать?

— Да? И в следующий раз я окажусь в жерле вулкана или в безвоздушном пространстве?

Я слегка преувеличивал, но только слегка. Приоритетом программы было помещать клиента в приемлемую для сохранения его жизни среду. Но все-таки сбои есть сбои, если что-то неисправно, оно неисправно. Это может коснуться и приоритетов.

— Ладно, рискнем еще разок, — все же согласился я и заново задал координаты.

Первым, что я почувствовал на этот раз, был шквал морской воды, окатившей меня с головы до ног, в следующее мгновение палуба резко накренилась, и я покатился к противоположному борту, целясь головой в лафет какой-то пушки. Лафет был оптимистичным прогнозом… Ладно, зато я был уверен, что в этой суматохе меня никто не заметил!..

Я снова возник в кабинете, отфыркиваясь. Дон изумленно уставился на меня. С одежды ручьями текла вода, разве что пойманные рыбки в карманах не плескались.

— Где это вы были?.. — опешив, вымолвил он.

— Где-то в море, на каком-то паруснике… На этот раз это хотя бы был корабль. Почему-то меня все время сносит прямо на Землю и в далекое прошлое.

— Может, это потому что перенос полный? — предположил Дон. — Что-нибудь вроде инерции, увеличившейся «силы тяжести», а не из-за Капеллы?

— Не знаю точно. Отключим, тогда узнаем.

— А если жерло вулкана?..

— Тогда в очередной раз вспоминаем о благах демократии! Ура!.. — Я наконец нашарил в кармане носовой платок, почти не промокший (заодно с благодарностью вспомнил о некоторых приятных свойствах современной ткани) и смахнул остатки влаги с лица. — Шучу. Мы уже зря потратили массу энергии. Скорее всего, если ее окажется недостаточно, я просто никуда уже не отправлюсь и останусь здесь. На сегодня тогда закончим с экспериментами, попробуем хотя бы завтра.

— Хорошо… Вы не хотите переодеться?

— Чепуха. Да здравствует водоотталкивающая ткань, все уже почти стекло на пол, — кроме того, что затекло за шиворот, — остальное быстро высохнет.

— Ладно, ладно, — вздохнул он.

И мы отключили Капеллу.

Возможные побочные эффекты? Скорее уж нас ждало отсутствие какого бы то ни было эффекта. Что ж, потом, так потом…

Мерный, почти неслышный гул двигателей, едва уловимая вибрация. Знакомый запах. Да! Я попал туда, куда нужно — в свою каюту на «Денебском штандарте».

3/4. Глубокое погружение

Едва открыв глаза, я непроизвольно сощурился. Еще до того я почувствовал, что датчики засекли мое присутствие и в каюте зажегся свет. Я уже и забыл, каким белым все было когда-то на Леде. Когда-то этот цвет казался мне холодным и безжизненным, теперь он стал светом потерянного рая. И все же оставался слишком резким, даже в моей каюте, где я всегда намеренно его приглушал, по крайней мере, такая резкость не совсем комфортна сразу после перемещения во времени…

Точно. Мое присутствие здесь не предвиделось, так что автоматика выдала стандартные сто процентов освещения. Любопытно, каково тут с режимом конфиденциальности, обычным для наших личных покоев — но только тогда, когда наше присутствие в них предусмотрено? Одно внезапное включение света могло передать на пульт безопасности сигнал о вторжении. Или хотя бы о неисправности, всегда нежелательной на борту, ведь двери не открывались, и никто не мог появиться здесь ниоткуда. Теоретически.

Но чтобы выйти отсюда, как минимум, одну дверь открыть придется. Я немного поколебался. Никаких сирен, даже если где-то они запели, я не слышал, и это создавало иллюзию того, что я все еще могу остаться незамеченным и сделать шаг назад. Что, если просто связаться с отцом или Линор и предупредить их о том, что может произойти? Поверят ли они мне? Тому, что я не говорю с ними с Леды, и тому, что у меня всё в порядке с головой — последнее и так давно было под вопросом. И то, что я появлюсь у них перед глазами, даст окончательный ответ на этот вопрос.

Но дело не во мне. А в том, что, если все получится, им потом придется объясняться, что я тут делаю, и насколько безопасен для вселенной. Это не замкнутый мирок заговорщиков на «Горгулье». Ох уж эти рефлекторные доводы рассудка… А если именно моя осторожность привела к тому, что в моей реальности ничего не изменилось, но могло бы измениться, поведи я себя иначе?

Я сделал два нетерпеливых шага к двери, одновременно подняв и держа наготове правую руку с коммуникатором, встроенным в часы на запястье — с левого их вытеснил временной стабилизатор. И, не давая себе времени слишком задумываться о том, что делаю, нажал на кнопку выхода на стене. Если дверь не заблокирована на время этого полета… Панель отъехала в сторону, вглубь стены, и я выглянул в абсолютно пустой коридор, увешанный официальными портретами правящей династии — никогда не забывайте: мертвые смотрят на

вас с укором. В полной тишине. Невольно в мою голову закралось подозрение, что я проник на корабль-призрак. Опустевший как «Мария Селеста», дрейфующий в нигде — уже после того, как все случилось. Я вполне мог снова попасть «не туда», или «не тогда».

Нервы у меня не выдержали, я отступил назад и снова закрыл дверь. Что я помнил о режиме конфиденциальности на флагмане? Ведь нарочно уточнял детали. Но малейшая разница в вероятностях могла пустить любое знание насмарку. Если каюты не блокируются, значит, предполагается, что они используются во время полета. Системы безопасности никак не реагируют на присутствие тех, кому положено здесь находиться. Общий коридор к каютам членов королевской семьи обычно блокируется снаружи, когда все покидают отсек. Без повода никакие камеры не включаются. Предполагается, что мы сами подаем сигнал, когда нам что-нибудь нужно.

То, что дверь каюты не была заблокирована, могло означать две вещи: никто не задумывался о том, чтобы повысить уровень безопасности, а мои родственники не собирались натыкаться на какие-то закрытые двери только потому, что меня здесь нет, или это говорило о том, что в этой версии событий я тоже могу находиться на корабле.

«Да нет, вряд ли, — подумал я, снова оглядевшись. — Я бы убавил свет». Но вдруг в этой версии событий он меня почему-то не раздражал?

Я все-таки нажал на кнопку коммуникатора, заранее настроенную на «быстрый вызов». Одно нажатие. Двойное означало бы Линор. Возможно, вызвать сначала ее было бы более разумно, но я не хотел терять время на повторные объяснения. Если, конечно, отец может сейчас ответить.

Прошла целая вечность, уместившаяся в полторы секунды. Я успел пожалеть о том, что все-таки не вышел за дверь, не переместился сразу на мостик, чтобы некуда было отступать, и еще четыре раза подумать как об оптимальном выборе о самых противоположных вещах. Будь я электроном, я бы просочился сразу в несколько щелей в вероятностях, чтобы не выбирать. Что ж, как настойчиво напоминал Дон: возможно, не в последний раз. Но что, если самым удачным окажется тот, какой есть, а прочие окажутся хуже? Тогда лучше никуда не бежать и оставаться на месте.

— Эрвин? — наконец услышал я удивленный, но рассеянный, будто его обладатель был занят чем-то еще, голос отца. Такой знакомый, со всеми этими обычно не замечаемыми оттенками, тембром, тысячей штрихов интонаций, делающих его живым.

— Да… — ответил я тут же, но, по-видимому, беззвучно. —

Да, — повторил я, кашлянув, хрипло, но, по крайней мере, вполне отчетливо, разозлившись на себя за невольную паузу.

— Ты что-то забыл сказать, когда мы прощались, или что-то случилось? — поинтересовался он с веселой небрежностью, будто на ходу.

— Нет, не забыл. Я не тот, с кем вы попрощались. Я из другого времени. И сейчас я с вами на корабле. Вам нужно срочно просканировать его на предмет взрывных устройств, лучше обыскать вручную — можете представить, сколько времени это займет. Так что еще лучше просто покиньте его и возвращайтесь на Леду. Тут небезопасно. Я не знаю, что именно произошло, и как была совершена атака, но все случилось при переходе в гиперпространство. Он ведь назначен у вас через час? — Флагман — штука солидная. Для маневров, разворотов и занятия стартовой позиции ему требуется время. Хотя бы для того, чтобы сохранить свою величавость.

Последовала вполне естественная тишина. Я видел по огоньку на коммуникаторе, что он не отключился. Более того, загорелся еще один огонек. Он подключил Линор.

— Эрвин?.. — его голос прозвучал на этот раз очень осторожно и приглушенно.

— Я знаю, что вы можете подумать. Но можете проверить. Связаться со мной на Леде — я там, и ничего не знаю о том, что происходит здесь. И можете проследить сигнал — он исходит из моей каюты.

— Хорошо, — коротко произнес он. И я услышал негромкие щелчки, исходящие от двери — она наконец была заблокирована.

— Вы же понимаете, что блокировка дверей меня не остановит, если я надумаю переместиться. — Честно говоря, больше шансов было распасться на атомы, чем переместиться аккуратно за дверь. Или израсходовать энергию, необходимую для возвращения. Интересно, предполагал ли он нечто подобное? Едва ли. Скорее мог предположить, что я нашел способ воспользоваться «Янусом», и тогда просто рассчитывает, что я прислушаюсь к его просьбе, потому что она разумна. А дверь всегда можно и расстрелять… Не говоря о том, что у меня был универсальный электронный ключ, как у главы государства. Когда я стал им, «Денебского штандарта» уже не существовало, тем не менее универсальный допуск к системам был универсальным во всем. Но мысли нервно скакали по самым диким вариантам.

— Это просто предосторожность. Не выходи оттуда. Линор сейчас подойдет к тебе.

— Да, я здесь, даже если она идет с инъекцией

успокоительного. Я не хочу никого пугать лишний раз.

— Спасибо, — сказал он помедлив. — Подожди ее. Я отдам соответствующие распоряжения и подойду тоже.

— Жду.

Огоньки не гасли. Мы оставались на связи, хотя я не слышал ничего из того, что происходило на том конце. Но всегда мог попробовать возобновить беседу.

Отсюда был еще один выход — через «потайной» коридорчик в другие каюты.

Я подошел к запасной двери, задекорированной под обычную стенную обшивку, и проверил ее. Она не была заблокирована, и я оставил ее открытой. Что ж, и то хорошо. Они всего лишь опасались, как и я, что меня могут увидеть, но показывали, что не боятся меня самого. Паранойя тут ни при чем, пусть она и цвела у меня пышным цветом. Черт знает, что могло появиться из другой вероятности, если я говорил правду. С тем же успехом я мог ожидать, что появившаяся Линор первым делом пальнет в меня из бластера, всего лишь из соображений самозащиты. У нее были все основания бояться меня — как неизвестности, лишь замаскированной подо что-то знакомое.

Коммуникатор выдал тонкий писк, замигал зеленый огонек.

— Линор?! — позвал я.

— Эрвин? Ты здесь? На корабле? — пробормотала она, будто запыхавшись. Видимо, она была уже на подходе к своей каюте, во временно пустующем, но уже разблокированном отсеке.

— Да. Я открыл двери между нашими каютами, но жду у себя. Не собираюсь ни на кого нападать и никого пугать. Хочу только, чтобы не произошло то, что я помню.

— Господи, это в самом деле происходит?..

— Да, происходит.

— Эрвин, ты в порядке?

— Что за странный вопрос?.. Хотя понятия не имею, совпадает ли мое прошлое в точности с вашим. Со мной что-то сильно не в порядке в вашей версии событий?

— Да нет, не то чтобы, просто… Ты каждый раз намерен появляться где-то на корабле и оповещать всех о грядущей катастрофе? — Я услышал, как она подавила смешок, немного нервный, но все же скорее веселый и заинтересованный.

— Только в исключительных случаях!

— Так же нельзя!

— Кто и кому это рассказывает?! Ладно, я допускаю, что с вами и так все будет в порядке, такое возможно, я не «Летучий Голландец». Но я хочу, чтобы все было еще раз перепроверено, не дежурно, каждый угол, каждый закуток. Да, и моя каюта тоже! Я

понял, что на мое появление не среагировала сигнализация. Может быть это нормально, а может быть, и нет. Помещение должно было пустовать — если нужно что-то спрятать, почему бы не здесь? Кстати, отличная мысль! Сканер у меня есть, начну проверку отсюда.

— Узнаю моего брата, — по голосу Линор было ясно, что она улыбается, хотя слышно ее стало чуть хуже — я отвел коммуникатор от дальше от уха, доставая из кармана и настраивая портативный сканер. — Ты уверен, что не находишься сейчас на Леде?

— Навести меня, и узнаешь, — ответил я довольно обиженно.

— Хорошо, — сказала она. — Я уже здесь. Рядом с твоей дверью.

Я повернулся к открытой панели, забыв про сканер.

— Эрвин? — ей уже не нужен был коммуникатор.

В нежно-персиковом атласном платье моя сестра выглядела так, будто ее просто очень элегантно завернули в ткань, и совершенно не предполагалось, что она еще должна в этом как-то двигаться.

— Линор… — Изображение в невероятно ярком свете дрогнуло, в глазах защипало. Я и представления не имел, как на меня подействует присутствие кого-то из них во плоти, по-настоящему. Унять дрожь не вышло, я понятия не имел, какого черта вытворяет мой организм, я ничего подобного не планировал — он будто жил собственной жизнью.

— Эрвин! — она подбежала ко мне, пока я пытался понять, что со мной происходит, и крепко обняла. Как любили говаривать в далеком прошлом, я «всем существом» ощутил ее тревогу и заботу. — Ты выглядишь… иначе.

— Наверняка… — я очень осторожно обхватил ее за плечи, подавив желание вцепиться в них мертвой хваткой. — Господи, ты!.. — Живая, теплая, дышащая, говорящая и действующая. Не в моем мире, в котором этого никогда уже не случится. Но и в этом я легко могу снова ее потерять.

— Да, все в порядке, в порядке… — Она недоуменно пощупала мои рукава и слегка отстранилась: — Одежда промокла, — сообщила она. — Если ты вдруг не заметил. Ты умудрился где-то попасть под дождь?

— Нет. Попал случайно на другой корабль. Знаешь, морской, с парусами и пушками…

— А-а… — Она потянула носом и кивнула. Я впервые заметил, что она делает это так, как делают на Леде — вскидывая голову вверх. — Солью пахнет… — Пусть соль описывают как химический элемент без запаха, но мы-то знаем, что имеем в

виду, когда говорим про специфический запах моря, и запах ли это соли на самом деле, глубоко неважно. — Ты с яхты?.. — засмеялась она. Кажется, она не могла решить, стоит ли принимать мои слова всерьез. Но она уже поняла, что я выгляжу не так, как тот я, с которым она недавно рассталась.

— Нет. Неважно…

— И… ты в черном?

— Да… Мне всегда казалось, что на Веге слишком много белого. А черный напоминает мне «Янус»… — оправдания прозвучали как-то нервно.

— Ясно, — сказала Линор, и в ее голосе уже не было и тени иронии. — Из-за нас.

— Не совсем… я надеюсь, что именно с вами ничего плохого не случится. Да и кто знает, чудеса случаются…

Линор снова кивнула, хоть и очень дежурно.

— Значит, ты теперь король? — это прозвучало так, будто она пыталась сказать что-то смешное. Просто чтобы не было так страшно.

— Нет.

— Почему? Что случилось?

— Ничего особенного. Просто не хочу… Нет, я вовсе не бросил все, — ответил я тут же на невысказанный вопрос. — Все сложно. Не хочу торопиться. Объявил себя принцем-регентом и, как могу, отбиваюсь от коронации.

Линор с трудом сдержала улыбку.

— Могу представить. — Она прикусила губу и задумчиво опустила голову. — Ты надеешься, что мы вернемся каким-то образом. Вернее, пытаешься сам нас вернуть?

— Пока еще вы не вернулись.

— Я поняла. Про «пока еще»… И для этого ты ухитрился вновь пробраться на «Янус»? Как тебе это удалось после всех скандалов?

— Это не… Ты же не хочешь знать будущее, которое может быть вовсе не вашим?

Она удивленно подняла брови.

— Кто сказал, что не хотим?.. — И напряженно сжала губы. — Как ты понимаешь, корабль движется на автопилоте. Программа задана давным-давно. И видишь ли, в чем очень странная штука? Мы не можем изменить эту программу…

— Что?! — Я отпрянул. Никакой безмятежности в них не было? Я все расшифровал неверно. — Линор! Тогда нам надо немедленно выбираться отсюда. Что там у вас со спасательными шлюпками?

— Все резервные системы заблокированы.

— Какого?!.. Значит, ваша версия определенно не та, где ничего не случилось. Вы не можете развернуть флагман и покинуть его?

Она покачала головой.

— Не можем. Родители проверили, пока я шла сюда, и сообщили об этом… — И потянула меня за рукав, оттаскивая от дверей, к которым я уже бессознательно направился. — Нет. Стой. Тебя не должны здесь видеть!

— Чего здесь не должны, так это уничтожить корабль с экипажем и пассажирами! Нам надо осмотреть его. Вдруг мне что-то придет в голову?

— Весь осмотреть ты все равно не сможешь и не успеешь. — Линор нажала на кнопку на своем коммуникаторе. Всплыла голографическая картинка. — Вот корабль. Давай осмотрим его, если хочешь.

— Ты смеешься? — возмутился я. — Это всего лишь схема.

— По которой можно оценить риск на месте, предположить, где могут быть самые уязвимые места. Вместо того чтобы носиться по кораблю. Это только отнимет время.

Я перевел дух и взгляд тоже — на зависшую в воздухе голограмму.

— Это совсем не одно и то же, — мрачно сказал я, кивнув на переплетенные полупрозрачные светящиеся линии разных цветов и интенсивности.

— В глубине души ты знаешь, что это лучший вариант. Тебе хватило осторожности не объявиться сразу на мостике или посреди машинного отделения.

— Мне всего лишь нужно было тихое место, где я мог осмотреться в первые секунды и понять, что я попал туда, куда нужно.

Линор с улыбкой покачала головой.

— Тебя раздирают противоречивые чувства. Поверь, я отлично понимаю. Мы все понимаем.

— Вы слишком спокойны, — заметил я подозрительно. — Как будто это происходит не с вами. Или, может, я тут не единственный из будущего? Вы знаете что-то, чего не знаю я?..

— О чем ты? — удивилась Линор. И усмехнулась: — Это и правда происходит не с нами. Это происходит во сне. Разве ты — настоящий? Ты же из другого мира. Хотя… — она опять тихо вздохнула. — За последние месяцы ты, казалось, никогда не был ближе, чем сейчас.

— А уж у меня за последние месяцы…

Она крепко ободряюще сжала мою руку, и потянула к голограмме.

— Постараемся справиться. Тут полный план. Есть идеи, какие уголки стоит проверить в первую очередь?..

— Да. Послушай. Есть еще вариант. Я могу забрать вас с собой. На весь экипаж энергии не хватит, но…

— Забудь об этом! — резко воскликнула она. Будто пытаясь стряхнуть с себя сон, которым я был.

— Линор! Не надо бросаться прекрасными лозунгами о правильности…

— А ты не пытайся похитить нас из одного мира, только чтобы перенести в другой! Ведь это не ты все подстроил, верно?..

Я предпочел пропустить это мимо ушей. Хотя, может быть, именно этим объяснялась их прохладная сдержанность, которую я принял за безмятежность и спокойствие.

— Может быть, я сумею справиться с управлением. Но не через схему же. Черт, если бы это был я, я бы уже был там, на месте… да и спрашивать вас, прежде чем похитить, не стал бы…

— Верю, верю! Но кому потом придется объясняться, когда все уже хорошо кончится? Так что смотри на схему, и попробуй предположить, что здесь может быть не так!

— Это невозможно… — Спустя четверть часа параллельного тестирования кучи программ, я взвинченно глянул на часы. — Я совсем не так себе все это представлял! Чертова осторожность. Конечно, надо было появиться прямо на мостике, чтобы убедиться, что все всё приняли всерьез! Шесть! Шесть бомб в тайниках в машинном отделении! — Невидимых для сканеров — чтобы их найти, пришлось перерывать все закоулки вручную, сперва убедившись в странных несоответствиях указанной толщины переборок на схеме. По крайней мере, тут не оказалось биоторпед и других видов взрывных устройств, для которых я захватил на всякий случай программы обнаружения. — Проклятье!..

Но я все еще оставался на месте, хоть и бесился, как зверь в клетке. Теперь мне казалось, что выходить уже просто поздно и бессмысленно.

— А разве ты все еще не можешь это сделать? — Линор с легким ехидством указала на мой стабилизатор временного поля.

— Я могу попробовать, но…

Линор прищурилась, наблюдая, как я колеблюсь.

— Ты чего-то боишься. Ну конечно… Столько времени прошло. Странно, что буферная зона «Януса» еще не восстановилась. Ты думаешь, что в любой момент связь может прерваться, и не хочешь испытывать судьбу?

— Можешь считать и так.

— Что значит «могу»? — переспросила она озадаченно. —

Чего ты не договариваешь? Послушай, если все пройдет хорошо, ничего этого не случится и тебе не придется ничего такого делать. В нашей версии событий. А если все кончится плохо, никто ничего и не узнает! — в голосе Линор зазвучало нездоровое веселье.

— Ох…

— Эрвин, все очень похоже, но на самом деле мы из разных миров, не забывай! — Она посмотрела на меня слегка завороженно и не смогла сдержать улыбку. — Господи, тебя совсем не отличить от нашего!..

— И тебя тоже… Да, да, не забываю… — Я смотрел на голограмму, где очень медленно разные части схемы меняли цвет — проверенные визуально и прочими примитивными способами отсеки — не все известные взрывные устройства поддавались техническому сканированию. Те, что уже были найдены, оказались старыми недобрыми многоступенчатыми «невидимыми», надежными как последние сволочи и безликими в силу распространенности, «ежами». Схема понемногу темнела, отсеки, которые должны были быть проверены в первую очередь, уже были проверены.

Но то, что я знал о катастрофе, не было похоже на их работу, впрочем, как и на работу других известных мне устройств, и поиск продолжался. «Денебский штандарт» — большой корабль. Свои каюты мы с Линор тоже уже перерыли и просканировали сами. Нужно ведь было, чтобы именно сюда так никто и не зашел. Схема подсказала еще несколько неизвестных нам раньше тайников. Но там никто ничего не забывал.

— «Янус» тут ни при чем. Возможно, буфер там давно в норме и станция ничем не помогла бы нам с самого начала. Я нашел другой источник. Нет, это пока не новая станция. Строить пришлось бы долго и дипломатически сложно, сами знаете — даже если тайно, или особенно если тайно. Да, это все равно стоит в планах, но не суть… Пока я просто подключил к снятым схемам энергетические системы дворца. Они очень мощные, и большая часть этой мощи никак не используется. Масса заброшенных внутренних генераторов, автоматических станций и подстанций, заменявшихся новыми, но так и не убранных, оставленных «на всякий случай», да так и похороненных в стенах…

— Что ты сделал?.. — оторопело прошептала Линор. Услышав непонятный оттенок в ее голосе, я посмотрел на нее и увидел ужас в ее широко открытых глазах.

— То, что я уже сказал. Удивительно, но это работает. Я же здесь.

Она протянула руку и еще раз пощупала мой уже высохший рукав.

— Море. Ты сказал, что попал не на тот корабль. Это в самом деле была не яхта на Леде? Ты пытался попасть сюда и попал, куда не планировал?!

— Я нашел причину. Отключил одну из вносивших диссонанс систем. Не волнуйся, это не первое испытание, только первые были ментальные, а не физические.

— «Не волнуйся»?! Это первый успешный, да и то с огрехами, физический перенос? Ты же сам волнуешься, что тебя может занести куда угодно!

— Это всего лишь предосторожность!

— О господи, да ты даже не уверен, сможешь ли вернуться!

— Линор, не утрируй! Я уже дважды оказывался «не там», и ничего, всегда исправно возвращался. Только не знаю, удастся ли мне переместиться в пределах одного и того же корабля — не уверен в аккуратности, но она мне и не слишком-то нужна. В конце концов, мы можем выйти и через двери!

Глаза Линор удивленно и возмущенно расширились, но в них плясали веселые искры, как бы ни было странно или пугающе то, что происходило, ее душа пела. Кто из нас мог долго выдержать без путешествий во времени?

— Можете быть уверены в том, что мы все слышали! — объявил отец, входя в каюту тем же путем, что вошла Линор. За ним следовала и мать, молчаливая и взволнованная.

— Папа! — Знаю, обычно люди в сложную минуты склонны звать маму, но так уж исторически сложилось с нашего не то чтобы нелегкого, но не слишком стандартного детства. И слишком уж я привык именно его звать на помощь.

Матери я только виновато и неуверенно улыбнулся. Она знала, что я рад им всем, но проблемы перемещений во времени касались в первую очередь тех, кто был к этому активно причастен, не считая того положения, что все мы движемся во времени со скоростью света, за вычетом скорости, с которой движемся в пространстве.

— Догадываюсь, ты хотел бы рассказать гораздо больше, чем можешь. — Он с легкой иронией усмехнулся в усы, встопорщившиеся от этого так привычно и успокаивающе, что я почувствовал себя как дома. Как не чувствовал уже на самом деле очень давно. — По крайней мере, корабль уже управляем, взят под контроль. Спасибо.

Я выдохнул.

— Отлично! Неважно, что будет дальше, у меня есть идея. Несколько, на самом деле. Во-первых, к черту, куда вы там

летите. Я не уверен, что причина взрыва находится или находилась на борту. Его последствия ни на что не похожи. Мы не нашли никаких обломков. Только следы очень мощного излучения, маленький большой взрыв, если можно так выразиться. Понятия не имею, что это было.

— Возможно, скоро узнаем, — кивнул отец сдержанно.

Я воззрился на него ошарашенно.

— О чем ты говоришь?! Возвращайтесь. До скачка в гиперпространство вам, скорее всего, ничего не грозит. Судя по всему, где-то в нем скрыт триггер.

— Но если у нас нет никаких идей, какой именно, мы не сможем избежать этой опасности сейчас или в любой другой момент.

— Ключевые слова — в любой другой. А выиграв время и сложив все, что нам известно, мы можем решить проблему!

— На всякий случай мы распорядились изменить координаты скачка. Как на входе, так и на выходе.

— Этого может быть недостаточно, если что-то заложено в самом механизме скачка, что-то еще не обнаруженное.

— Судя по всему, блок в управлении был связан с тем, чтобы мы не могли изменить курс.

— Или только чтобы не могли отменить путешествие прежде, чем станет поздно.

— Это может быть справедливо, — снова кивнул он. — Но нужно ли плодить сущности? Мы обнаружили несколько взрывных устройств, расположенных в машинном отделении так, что сработав, они причинили бы тотальный ущерб. А также скорректировали курс и время прыжка. Если таймеры бомб были синхронизированы со временем прыжка — если они были синхронизированы очень точно, то не исключено, что мог возникнуть тот самый эффект. Энергия вырвалась наружу, но материя уже не вернулась в обычное пространство.

— Я очень в этом сомневаюсь. Мы просчитывали возможности, и пока это и есть официальная версия. Но сомнительно, чтобы за всю историю не произошло ничего похожего.

— Очень может быть, что происходило не раз. Но редко. Вне серьезных наблюдений и расследований. Трактовалось каждый раз по-разному и каждый видел, что хотел.

— А потом вдруг случилось дважды с небольшим промежутком.

Отец потер глаза обеими руками.

— Есть в этом что-то нездоровое, обсуждать собственную фатальную катастрофу… Но — второй раз, ты говоришь?

Наверняка я сболтнул лишнее. Но если мне их отсюда не вытащить, то какая разница? Впрочем, теперь все они в зоне «поражения» моего временного стабилизатора, на котором я давно потихоньку изменил настройку, и если мне совсем не удастся их убедить, я просто заберу их с собой. По крайней мере, попытаюсь.

— Да, был и второй раз. Совсем недавно, с одним посольским кораблем.

— Чего-то ты не договариваешь, — вставила Линор почти шутя.

— У меня нет времени «договаривать»! — огрызнулся я. — Вы в смертельной опасности, но ведете себя, будто это какая-то игра.

— Может быть и игра, — подала голос, полный сожаления, мама из своего кресла, до того пережидавшая, пока мы разберемся в тонкостях скачков во времени. И от одного тона ее голоса мне стало совсем нехорошо.

— Моя игра? — переспросил я после паузы, которая показалась мне долгой, хотя это могло быть вовсе не так.

— Мы же тебя совсем не знаем, — с терпеливым участием объяснила она. — Ты из другого мира. И бог знает, о чем ты думаешь, и что тебе кажется реальным.

Все куда-то поплыло. Я сделал пару осторожных шагов к ближайшему креслу и тоже сел. Ладно, черт с этим со всем.

— Хорошо. Меня вы не знаете. А о том, кого знаете, вы думаете то же самое?

Они, конечно, замялись. Не отвечать же на такой вопрос прямо.

Что ж, гори оно синим пламенем. Я нажал на кнопку на стабилизаторе.

— Стой! — крикнула Линор, кидаясь ко мне. — Уф! — она с облегчением перевела дух, схватив меня за плечи. — Мне показалось, ты решил переместиться вместе со всеми нами, как грозился.

— Вообще-то да, — медленно произнес я в ответ со сверхъестественным спокойствием. — Решил. Только у меня не вышло.

Индикатор на браслете омертвело погас. Связь с «Пандорой» прекратилась.

4/4. «На круги своя»

— Нестабильная система! — воскликнула Линор, припомнив, о чем мы говорили. Но я ее почти не слышал, хотя отметил каким-то фоном. Я смотрел на отца, а тот, в свою очередь, смотрел на мой браслет-стабилизатор, отчего-то заметно побледнев и, похоже, прикусив губу. Усы отчасти скрывали этот факт.

— Ответ на твой вопрос: нет, — выговорил он слегка потрясенно.

— Какой вопрос? — У меня и в самом деле все вылетело из головы, стоило погаснуть огоньку на браслете.

— Последний. Нет, мы так не думаем. Не думали… И здесь мы только потому, что могли предвидеть подобную попытку, но надеялись, что ты этого не сделаешь.

Особенно после того, как они достаточно выждали, пока мы с Линор потрошили схему корабля. Думаете, я ничего не понял?

— Прекрасно! — прошипел я сквозь зубы. — Вы думали, я буду прыгать так близко в прошлое по пустякам? Потому что соскучился? Или решил подменить одну вашу версию на другую, раз моя меня чем-то не устроила?

— Ты знаешь, что можешь быть какой угодно версией себя, а мы — какой угодно версией нас. Сколько времени у тебя было на размышление? Годы? — Я непроизвольно качнул головой, и он так же непроизвольно кивнул, оценив, насколько я мог измениться за это время. — Месяцы? У нас нет, ты захватил нас врасплох.

— И теперь ваши худшие опасения подтвердились.

— Только некоторые из них. Не потому, что ты попытался нас переместить, а потому что не смог. Слишком рисковал, чтобы сюда попасть. Теперь я склонен с тобой согласиться, что лучше бы было нам вернуться.

— Отлично! Так давайте, возвращайтесь! — гора будто собиралась свалиться с плеч, но почему-то не сваливалась.

— Слишком поздно. До скачка остались секунды, обратить процесс запуска мы уже не можем. «Штандарт» — большой корабль.

Я встряхнул стабилизатор, крепко прихлопнув его ладонью, и заодно глянул на часы.

— Вы перенесли скачок на пятнадцать минут раньше?

Они как по команде тоже посмотрели на часы.

— Почему пятнадцать? — изумленно спросила мама. — Только на пять.

— На двадцать пятьдесят пять? — уточнил я. Это было известное мне время взрыва.

— Именно.

— Но сейчас же только сорок пять.

— Твои часы отстают! — сказала Линор, шагнувшая ближе и посмотревшая на табло моих часов.

И как мы умудрились не замечать этого все время?.. Были слишком увлечены. А я и не предположил, что попал сюда со смещением в десять минут по отношению к заданным координатам. «Пандора» не совершила пока ни одного «чистого» переноса, пусть и не забросила меня на этот раз в средневековье или в море.

Корабль содрогнулся, переходя в гиперпространство.

«Момент истины», — пробормотал я, кажется вслух. На какое-то мгновение захотелось рассмеяться. Если я сам сделал всё для того, чтобы нас *всех* накрыло одним взрывом во времени, разве это не смешно?.. Вот только если все случится сейчас, я этого просто не успею.

Но флагман не взорвался. Мы выдержали несколько секунд, прежде чем послышались облегченные вздохи.

Корабль легко вздрогнул снова. Но тоже ничего страшного не случилось, только, судя по тону двигателей, мы по какой-то причине преждевременно вышли из гиперпространства.

Индикатор на стабилизаторе невинно подмигнул крохотным зеленым глазом.

— Хм… — отец притронулся к уху, вслушиваясь в какое-то сообщение с мостика. — Видимо, что-то не так с гиперприводом, — проговорил он нам, продолжая слушать. — Мы все еще на орбите Леды, только на другом участке, и что-то тут не так с координатами… — Он замолк и удивленно выпрямился, а затем посмотрел прямо на меня, отняв руку от наушника. — Мы никуда не переместились, — сказал он, — в пространстве.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я не менее удивленно.

— С нами кто-то выходит на связь, — сообщил он вместо ответа. А затем включил динамик в кают-е:

— «Денебский дракон» вызывает «Денебский штандарт»! — кто-то словно повторил эти слова не в первый раз, настойчиво, причем, моим собственным голосом. — Оставайтесь на месте. Сохраняйте спокойствие. Сейчас двадцать девятое марта три тысячи пятьсот шестьдесят седьмого года по стандартному летоисчислению… — Обладатель моего голоса на мгновение прервался, переводя дух: — С возвращением!

— Это не я! — выдавил я, едва ко мне вернулся дар речи. — То есть… наверное, я все это говорю там, снаружи, но… — Я

посмотрел на свой стабилизатор. — Эта штука даже не работала все это время! Может быть, что-то другое сбило и ее настройку…

Но я не очень-то верил в то, что говорил. Хотя, почему бы и не разгореться временным войнам, рано или поздно?

— Значит, говоришь, эффект как от аннигиляции? — задумчиво проговорил отец. Казалось, он сдерживал смех.

— Да…

— Я только сейчас представил, насколько неисправна может быть твоя машина времени. Конечно, я в жизни с таким не сталкивался, но теоретически, так может выглядеть масштабный и очень сырой и дестабилизированный перенос во времени, с разбросом энергии вхолостую и множественным дублированием виртуальных частиц, мгновенно аннигилирующих. Хорошо еще, что все они остались «позади», как инверсивный след. Полагаю, приоритет безопасности — единственное, что не отказало.

— Но я совсем не собирался… Я представить не мог, что мне хватит энергии переместить куда-то целый флагман.

— На год вперед, — уточнил он.

— В любом случае, ни одна программа в тот момент не работала, и ничто не было на это рассчитано.

— А дополнительная энергия? — подала голос Линор. — Скачок в гиперпространстве, который вернул нас в ту же точку в пространстве, но на год позже?..

— Ох… — Корабль Лиги переместился тогда, когда я был на борту, в медицинской капсуле. Пусть там была только копия моего сознания, но она была постоянно связана с «Пандорой», этого могло оказаться достаточно.

— Что? — жадно переспросила Линор. — О чем ты сейчас подумал?

— Тот, другой корабль… Я экспериментировал и заодно проверял, был ли там вообще взрыв, или это инсценировка…

— Это что, был корабль Лиги? — недоверчиво уточнила она.

— О да! Еще бы. И они раскидали обломки при той же картине взрыва. Я заподозрил неладное. И разумеется, никуда не собирался его перебрасывать, просто находился там в момент, когда они перешли в гиперпространство, видимо, сам переход был и сигналом к перемещению — понятия не имею, куда и когда.

— А что же было со взрывом? — заинтересовалась мама.

— Взрыва не было. Я только проследил за этим и вернул психоматрицу назад. Это, конечно, ничего не доказывало, но теперь, постфактум, когда два корабля исчезли одинаково, я не знаю, что и… проклятье, ведь я бы сюда не сунулся, если бы не этот самый взрыв! Но он же был в прошлом, когда я

представления не имел, что «Пандора» может быть в рабочем состоянии.

— Удачное название, — отметил отец.

— Уж как повелось. — Опомнившись, что не хочу распространяться о не совсем удачных опытах, хотя после замеченной Линор морской воды запирать конюшню было поздно, я добавил, изобразив пальцами в воздухе нечто крошечное: — Маленькая черная коробочка, а какой эффект!

— Погодите, — перебила Линор. — Но ведь бомбы действительно были. И заблокированное управление.

Мы все с вниманием посмотрели на нее.

— Сейчас, когда все закольцовано во времени, мы просто не можем пронаблюдать того, что однажды, наверное, все же случилось по-настоящему. Но где-то на границах вероятностей катастрофа по-прежнему существует.

— Возможно, — согласился отец.

— А корабль Лиги?

— Но инсценировка же имела место, — напомнила она. — Или его ты тоже пытался спасти?

— Нет, не пытался.

— Уже хорошо, — одобрил отец, — за всем континуумом даже ты не уследишь. Но что ж теперь делать. За одну секунду мы пропустили целый год.

— Гм… конечно, раз нам точно хватает энергии, я могу попробовать вернуть корабль назад, чтобы создать еще одну петлю.

— Нет уж!

— Только не при неисправном аппарате! — воскликнула Линор.

— Вообще ни при каком! — добавила мама.

— Но тогда я ничего не могу исправить.

— Ты и так не можешь, — напомнил отец. — В твоем прошлом нас все равно не было — сколько, кстати?

— Около трех месяцев.

— Шустро, — одобрила моя сестрица.

— Значит, будем пока придерживаться известного плана: возвращение через год. Так мы меньше воздействуем на все, нам уже известное.

Больше, как будто, обсуждать было нечего. Я кивнул, поднялся, подошел ко все еще висящей посреди каюты сияющей схеме корабля и сунул прямо в ее центр руку с коммуникатором. Все данные со всеми последними изменениями автоматически будут сохранены и отправятся вместе со мной для более детального анализа, если мы действительно сделали все, что

нужно.

— Я действительно не хотел.

Линор ободряюще похлопала меня по плечу.

— А по-моему, это все-таки лучше, чем разлететься в пыль.

— О, Ли!.. — усмехнулся я. — Спасибо!

Я попятился назад, и она, улыбаясь, помахала мне рукой, то же сделали и остальные. Я помахал им, старательно изменил настройку на стабилизаторе, чтобы максимально понизить вероятность новых оплошностей, смутно продолжая слышать, как что-то вещаю извне в динамике с приглушенным звуком — все, что я там говорю, я смогу еще повторить. А главное мы уже услышали. Уверен, я назвал точную дату не только для них — я знал, что нахожусь в данный момент на борту, и сообщил ее самому себе. И там, снаружи, я очень ждал встречи. Пора было уступить место тому, другому. Время для оправданий еще будет. Посмотрев еще секунду на ровно горящий индикатор, я осторожно нажал на кнопку, отдавая сигнал к возвращению.

Меня настиг дикий приступ тошноты. Голова кружилась с прямо-таки злокачественной целеустремленностью. Какой там у нее, интересно, спин?..

— Ух, есть!.. — услышал я где-то вдалеке взволнованный голос Дона, который оказался внезапно близко, раз схватил меня за плечи и поддержал: — Я думал, эта сволочь скопытилась! — затараторил он возбужденно. И в тот момент я не мог различить, только ли меня била дрожь, или его тоже сильно трясло. — Сигнал начисто пропал! Я в отчаянии подключил Капеллу! Слава богу, сработало!.. Что там?! Только держитесь, ладно? Вы всегда можете попробовать снова. *Мы* можем попробовать снова!

— Нет… — я понятия не имел, слышит ли он меня, но был уверен, что говорю это вслух: — Хватит. По крайней мере, до…

До того, как «Пандора» станет более предсказуемой? Может быть…

Правда, буфер к тому времени тысячу лет, как исчезнет. Но на будущее все равно есть смысл построить что-нибудь понадежней. В конце концов, как я могу быть уверен, что мое будущее соответствует тому, что я только что видел? В моем будущем все может случиться не спустя год после происшествия, а спустя двадцать, или через полгода, или завтра, или никогда. Но, по крайней мере, все основания для надежды были. И я теперь знал, что за «эффект аннигиляции» мы наблюдали, по крайней мере, с очень большой долей вероятности. И раз мы это в самом деле видели в своем прошлом, то был очень большой шанс на то, что бомбы с корабля действительно убраны, и что рано или

поздно, они вернутся. Может быть… вернутся в далеком прошлом и создадут какую-то свою новую историю. Теперь у возможностей был огромный простор. И хорошо, что он все-таки был.

— Все получилось, Дон, — выговорил я уже спокойней. — Все уже получилось.

Он замер, и глаза его засветились восторгом.

— Расскажете?.. Когда придете в себя? — прибавил он тактично.

— Непременно, — улыбнулся я, подумав, что кое-что в своей повести до поры до времени лучше будет изменить. И все-таки… — Дон, не знаю наверняка, и не стоит об этом распространяться. Но правда, есть небольшой, но шанс, что все они еще вернутся. Твои друзья тоже.

Хотя состояние у меня было то еще, но я увидел, как с его лица схлынули краски, а губы задрожали.

— Фантастика, — прошептал он. — Если есть хоть крохотная вероятность, это грандиозно!

— Но прежде чем охотиться на саблезубых тигров… — мой голос наконец дал петуха и я откашлялся, — нам придется здорово доработать эту штуку!

Дон рассмеялся. Теперь я видел, что он и правда тоже дрожал от перевозбуждения и пережитой тревоги.

— Что угодно! Конечно!

— И все-таки расследовать, кто подложил на флагман бомбы, которые мы нашли, и заблокировал управление.

Дон побледнел снова, до зеленого цвета.

— Если, конечно, в нашем прошлом произошло то же самое.

— Конечно… — повторил он впечатленно. — Черт, как же не хочется думать о плохом.

Как же я был тут с ним согласен.

Чьи-то смертоносные диверсии — уже отвратительно. Но и последовательность событий была абсурдной. Ладно, она была нормальной, если брать в расчет путешествия во времени. Но предопределенность происходящего выглядела удручающе. Зависимость того, что уже случилось от того, что мы еще не сделали, и не сделали бы, если бы не… Проклятье! Без веских оснований никто бы не стал такого делать. Линор права, когда-то у этого действия в самом деле были веские основания, а затем все лишь «повторялось», сохраняя и подкрепляя стабильность возникшей самоподдерживающейся складки. Я не мог не отправиться выяснить, в чем тут дело, пораженный странным эффектом, а отправляясь, неизменно создавал кольцо-складку, которое снова поражало меня в прошлом, для того, чтобы при первой возможности, не дожидаясь, когда механизм

сбалансируется, отправиться выяснять, что же случилось… Впрочем, может, именно это было ценой их возвращения хоть когда-то. А в том мире, где ничего подобного не случилось, может, я все-таки просто использовал более исправную версию «Пандоры»?

Закольцованность не только событий, но и связанных с ними мыслей, в которых путаться все равно, что в липкой паутине — тоже весьма неприятный эффект мнимого всемогущества путешественника во времени. То и дело обнаруживающего свою зависимость от причинно-следственных связей, которые еще не появились на свет. Как тут не бояться сделать лишний шаг в какую угодно сторону?.. И что я там недавно говорил: что мы никогда не попадаем в собственное прошлое? Даже если не попадаем напрямую, косвенного проникновения вполне достаточно.

Для того чтобы у любого могли возникнуть совершенно законные опасения на этот счет. Для того чтобы цель оправдывала любые средства. Для того чтобы развязать войну на всё обозримое пространство-время, чтобы переписать все, что возможно, и уничтожить все существующее. Как чудесно сознавать, что все мы временны не только в линейном времени, рано или поздно все мы будем стерты гораздо раньше, чем появимся на свет, и только это восстановит стабильность. На какое-то время.

— Все время на ум приходит Вега, — мрачновато сказал Вирем. — Убиты были все, кроме наследника трона. А сам он был использован как ключ к королевству. Удобно. У монархии есть своя инерция. Пока кто-нибудь разберется и соберется ломать все сложившееся, можно столько дел натворить…

— Точно.

— Вы все еще хотите, чтобы она участвовала в расследовании?

Я кивнул.

— Да, хочу. В нашей ситуации есть одно замечательное отличие — мы все давным-давно играем с открытыми картами.

— Если только так не кажется.

— Что ж, нет идеальных решений. А если что-то пойдет не так, считай, что дело освободительной революции — прямое тебе задание.

Вирем нервно хохотнул и содрогнулся.

— Ладно… Страшное это дело — открытые карты… Так и хочется зажмуриться. Вот только… А как мы все это объясним? Откуда взяли информацию про бомбы. Придется объяснять и про перемещения во времени. И про то, что все могут вернуться.

— Возможно.

— Но что?

— Но уж лучше так. Ты просто не забывай про свое задание.

* * *

— Трудно сказать, что они не достигли в своем деле успеха. — Филиард Арли поставил едва пригубленный бокал на стол. — Разумеется, у них не вышло укорениться на Веге впрямую, но едва ли на это был расчет всерьез. Зато сама идея современной монархии дискредитирована была исправно. Настолько, что я сам решил с ней покончить, своими руками. — Словно передумав, он подхватил бокал и сделал глоток побольше. Не поспешно или нервно, а будто обозначив этим определенную ясную точку. — Но, как ты понимаешь, это был coup-de-grace, добивание того, что уже умерло. Было убито раньше, и не мной. Я только опустил в этом спектакле занавес. Не в их спектакле. Покончил только со своим.

Я задумчиво кивнул. Голова у меня все еще гудела после приключения несколько часов назад, но основные неприятности доставляли только некоторые мысли, как ложка дегтя в бочке меда. Но был ведь и мед! Несомненно, был, и его еще тоже следовало осознать, не сразу.

— А может быть, все верно? И это стоит сделать нам самим? Разрушить то, что умирает своей смертью, раньше, чем навалятся болезни — немощь и безумие, которые только сделают гибель болезненней и катастрофичней.

Он криво усмехнулся в усы, поглядывая на меня исподлобья.

— Я тоже так думал. Еще до того, как все случилось всерьез. Но… — он помедлил и усмехнулся еще раз. — Кто знает отпущенный ему срок? Только не говори мне про путешествия во времени. Немощь и безумие приходят и к детям. Не все доживают до преклонных лет, да и преклонные годы у всех свои. А что касается путешествий во времени… ты уже готов уступить контроль над неисправной машиной времени неизвестно кому? Или его сохранение будет пока наименьшим злом?

— Или соблазном? Иллюзией сохранения контроля. Но его можно сохранить иначе — уничтожить то, что представляет опасность. Уничтожить существующие механизмы, нарушить связи между ними, стереть данные.

— Как ты можешь знать, что они не существуют уже где-то еще? Согласен оставить мир беспомощным, без страховки, без запасных путей к отступлению?

Я думал так же, но мне необходимо было проговорить свои сомнения вслух. Он наверняка понимал это. Мы просто говорили, это не было спором.

— Пока еще есть естественная защита. Даже если не разрушать ничего, со временем, когда механизм становится стабильным, он ограничивает близкие перемещения, которые и могут представлять особенную опасность. А пока это возможно — он нестабилен и его действия непредсказуемы.

— Но ты уже можешь предсказать, что случится, если попасть в это время на чей-то корабль в нужный момент — чтобы на короткое или долгое время вывести его из игры.

— Да. — У меня мелькнула еще одна мысль, совсем не веселая, о том, что «первый раз», из-за которого все случилось и началась цепная реакция, мог произойти и по той причине, что какая-то версия меня пыталась вывести кого-то из игры намеренно. Кто может доверять самому себе во всех возможных версиях? Вот в чьих руках тоже не хочется порой оставлять контроль. Все наши версии неизбежны. — Но вот в чем еще дело. Как это будет возможно скрыть, когда все они вернутся? Ведь будет совершенно ясно, что они переместились во времени. Два корабля разных, практически враждующих государств. И все нити будут вести к нам. Это разорвет все обитаемое пространство.

— И время?

— Может быть. Да, может быть и так.

— Рано или поздно. Всему свой срок. Не стоит сдаваться раньше времени. Все равно никто больше не сможет с таким справиться, если не вы. Но еще для того, чтобы справиться, нужна определенная сила — тяжесть, инерция, что-то, что сдвинуть с места не так просто.

— О чем вы говорите? — на мгновение озадачился я. — Неужели о монархии?

Он пожал плечами.

— О традициях, о привычках. О симпатиях и привязанностях, которые нередко держатся на иллюзорных первых двух.

— Ох, бросьте, нас знают лишь как то, чего следовало бы бояться.

Он рассмеялся.

— Только людям, обладающим воображением. Многие же даже не в силах вообразить, что возможны подобные вещи. Для них не существует такой опасности, она слишком абстрактна.

— Она перестанет быть абстрактной, когда появится хоть один из пропавших кораблей. Тем более, когда появятся оба.

— Не спорю, непременно придется туго. Но представь, какая будет паника, если некому будет управлять этим хаосом. Вы, по

крайней мере, можете изучать возникшие аномалии. И вы пока ничего не выигрываете от того, что произошло.

— Они не выигрывают, — проговорил я тихо. — Но может быть, выигрываю я. По крайней мере, так кажется со стороны.

— Именно поэтому ты не спешишь короноваться?

— Я понятия не имею, на что я способен.

— Когда ты отдашь власть тому, кому она принадлежит, разве это будет иметь значение. Или ты не собираешься отдавать?

— Я уже прямо не знаю, кому бы и отдать, — рассмеялся я.

Хотя дело было все-таки не в этом. Я скорее не хотел, чтобы меня поглощали те самые привычки и традиции, которые становятся подменой нас на наши пустые оболочки. Пока еще не был к этому готов — к тому, чтобы играть по чужим правилам, не стуча при этом раздраженно копытом и не ставя своих условий, так или иначе. Таким образом я сохранял хотя бы подобие контроля над ситуацией.

Он покачал головой.

— Не шути так, это может быть самой большой ошибкой, и именно тем, на что все и рассчитано. Но ты пока в здравом уме, и все еще хозяин своих поступков и даже своего королевства.

— Возможно, — отозвался я сдержанно.

— У меня не было такой роскоши, — напомнил он. — Подумай об этом. Больше все равно некому с этим справиться, некому все исправить. И некому знать это лучше, как не тому, кто уже оступался, да там, где из всей известной вселенной бывали лишь единицы. Я сам бывал в подобных местах, да не в тех же самых. Тут даже я не смогу тебе помочь.

Это был длинный день. Но оказалось, что он может быть еще длиннее. Перед рассветом пришло известие, что буквально ниоткуда, в тех же координатах, в которых предположительно погиб посольский корабль Лиги, он вновь появился. Более того, он столкнулся с одним из автоматических поисковиков, все еще исследующих пространство на месте якобы произошедшей катастрофы. Я не помнил никакого столкновения в своем ментальном путешествии, но не был уверен, что мог бы ощутить его в той медицинской капсуле. Возможно, именно оно на мгновение пробудило пациента, а не мое собственное присутствие — такие тонкости в не очень ясном сознании я едва ли мог различить. По предварительным данным никто не погиб, но судно получило серьезные повреждения, и его экипажу и пассажирам пришлось принять помощь подоспевших патрульных кораблей Леды.

Конец первой книги

2014, ред. 2015 г.